

История материальной культуры Узбекистана

Выпуск 17

АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 17

ТАШКЕНТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
1982

В сборник вошли отдельные заметки, первичные публикации и обобщающие статьи по различным вопросам археологии Узбекистана и прикладных отраслей. Исследования охватывают широкий хронологический диапазон — от эпохи раннекаменного века Узбекистана до позднего средневековья.

Для историков, археологов, этнографов и широкого круга читателей.

Ответственный редактор
доктор исторических наук *А. Аскар*

Рецензенты:

кандидаты исторических наук *С. К. Кабанов, М. Д. Джуракулов*

М. Р. КАСЫМОВ, М. Х. ГОДИН

О КОМПЛЕКСНОМ ИССЛЕДОВАНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУЛЬБУЛАК

Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак изучается с 1963 г. В результате первых разведывательных работ 1963, 1965 гг. выявлено три культурных слоя мустьерского времени¹. Раскопки последующих лет убедили нас в перспективности комплексного исследования условий и характера залегания культурных слоев поселения. С 1967 г. исследования Кульбулака продолжались в большем объеме. В раскопках, кроме археологов, приняли участие специалисты по палеонтологии, четвертичной геологии, геоморфологии, с 1978 г.—археологи из ЛОИА АН СССР, литологи, почвоведы из ТашГУ им. В. И. Ленина и т. д.² Было вскрыто более 500 м² площади, определена стратиграфия памятника, выявлено 14 культурных слоев и получено огромное количество своеобразных каменных изделий зубчато-выемчато-скребущего и теякского типа, представлявших особую, ранее неизвестную кульбулацкую культуру палеолита Средней Азии³.

Одновременно Г. Ф. Тетюхиным производилось геолого-геоморфологическое исследование поселения и его окрестностей и были определены условия, характер залегания и геологическая датировка культурных слоев Кульбулака⁴.

В 1979 г. перед сотрудниками отряда были поставлены следующие задачи: углубление шурфа 3 с целью выявления новых бо-

¹ К а с ы м о в М. Р. Памятники каменного века в долине Ангрена.— ОНУ, 1967, № 2; Он же. Об итогах исследования памятников каменного века на территории Узбекистана в 1965—1967 годах.— ОНУ, 1969, № 3.

² В полевых работах отряда приняли участие М. Р. Касымов (начальник отряда), Л. М. Тарасов, И. И. Коробков (ЛОИА АН СССР), Б. Матбабаев, М. Ходжаназаров (Институт археологии АН УзССР), М. Х. Годин, Дж. Хусанбаев, У. Абдуназаров (ТашГУ им. В. И. Ленина), Т. И. Гувели (Ангренский краеведческий музей) и др.

³ К а с ы м о в М. Р. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак в Узбекистане (предварительные итоги исследований).— МИА. Вып. 185. Л., 1972, с. 119.

⁴ Там же, с. 111—114; К а с ы м о в М. Р., Т е т ь у х и н Г. Ф. К вопросу об археолого-геологическом возрасте многослойной палеолитической стоянки Кульбулак.— ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981.

лее древних культурных слоев; уточнение западных границ вышележащих мустьерских слоев; литолого-ритмостратиграфические исследования разрезов плейстоценовых отложений шурфа 3 и раскопов поселения Кульбулак.

Для решения первой задачи шурф 3 был углублен до 12,75 м от дневной поверхности поселения. При его углублении выявлены одиннадцать совершенно новых культурных слоев (XXIII — XV и XII^b — XII^a). Из них два культурных слоя (XII^b, XII^a) расположены выше XIII мустьерского слоя, а остальные (XXIII — XV) — ниже XIV культурного слоя. Несмотря на то, что они вскрыты всего на площади 7,5 м² каждый, получено достаточное количество каменных изделий для характеристики жизни неандертальского человека на Кульбулаке. Следует отметить, что в XXIII культурном слое обнаружены остатки костей ископаемых животных, по определению Т. Худайбердиева, — архара, лошади, и этот слой насыщен остатками древесного угля. Одним словом, во всех новооткрытых культурных слоях представлены различные нуклеусы, остроконечники, острия, скребловидные, выемчато-зубчатые орудия и орудия теякского типа, характерные для древнемустьерской эпохи (рис. 1).

Для выяснения второй задачи был заложен раскоп 16. Он является продолжением раскопа 15, заложенного в 1977 г. на западной окраине площадки, и охватывает квадраты X₁ — 20 — 23; Ц₁ — 20 — 23; Ч₁ — 20 — 23; Ш₁ — 20 — 23; Щ₁ — 20 — 23, т. е. занимает 20 м². Стратиграфия разрезов аналогична разрезам стенки раскопа 15. Здесь были вскрыты два мустьерских слоя (VII — IV), которые продолжаются к западу, причем слой IV завершается на кв. X₁ — 21, а слой VII, продолжаясь, вклинивается в западную стенку раскопа 16.

Среди большого числа каменных орудий из культурного слоя VII имеются дисковидные, одно-двухплощадочные нуклеусы, массивные пластины, выемчато-скребущие, зубчатые орудия, скребла и отщепы. Инвентарь культурного слоя IV характеризуется тем, что в нем наряду с типичными для мустье дисковидными нуклеусами, массивными пластинами, скреблами и другими орудиями встречаются более усовершенствованные нуклеусы, пластинки, концевые скребки с характерными признаками позднего палеолита.

Выявление культурных слоев еще раз свидетельствует о заселении Кульбулака первобытными людьми в течение длительного периода эпохи палеолита. Сопоставление комплекса изделий всех культурных слоев из шурфа 3 с изделиями других вышележащих культурных слоев этого же поселения показывает, что все культурные слои содержат почти однотипные изделия. Таким образом, это говорит о том, что древнейшие жители Кульбулака были носителями одной культуры.

Для определения абсолютного возраста культурных слоев поселения были взяты образцы на пыльцу из разрезов и шурфа 3 и раскопов стоянки Кульбулак.

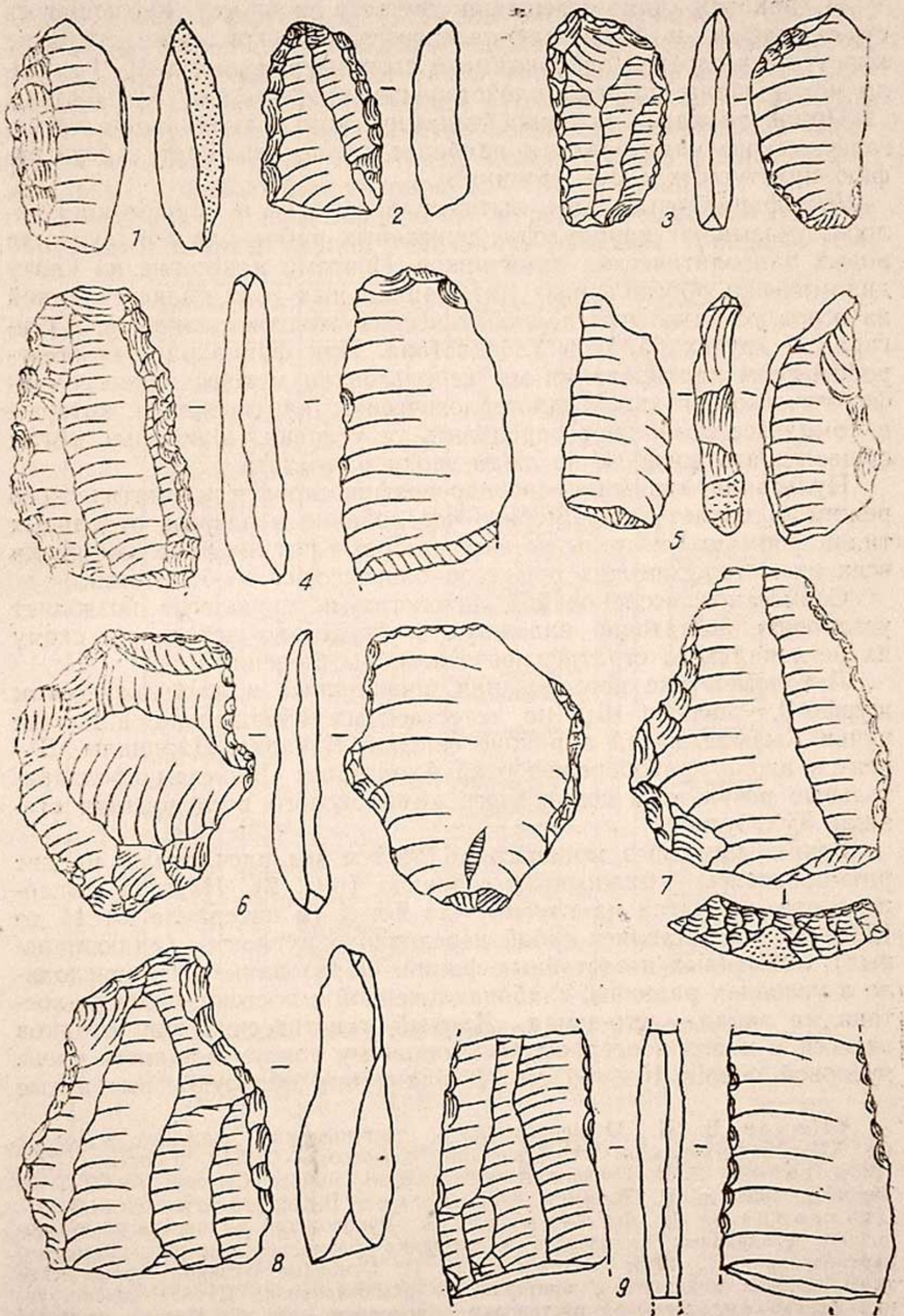

Рис. 1. Многослойная палеолитическая стоянка Кульбулак. Каменные изделия: 1—XVI к.с.; 2—XIII к.с.; 3, 7, 8—XVIII к.с.; 4—XXP к.с.; 5—XVII к. с.; 6—XIV к.с.; 9—XXI к.с.

И, наконец, для освещения третьего вопроса, касающегося стратиграфии и фациально-палеогеографической реконструкции культурных слоев и палеоклимата стоянки, впервые в 1979 г. были исследованы разрезы плейстоценовых отложений Кульбулака.

Принятая нами методика динамического фациально-палеогеографического картирования наиболее полно отражает стратиграфию культурных слоев стоянки⁵.

Литофациальные зоны, вытянутые в плане и образующие полосы, указывают направление поисковых работ для обнаружения новых палеолитических памятников. Поэтому нанесение на карту динамически обособленных литофациальных свит является одной из основ установления палеолитических стоянок долины р. Ахангаран и других районов Узбекистана. При фациально-палеогеографическом картировании мы использовали методы палеогеоморфологического и палеогидрогеологического картирования, которые в комплексе позволяют определить те условия, в которых могли существовать древнейшие люди эпохи палеолита.

Пульсация динамики ороидрографического и климатического режимов создает закономерное чередование в разрезе отдельных типов формаций и столь же закономерные ритмические изменения всех их литологических и палеобиологических особенностей.

Совместное исследование литологов и археологов позволяет установить достаточно надежную и предельно детальную схему их регионального стратиграфического расчленения.

Литологические исследования проводились в археологическом шурфе 3, раскопе 16 и на естественных обнажениях в долине ручья Кызылалмасай в районе селений Кучарта, Джушалы, Дукент и вдоль правобережья реки Ахангаран. Приведем предварительные результаты совместного комплексного исследования стоянки Кульбулак.

Вскрытый разрез мощностью 12,75 м мы расчленили на две ритмоподсвиты — нижнюю и верхнюю (рис. 2). Нижняя ритмоподовита, вскрытая на глубину до 2-х м (в интервале от 11 до 12,75 м), представляет собой чередование русловых (аллювиальных), пойменных и застойных фаций. Образование их происходило в условиях равнины, слабонаклоненной с востока — северо-востока на запад — юго-запад. Данный генетический тип осадков отнесен к подгорновоерному фациальному поясу. Мощность слоев русловой фации 10 — 50 см. В плане они образуют вытянутые

⁵ Попов В. И. О непрерывности тектонических движений. — Доклад на XII Международном геологическом конгрессе. — ОНТИ. Ташкент, 1937, 1938; Попов В. И. Литология кайнозойских моласс Средней Азии. Т. I. Ташкент, 1954; т. II. Ташкент, 1956; Попов В. И., Макарова С. Д., Станкевич Ю. В., Филиппов А. А. Руководство по определению осадочных фациальных комплексов и методика фациально-палеогеографического картирования. Л., 1963; Страхов Н. И. Основные физико-географические типы древних водоемов и критерии их распознавания; Детали реконструкции физико-географической обстановки в водоемах. — В сб.: Методы изучения осадочных пород. Т. II. М., 1957.

полосы шириной 10 — 50 м. Сложены слои галечником, гравием, песчаником. Заполняющей массой служит разнотернистый песок, алевроит, реже глина. Породы слабо уплотненные, пористые, цементация их весьма слабая. Среди русловых песков отмечаются линзы гравия. Характерно наличие косой корытообразной слоистости руслового типа. Контакты между слоями ровные, горизонтальные, с небольшим уклоном (2 — 3°) к западу.

На границах с подстилающими и перекрывающими слоями пойменных и озерных фаций отмечаются размывы, трещины, усы-

Ритмостратиграфическая шкала					Петрографическая колонка				Историко-археологическая шкала			Генетическая шкала								
Система	Ритмослиты	Ритмоподобия	Ритмопачка	Номера слоев	Шкала глубин	Щебенка	Конкремент	Гравелит	Песчаник	Алевролит	Глина	Археологический слой	Номер культурно-го слоя	Эпоха (культура)	Фацальный пояс	Фацальная зона				
																	Верхний	Средний	Нижний	
Плейстоцен	Среднеплейстоценовая Q ₂	Верхняя Среднеплейстоценовая Q ₂ ²	I	7	7,0								I	Верхний палеолит	Долинноверный					
				8	8,0												II	Русловая		
				9	9,0														III	Сухобальная крупнопломочная
				10	10,0														IV	Русловая (речная) песчанно-гравийная
				11	11,0														V	Лессовидная
				12	12,0														VI	Лессовидная
				13	13,0														VII	Лессовидная
				14	14,0														VIII	Лессовидная
				15	15,0														IX	Лессовидная
				16	16,0														X	Лессовидная
				17	17,0														XI	Лессовидная
				18	18,0														XII	Лессовидная
	19	19,0												XIII	Лессовидная					
	20	20,0												XIV	Лессовидная					
	21	21,0												XV	Лессовидная					
	22	22,0												XVI	Лессовидная					
	23	23,0												XVII	Лессовидная					
	24	24,0												XVIII	Лессовидная					
	25	25,0												XIX	Лессовидная					
	26	26,0												XX	Лессовидная					
	27	27,0												XXI	Лессовидная					
	28	28,0												XXII	Лессовидная					
	29	29,0												XXIII	Лессовидная					
30	30,0												XXIV	Лессовидная						
31	31,0												XXV	Лессовидная						
32	32,0												XXVI	Лессовидная						
33	33,0												XXVII	Лессовидная						
34	34,0												XXVIII	Лессовидная						
35	35,0												XXIX	Лессовидная						
36	36,0												XXX	Лессовидная						
37	37,0												XXXI	Лессовидная						
38	38,0												XXXII	Лессовидная						
39	39,0												XXXIII	Лессовидная						
40	40,0												XXXIV	Лессовидная						
41	41,0												XXXV	Лессовидная						
42	42,0												XXXVI	Лессовидная						
43	43,0												XXXVII	Лессовидная						
44	44,0												XXXVIII	Лессовидная						
45	45,0												XXXIX	Лессовидная						
46	46,0												XL	Лессовидная						
47	47,0												XLI	Лессовидная						
48	48,0												XLII	Лессовидная						
49	49,0												XLIII	Лессовидная						
50	50,0												XLIV	Лессовидная						
51	51,0												XLV	Лессовидная						
52	52,0												XLVI	Лессовидная						
53	53,0												XLVII	Лессовидная						
54	54,0												XLVIII	Лессовидная						
55	55,0												XLIX	Лессовидная						
56	56,0												L	Лессовидная						
57	57,0												LI	Лессовидная						
58	58,0												LII	Лессовидная						
59	59,0												LIII	Лессовидная						
60	60,0												LIV	Лессовидная						
61	61,0												LV	Лессовидная						
62	62,0												LVI	Лессовидная						
63	63,0												LVII	Лессовидная						
64	64,0												LVIII	Лессовидная						
65	65,0												LIX	Лессовидная						
66	66,0												LX	Лессовидная						
67	67,0												LXI	Лессовидная						
68	68,0												LXII	Лессовидная						
69	69,0												LXIII	Лессовидная						
70	70,0												LXIV	Лессовидная						
71	71,0												LXV	Лессовидная						
72	72,0												LXVI	Лессовидная						
73	73,0												LXVII	Лессовидная						
74	74,0												LXVIII	Лессовидная						
75	75,0												LXIX	Лессовидная						
76	76,0												LXX	Лессовидная						
77	77,0												LXXI	Лессовидная						
78	78,0												LXXII	Лессовидная						
79	79,0												LXXIII	Лессовидная						
80	80,0												LXXIV	Лессовидная						
81	81,0												LXXV	Лессовидная						
82	82,0												LXXVI	Лессовидная						
83	83,0												LXXVII	Лессовидная						
84	84,0												LXXVIII	Лессовидная						
85	85,0												LXXIX	Лессовидная						
86	86,0												LXXX	Лессовидная						
87	87,0												LXXXI	Лессовидная						
88	88,0												LXXXII	Лессовидная						
89	89,0												LXXXIII	Лессовидная						
90	90,0												LXXXIV	Лессовидная						
91	91,0												LXXXV	Лессовидная						
92	92,0												LXXXVI	Лессовидная						
93	93,0												LXXXVII	Лессовидная						
94	94,0												LXXXVIII	Лессовидная						
95	95,0												LXXXIX	Лессовидная						
96	96,0												LXXXX	Лессовидная						
97	97,0												LXXXXI	Лессовидная						
98	98,0												LXXXXII	Лессовидная						
99	99,0												LXXXXIII	Лессовидная						
100	100,0												LXXXXIV	Лессовидная						

Рис. 2. Схема ритмостратиграфического и историко-археологического расчленения плейстоценовых отложений многослойной палеолитической стоянки Кульбулак (по М. Х. Годину и М. Р. Касымову).

хания, заполненные тонкозернистым песком и алевроитом, что свидетельствует о периодическом колебании уровня текучих вод и климата того периода. Окраска пород серая, светло-серая до грязно-серой с тонкими полосами бурого и красно-бурого тонов.

Отложения пойменных фаций подгорноверного пояса отличаются мелкоземистым петрографическим составом. Это алевроиты, песчаные алевроиты с включением пелита, чешуек слюды (биотит), плоскоориентированной в слоях. Редко отмечаются единичные

обломки пород. Мощность слоев пойменных фаций не превышает 25 см. Слои по простиранию не выдержаны, имеют линзовидный характер и группируются вдоль линейно-вытянутых полос русловой фации. На плоскостях наслоений наблюдаются слабоволнистая рябь, отпечатки корневой системы, стеблей, листьев, в основном тугайной растительности, осоки и др.

Среди русловых и пойменных отложений встречаются застойные фации — это озерные отложения шоколадно-бурого цвета. Мощность слоев 1 — 30 см. Осадки застойных фаций образуют линзы, изометричные тела небольших размеров, располагающиеся в пониженных частях. В шурфе 3 на глубине 11,75 м на границе русловых и пойменных отложений найдены остатки костей и каменных орудий.

В верхней части разреза среднечетвертичной ритмоподсветы от интервала 1,2 — 11 м от дневной поверхности осадкообразование происходило в условиях, отличных от вышеупомянутых. Усиливающаяся тектоническая активность всего региона и климатические условия привели к изменениям гидрогеологического режима, т. е. к интенсивному росту ранее существовавших палеоподнятий, ограничивающих участок стоянки с востока и севера, перестройке палеорельефа, а вместе с ней и к изменению направления сноса обломочного материала. Если в нижней части среднеплейстоценовой ритмоподсветы снос обломочного материала и течение палеорек имели западное направление, то в верхней части он отмечался в перемещении с востока — северо-востока к югу — юго-западу, где северные палеоподнятия служили основными районами обломочного материала. Тектоническая активность и климатические изменения повлекли за собой интенсивный размыв ранее отложившихся осадков, носивший региональный характер для всего приташкентского района. Дальнейшее осадкообразование на Кульбулаке происходило уже в условиях наземных поднятий с образованием долиновоерных конусов, которые после выхода с гор на предгорную равнину создали единый долиновоерный фациальный пояс.

Таким образом, стратиграфическая граница определяется по наличию регионального размыва, азимутальному несогласию, а также фациально-палеогеографическим условиям осадконакопления.

Верхняя часть среднечетвертичной ритмоподсветы расчленяется на четыре ритмопачки. Нижняя — первая ритмопачка, расположена в интервале 13 — 11 м. Она характеризуется мелкоземистым составом осадков. Ее мощность меняется по простиранию и падению до полного исчезновения. Здесь выделены осадки фаций — русловой, пойменной и озерной. Петрографический состав русловой фации представлен смешанными осадками песчано-алеврит-пелитового состава с рассеянной мелкой галькой; пойменные фации — песчано-алевритового состава с включением пелита. Среди последних встречаются линзы песчаника русловых

фаций. Озерные отложения представлены глиной. Окраска пород бурая до красно-бурой. Они слабо сцементированы карбонатно-глинистым цементом. Отмечаются остатки и отпечатки растительности. На контактах между слоями встречаются мелкие конкреции, стяжения, сцементированные карбонатным цементом. В этой ритмопачке в двух горизонтах обнаружены культурные слои XXII — XXIII, также приуроченные к пойменной и русловым фациям.

Вторая ритмопачка залегает на нижней с размывом, азимутальным и петрографическим несогласием. Отличается более грубым обломочным материалом, массивной текстурой слоев. Ее мощность достигает 5 м. Отличается она от нижней менее яркой окраской. Здесь преобладают осадки русловой аллювиальной и пойменной фаций. Петрографический состав характеризуется ритмичным чередованием слоев. В основании ритмопачки залегает галечник, выше — песчаники и алевриты. Цементация пород по отношению к нижней ритмопачке значительно выше, состав цемента карбонатный, вверх по разрезу он переходит в карбонатно-глинистый. Окраска пород в нижней части ритмопачки коричневая, коричнево-серая, в кровле — желто-серая с буровато-охристым оттенком. Во второй ритмопачке впервые установлено десять культурных горизонтов (XII^в — XXI). Кроме того, над ними в соседнем квадрате выявлены новые культурные слои, развитые на пойменных фациях.

Третья ритмопачка мощностью 3 м также залегает с размывом и еще большим азимутальным несогласием. Отличает ее от вышеописанного микроритма грубый состав обломочного материала. В основании залегает валунный и валунно-щебневой материал обломочной водно-потоковой фации, который вверх по разрезу замещается более мелкой, щебне-песчаной и алеврит-песчаной русловой и пойменной фацией. Среди суходольных фаций, также как и в нижних горизонтах, встречаются осадки руслового аллювия, песчаники и песчаные алевриты. Окраска серая, грязно-серая с буровато-охристыми оттенками. Цементация пород более высокая, чем у второй ритмопачки. Состав цемента карбонатный и карбонатно-глинистый. В третьей ритмопачке установлено три культурных слоя — XII^а, XII^б и XII.

Четвертая ритмопачка (мощность ее около 2 м), образованная временными потоками, выделяется от вышеописанного разреза крупногрубым обломочным материалом. Осадки имеют микроритмичную текстуру. Породы скреплены карбонатным цементом. Окраска пород бурая. Здесь установлено девять культурных слоев (VI—XI, XI^а), мощность которых не превышает 5—10 см. Главным образом это мелкоземистые песчано-алевритовые прослойки среди крупнообломочных пород.

Верхняя часть разреза мощностью до 1,5 м представлена отложениями склонного (аллювиального) фациального пояса, мелкоземистой лёссовидной микрофацией. Данный генетический

тип осадков на площади распределен неравномерно. Наиболее мощные отложения сохранились на локальных участках внутрихолмистых понижений, на водоразделах низких предгорий они либо отсутствовали, либо характеризовались незначительной мощностью. Они залегают на размытой поверхности разновозрастных отложений: от палеозоя до среднечетвертичных. Представлены песчанистым алевритом с рассеянной мелкой галькой, часто имеют комковато-ореховую текстуру. Выше по разрезу замещаются алевритовыми и пелитовыми слоями. Окраска их серая с различными охристыми оттенками коричневых и бурых тонов.

В этом генетическом типе осадков установлены два позднемустьерских (V — VI) и три позднепалеолитических слоя (III — I). Здесь осадконакопление происходило на размытой поверхности мелкоземистых отложений неоген-четвертичного возраста. Палеорельеф был слабо расчлененным и имел вогнутую корытообразную форму, наклоненную с востока на запад и образующую подгорную равнину, где широкое развитие получили осадки веернообломочной и веерномелкоземистой зон, которые пересекались мелкими руслами со своими поймами, озерами и старицами. Питающими провинциями были удаленные поднятия Тянь-Шаня и местные невысокие палеоподнятия в северной стороне участка Кульбулак. Здесь формировались мелкие долинные веера, которые подрезались поперечными руслами и перерабатывались уже в новых условиях. Палеорека Ахангаран, расположенная с южной стороны участка, не влияла на формирование осадков, так как постоянно отжималась конусами выносов, формирующихся в северо-восточной части площадки стоянки.

Таким образом, проведенные комплексные исследования на палеолитической стоянке Кульбулак и прилегающих к ней площадях позволили более надежно стратифицировать культурные горизонты, выявить закономерности их развития в разрезах и плане, а также проследить формирование осадков и особенности развития палеолитических культур.

Культурные горизонты располагаются главным образом среди мелкоземистых горных пород, приурочены к перерывам осадконакопления, т. е. занимают положение между естественными микроритмами. Мощность культурных горизонтов часто сокращена эпигенетической денудацией.

Итак, результаты комплексных литолого-археологических фациально-палеогеографических и ритмостратиграфических исследований, полученные на стоянке Кульбулак, подтверждают целесообразность использования данной методики при изучении как этой, так и других палеолитических стоянок и выявлении новых палеолитических памятников не только на территории Узбекистана, но и всей Средней Азии.

НОВАЯ ПЕЩЕРНАЯ СТОЯНКА МУСТЬЕРСКОГО ВРЕМЕНИ В УЗБЕКИСТАНЕ

В горных районах Узбекистана обнаружено и исследовано несколько пещер и гротов, культурные слои которых содержали остатки охотничьих стойбищ каменного века¹. К настоящему времени выявлена еще одна пещерная стоянка коридорного типа², устьевая часть которой полностью погребена. Данная статья является предварительной публикацией материалов из пещеры Пальтау по итогам работ 1978 — 1979 гг.

В 1978 г. Обирахматский отряд Института археологии АН УзССР параллельно с работами в гроте Оби-Рахмат проводил исследования на территории Бостанлыкского района Ташкентской области, где на правом берегу Пальтаусая в 8 км к югу от поселка Бручмулла была открыта пещерная стоянка Пальтау³.

Пещера коридорного типа, ее своды образованы в синклинальном пласте мраморизованного известняка. В настоящее время открыты три зала, разделенные невысокими арками. Длина первого 11 м, ширина 7 м, высота от поверхности пола 5 м. Второй зал имеет длину 12 м, ширину 6,5 м, высоту от поверхности пола 12 м. Третий зал вклинивается в стену пещеры длиной 4 м, шириной 2,8 м, высотой 2 м. Для установления характера культурных напластований в первом зале пещеры заложили разведочный шурф размером 2 × 1 м. При прокладке его на глубине 3 м обнаружено 15 каменных изделий из кремнистого известняка. В основном они представлены крупными пластинами, массивными отщепами удлинённых пропорций.

В 1979 г. в первом зале коридора заложили небольшой раскоп, позволивший вскрыть верхнюю часть толщи отложений, где использовались в основном два верхних культурных горизонта:

¹ Окладников А. П. Исследования мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш. М., 1949; Амир-Темир — новый памятник каменного века в горах Байсунтау. — КСИИМК. Вып. 6. М., 1940; Лев Д. Н. Древний палеолит в Аман-Кутане. — Труды УзГУ. Вып. 61. Самарканд, 1956; Ходжакентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана. — КСИА АН СССР. Вып. 82, 1961; Насретдинов Х. К. Ходжакентская пещера № 1 — мустьерский памятник близ Ташкента. — ОНУ, 1962, № 4; Он же. Пещера Ак-Таш — палеолитическая стоянка под Ташкентом. — ОНУ, 1963, № 6; Сулайманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат. Ташкент, 1972; Алпысбаев Х. А. Предварительные итоги изучения памятников каменного века в пещерах Южного Казахстана в 1969—1970 гг. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1. Л., 1972, с. 29; Исламов У. И. Результаты раскопок 1971 г. в пещерных стоянках Мачай и Обишир-V. — Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972; Он же. Мезолитические памятники Ферганской долины. — ИМКУ. Вып. 9. Ташкент, 1972.

² Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа. Л., 1977, с. 18—58.

³ Оманжулов Т., Тарасов Л. М. Работы Обирахматского отряда. — В сб.: Археологические открытия 1978 г. М., 1979, с. 558.

эпохи бронзы и мустьерский. Кроме того, был снят план пещеры, сделаны ее продольный разрез, поперечные разрезы галерей, установлена нулевая горизонталь и линии будущих продольных профилей, разбита квадратная сетка, сплошной линией наведен уровень дневной поверхности пола.

В разрезах отложений отчетливо видно чередование 13 — 14 литологических слоев, относящихся в основном к двум археологическим горизонтам. Охарактеризуем каждый из них.

1-й слой — темно-бурового цвета, почти черный, землистый, содержащий остатки костей животных. Мощность слоя 0,2 — 0,3 мм.

2-й слой — сероватого цвета, со смешанными очажными остатками и гумусированной почвой. Мощность слоя 0,1 — 0,15 мм;

3-й слой — темного цвета, местами с углистой прослойкой с включениями керамических фрагментов и обожженных костей животных. Мощность слоя 0,1 — 0,5 мм;

4-й слой — сероватого цвета, с включениями обломков известняка, изредка встречаются фрагменты керамики. Мощность слоя 0,25 — 0,3 мм;

5-й слой — темного цвета, почти черный, землистый, с углистой линзой, содержащей костные остатки животных и фрагменты керамики. Здесь встречено два изделия из песчанистого камня, напоминающих рубила для горных работ. Мощность слоя 0,12 — 0,155 мм;

6-й слой — темно-коричневого цвета с примесью мелкой известковой щебенки. Мощность слоя 0,6 — 0,12 мм;

7-й слой — образован из нескольких слоистых линз различного цвета, с примесью песка, суглинка, щебня и др. Выявлена углистая линза. Мощность слоя 0,15 — 0,2 мм;

8-й слой — светло-коричневого цвета с песком и включением крупного известкового щебня. Мощность 0,25 — 0,3 мм;

9-й слой — темного цвета. Встречены фрагменты керамики, каменные изделия из песчанистых пород, немногочисленные фрагменты костей животных. Среди находок два фрагмента керамики с орнаментом. Мощность слоя 0,08 — 0,15 мм;

10-й слой — серо-пепельного цвета с гумусированными углистыми линзами. Мощность слоя 0,05 — 0,1 мм;

11-й слой — светло-желтого цвета с примесью песка и включениями обломков известняка. Мощность слоя 0,2 — 0,25 мм;

12-й слой — серого цвета, глина со значительной примесью мелкого угля. Встречено несколько отщепов из кремнистого известняка и фрагменты костей животных. Мощность слоя 0,3 — 0,35 мм;

13-й слой — темно-серого цвета, глина с мелким щебнем. Найдено 32 изделия из кремнистого известняка. Мощность слоя 0,3 — 0,4 мм;

14-й слой — красно-желтой супеси с мелким известняковым щебнем, западная грань раскола прилегает непосредственно к скале. Мощность слоя 0,15 — 0,2 мм.

Материалы эпохи бронзы представлены, в основном, фрагментами керамики (рис. 1,2). Среди них маленький фрагмент распис-

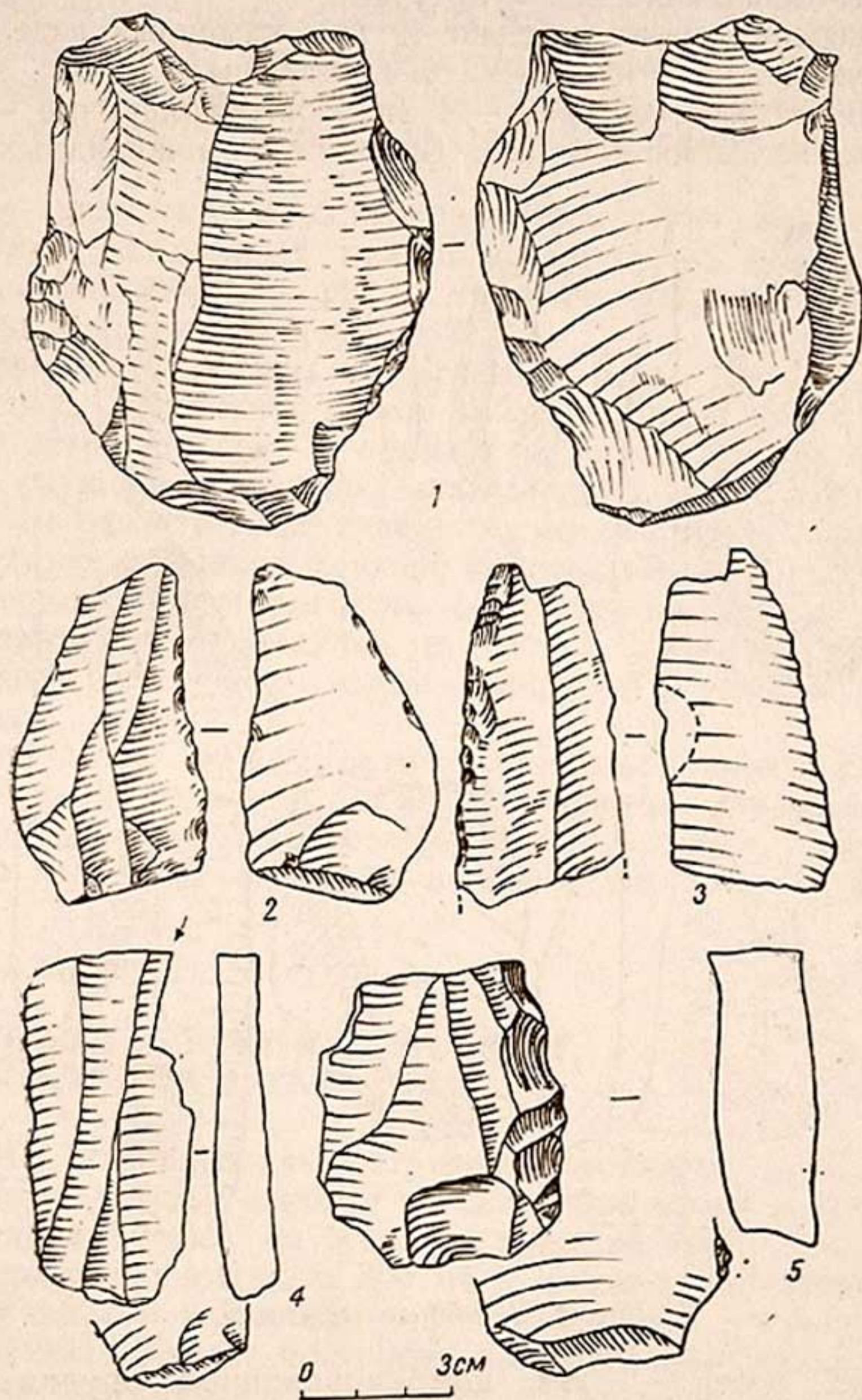

Рис. 1. Каменные орудия.

ной и два выразительных фрагмента керамики с крупнозубчатым орнаментом в виде параллельных линий⁴. Кроме того, найдено

⁴ Аналогичная керамика встречена в районе Туябугузского водохранилища. См.: Дукее Х. Исследование памятников поздней бронзы и раннего железа в зоне Туябугузского водохранилища в 1976 г. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 58; Он же. Новая стоянка эпохи бронзы в Ташкентской области. — ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979, с. 44—45.

два изделия из песчанистого камня: терка и зернотерка. Таким образом, весь материал эпохи бронзы в целом можно отнести к андроновско-тазабагьябской культуре.

В мустьерских слоях найдено 49 экз. каменных изделий: нуклеусы и нуклевидные куски — 2 экз., отщепы — 6 экз., пластины без ретуши — 7 экз., скребла — 4 экз., остроконечники — 3 экз., ножевидные пластины — 4 экз., фрагменты ножевидных пласти-

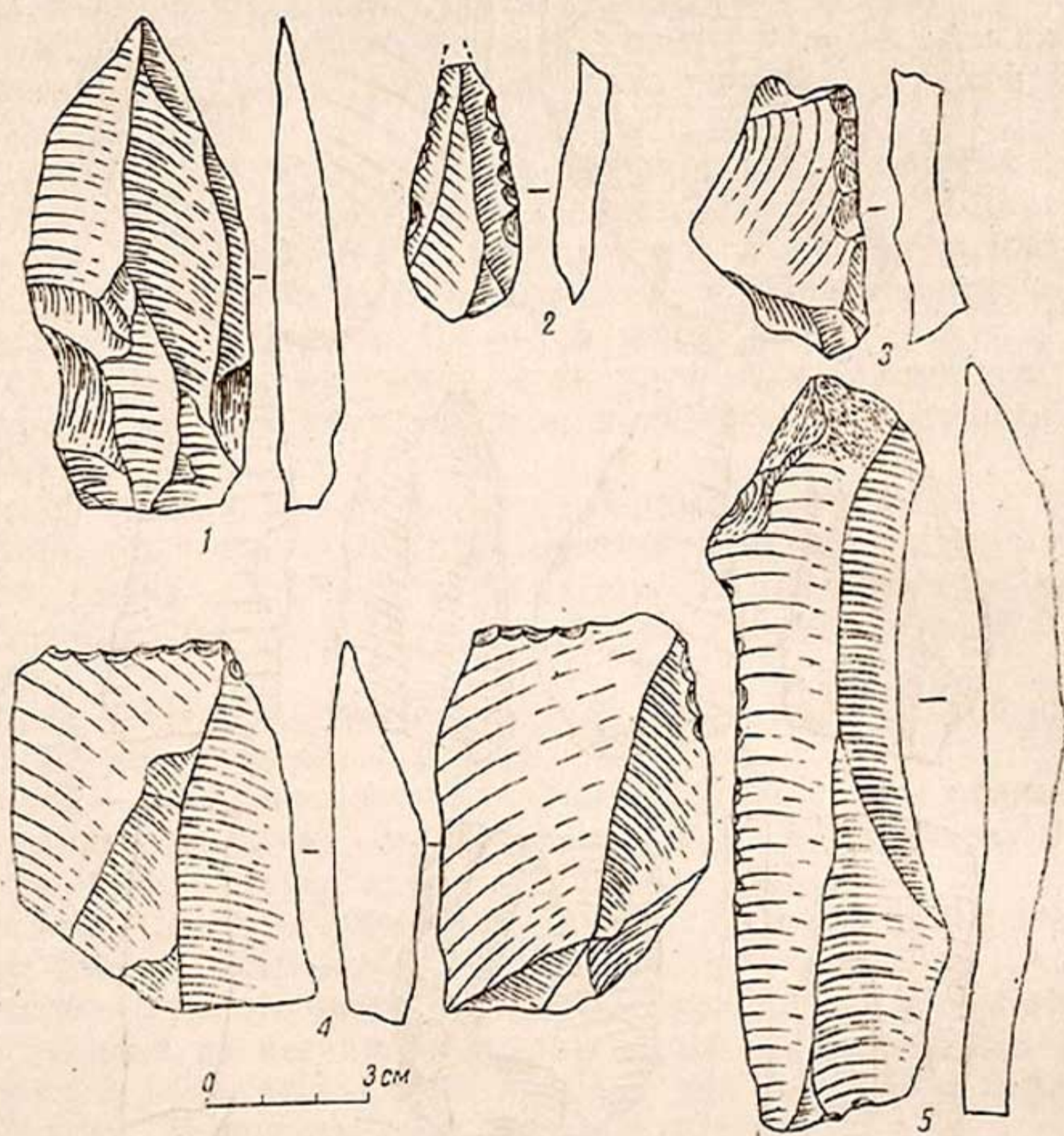

Рис. 2. Каменные орудия.

нок — 2 экз., резец — 1 экз., комбинированные орудия — 2 экз., сколы ретушированные — 3 экз., осколки и обломки — 15 экз. Материалом для нуклеусов, пластин и отщепов служили местные породы — кремнистый сланец и кремнистый известняк. Среди невыразительных отщепов и фрагментов сколов встречены изделия с мелкой и крутой ретушью (см. рис. 2, 3, 4).

Несмотря на малочисленность находок, значителен и разнообразен состав орудий и изделий со вторичной обработкой — 19 экз. Для типологического состава каменного инвентаря характерно наличие скребел, остроконечников, ножей, комбинированных изделий, сделанных на леваллуазских и мустьерских сколах.

Скребла представлены 4 экз. В основном они обработаны односторонне и изготовлены из мустьерских пластинок, у одного из них основная часть сломана (см. рис. 1, 3). У другого скребла ретушь крутая, ударная площадка двугранная (см. рис. 1, 5).

В коллекции два комбинированных изделия. Одно изготовлено из крупного отщепа, края орудия имеют противоположащую ретушь на поперечном конце с подтеской. Ударная площадка гладкая (см. рис. 1, 1).

Среди находок — 3 остроконечника. Они изготовлены из мустьерских удлиненных отщепов треугольной формы с гладкой ударной площадкой (см. рис. 2, 1). Один остроконечник леваллуазского типа с ретушью (см. рис. 2, 2).

Ножевидные пластины представлены 5 экз. Одна из них с мелкой ретушью и широкой ударной площадкой (см. рис. 1, 2). Другая слегка отретуширована, с прямым и острым лезвием, напротив которого обушок⁵. Обушковый край гладкий (см. рис. 2, 5).

Отмечен единственный экземпляр бокового резца на укороченной пластинке с гладкой ударной площадкой (см. рис. 1, 4).

По составу использованного сырья изделия из коллекции пещеры Пальтау не отличаются от орудий из гротов Оби-Рахмат и Ходжакент⁶. Прослежены черты сходства и в технике раскалывания камня.

На основании общей оценки каменного инвентаря пещера Пальтау предварительно датируется мустьерским временем. Несомненно, дальнейшие исследования пополнят материал по изучению каменного века в древнейшей истории Узбекистана.

У. РАХМАНОВ

ОБ ОРНАМЕНТАЦИИ КЕРАМИКИ С ПОСЕЛЕНИЯ ДЖАРКУТАН

В 1979 г. Шерабадским отрядом Института археологии АН УзССР проводились раскопки на поселении эпохи поздней бронзы Джаркутан. На одном из бугров в северной части памятника был заложен раскоп площадью 700 м² и вскрыта значительная часть большого жилого комплекса — 30 помещений, а также выявлено 10 погребений. Здание построено на платформе толщиной 1,5 м, возведенной из сырцовых кирпичей. При раскопках зафиксировано три строительных горизонта. Первый, наиболее древний, дал материал джаркутанского этапа культуры Сапалли (XV — XIV вв.

⁵ Любин В. П. Мустьерские культуры Кавказа, с. 137—138.

⁶ Сулейманов Р. Х. Статистическое изучение культуры грота Оби-Рахмат, с. 151, 154, 155; Насретдинов Х. К. Ходжакентская пещера № 2 — мустьерский памятник близ Ташкента. — ОНУ, 1962, № 6; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966, с. 26—31; Материалы из Ходжакентской пещеры № 1, № 2. Коллекции из музея Истории народов Средней Азии, № 87/8, 87/13, 87/17.

до н. э.), а два верхних — кузалинского (XIII — XII вв. до н. э.) и моллалинского (XI — X вв. до н. э.). Сохранность стен помещений верхних строительных горизонтов хуже, чем стен нижнего. Керамические материалы из верхних слоев можно отнести к кузалинскому и моллалинскому этапам¹. Опишем немногочисленную группу керамики, характерным признаком которой является наличие орнаментации, иногда довольно сложной композиции.

Вся орнаментированная керамика изготовлена на гончарном круге быстрого вращения, имеет отличный обжиг высокого качества. Орнамент нанесен на сосуды путем вдавливания узкой палочкой или процарапыванием в виде ромбов, образованных пересечением косых и волнистых линий, «елочек» в горизонтальном положении, полос прямых и косых линий и насечек. Вся посуда покрыта ангобом светлого цвета, черепок в изломе розового цвета.

По форме керамические изделия можно разделить на следующие типы: цилиндрические сосуды, кувшины, горшки сферической формы и чашечки. Сосуды первого типа (4 экз.) имеют тулово цилиндрической формы. По мотивам орнаментации и некоторым другим особенностям они подразделяются на три варианта:

а) крупный сосуд цилиндрической формы, расширяющийся к венчику, который, являясь продолжением стенок, слегка вогнут наружу и чуть утолщен (рисунок, 6). Стенки сосуда (их толщина до 1,6 см) имеют плавный изгиб вовнутрь. Диаметр венчика 28 см. Под ним на расстоянии 6,5 см налепной валик (ширина 2,8 см). На сосуд нанесен орнамент в виде глубоко прочерченных косых линий, при пересечении которых образуются косые ромбы. Ромбы нанесены на сосуд под венчиком, их высота до 5 см. На налепном валике — косые насечки;

б) сосуды, имеющие тулово цилиндрической формы с манжетовидным венчиком (рисунок, 1, 5). Диаметр венчика 19 — 20 см. Толщина стенок до 1,2 см. В средней части одного из сосудов налепной валик, покрытый косыми насечками. На манжетовидные венчики нанесены косые линии, которые, пересекаясь, образуют небольшие ромбы;

в) сосуд, имеющий тулово цилиндрической формы, расширяется к венчику прямоугольной формы (рисунок, 8). Диаметр венчика 19 см, верхняя грань его оформлена в виде полочки. Под ним — отверстие прямоугольной формы, прорезанное по сырой глине.

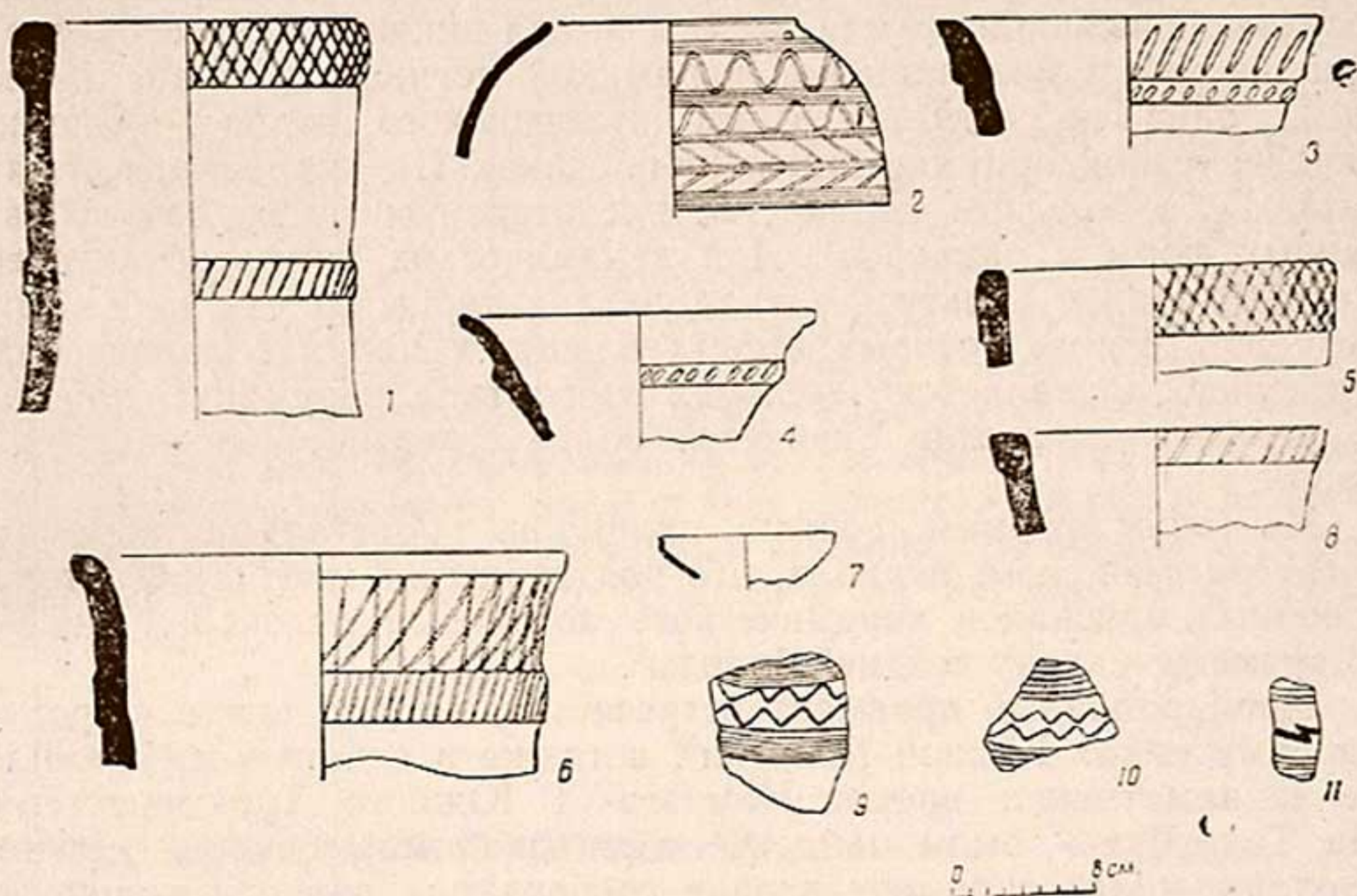
На внешнюю сторону венчика нанесены косые насечки, сделанные вдавливанием палочки.

При раскопках, кроме того, найдены фрагменты стенок кувшинов (рисунок, 9 — 11). Отметим, что при раскопках могильника

---

¹ А с к а р о в А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977, рис. 32; А б д у л л а е в Б. Могильник Джаркутан. — ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1979, с. 22—34.

Джаркутан-IV значительную часть керамического материала кузалинского этапа составляли кувшины с орнаментом в виде прочерченных сосудов горизонтальных круговых линий². Довольно часто встречалась и более усложненная композиция: прочерченная волнистая линия между двумя полосами прямых линий. Найденные на раскопках могильника Джаркутан-1 обломки кувшинов имеют подобную орнаментацию, но несколько более услож-

Керамика с процарапанным орнаментом.

ненную, в частности вместо волнистой линии зигзагообразную, либо две волнистые линии между двумя полосами прямых линий, которые, соприкасаясь вершинами, образуют ромбы.

Интересен горшковидный сосуд с туловом сферической формы (рисунок, 2). Венчик плавно загнут вовнутрь закругленным краем стенок сосуда. Диаметр венчика 10 см. Под ним круглое отверстие (диаметр 0,5 см) для подвешивания. Сосуд покрыт ангобом светлого цвета. Судя по его сохранившейся части, орнамент располагался в верхней половине. В композиционном отношении он довольно сложен — в виде трех фриз, разделенных прямыми горизонтальными круговыми прочерченными линиями. В двух верхних фризах — по одной волнистой процарапанной линии, в третьем, самом нижнем, пространство заполнено «ёлочкой» в горизонтальном положении.

² Аскар о в А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 104, табл. IX; Абдуллаев Б. Могильник Джаркутан, рис. 2, 2, 4.

Заслуживает внимания миниатюрная миска конической формы с надломленным венчиком диаметром 10 см (см. рисунок, 7). На нее нанесена зубчатая орнаментация методом вдавливания в глину острого предмета. Орнамент расположен под венчиком сосуда в виде горизонтальных линий.

При раскопках погребений кузалинского и моллалинского этапов могильника Джаркутан-IV также получено большое количество археологических материалов, в том числе и керамических сосудов. Описанная группа посуды имела значительное сходство с кузалинской и моллалинской керамикой могильника. Как отмечалось, одна из ведущих форм кузалинского этапа — кувшины с прочерченной орнаментацией на плечиках. На могильнике Джаркутан-IV в большом количестве представлены миски самых различных форм и размеров³. Для керамических комплексов завершающих этапов культуры Сапалли характерны сосуды небольших размеров, форма которых весьма близка к цилиндроконической⁴. Отчетливо проявляется эволюция этого типа керамики: плавная округлость постепенно сменяется более строгой геометричностью линий.

По своим формам сосуды являются прототипами керамики древнебактрийского периода, что подтверждает мнение об истоках основных признаков керамического комплекса древнебактрийского времени в эпоху поздней бронзы⁵.

Процарапанный орнамент встречается, хотя и довольно редко, на памятниках Южной Бактрии⁶, а также в единичном экземпляре на памятниках времен Намазга-VI Южного Туркменистана⁷. На Тахирбае-3 были найдены горшковидные сосуды, имевшие процарапанный орнамент в виде гребенчатых полос и волнистых линий между ними, а также фрагменты сосудов с «ёлочным» орнаментом, аналогичным керамике Джаркутана.

Орнаментированная керамика Джаркутана отличается от расписной техникой нанесения орнамента, однако, все же в мотивах орнаментации очень много общего — это ромбы, «ёлочки», зигзагообразные и горизонтальные линии. Подобный орнамент известен и в керамике Кучуктепа на юге Узбекистана⁸, Дальверзина Фер-

³ Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 87.

⁴ Абдуллаев Б. Раскопки поздних погребений могильника Джаркутан. — ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1977, с. 39; Аскарлов А. А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана, с. 85—86, рис. 32, II, 2.

⁵ Аскарлов А., Аминов В., Рахманов У. Новые данные о поселении Кучуктепа. — ОНУ, 1978, № 11, с. 52—56; Аскарлов А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, с. 74—80.

⁶ Сариянди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. с. 65.

⁷ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. Л., 1959, с. 22, 101, табл. V, 1; VII, 2, 5, 7, 11.

⁸ Аскарлов А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа, с. 31—40.

ганской долины⁹, Яздепе-1 Южного Туркменистана¹⁰, Тилля-тепе Северного Афганистана¹¹, но не характерен как для керамики культуры Сапалли, так и для родственных ей древнеземледельческих культур эпохи бронзы. Схожие мотивы орнаментации и ее техника присущи более северным скотоводческим культурам эпохи бронзы, особенно андроновской¹².

Весьма своеобразный характер орнаментации керамики Джаркутана обусловлен, на наш взгляд, различиями в технологии керамического производства древних земледельцев и племен степной бронзы.

Керамика культуры Сапалли изготовлена на гончарном круге быстрого вращения в керамических печах сложной конструкции. Напротив, у племен андроновской культуры вся посуда лепная. Воспринимая новые формы сосудов и орнаментацию, древние гончары приспособивали их к привычной им технологии. Примером могут служить кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы. Изготовленные по образцу кубков южных древнеземледельческих культур, они в тоже время сделаны вручную и имеют характерную для андроновской культуры орнаментацию¹³. Орнаментированная керамика Джаркутана свидетельствует о наличии взаимных связей между культурами древних скотоводов и земледельцев, которые особенно усилились на рубеже II и I тысячелетия до н. э.

Х. ДУКЕ

ЧИРАКЧИНСКОЕ ПОСЕЛЕНИЕ

Чиракчинское поселение расположено в Кашкадарьинской области на южном берегу Чимкурганского водохранилища в 13 км к западу от районного центра Чиракчи. Оно сохранилось в виде небольшого холма, большая часть которого размыта водами водохранилища.

Поселение открыто ст. научным сотрудником Института археологии С. К. Кабановым. Им на берегу водохранилища обнаружены десятки фрагментов керамики, которая предположительно отнесена к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

Для специального изучения поселения на этом памятнике

---

⁹ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. Вып. 118. М.—Л., 1962, табл. XVII.

¹⁰ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы, табл. XVII—XX.

¹¹ Сарниди В. И. Древние земледельцы Афганистана, с. 108—109.

¹² Черников С. С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. — МИА. Вып. 88. Л., 1960, с. 67—75, рис. 13—15.

¹³ Кузьмина Е. Е. Кубкообразные сосуды Казахстана эпохи поздней бронзы. — В сб.: В глубь веков, Алма-Ата, 1974, с. 16—24.

в апреле — мае 1972 г. были проведены раскопки¹. Определить точно границы поселения не представляется возможным. Учитывая то, что в настоящее время культурный слой сохранившейся части поселения занимает в ширину с севера на юг 6 м, можно полагать, что первоначальная ширина составляла 32 м, а первоначальная высота холма от нулевой точки — 2,5 м. В разрезе были замечены очертания нескольких хозяйственных ям, хорошо вырисовывающихся на фоне желтого лёсса и частично разрушенных при размыве берега. Дальнейшая расчистка в пределах темных пятен позволила установить форму ям.

В основном, они были круглые и овальные в плане, располагались в ряд с запада на восток на разном расстоянии друг от друга. Всего раскопано 12 ям, 4 из которых обнаружены в обресе холма. Верхняя часть ям не сохранилась, видимо, они были смыты. Судя по оставшейся части, ямы расширялись в нижней части и имели грушевидную либо колоколовидную форму. Назначение их, по всей вероятности, двойко: первоначально их использовали для хранения зерна — об этом свидетельствуют встречавшиеся в них обломки зернотерок, — а затем для свалки мусора. В ямах найдено большое количество костных и керамических остатков. Во время исследования поселения строительных остатков не обнаружено.

Хозяйственная яма 1. Она находилась на расстоянии 4,5 м к востоку от края раскопа или в 12 м к востоку от границы россыпи керамики. В плане овальной формы. Длина с запада на восток — 2 м, ширина с севера на юг — 1,4 м, глубина — 1,4 м. Северная часть размыта водами водохранилища. Слои ямы характеризуются следующим образом: дерновый слой — мощностью 25 см; рыхлый серый грунт — мощностью 20 см; рыхлый серый грунт с примесью золы, угольков, костей животных и керамических фрагментов — средней мощностью 30 см; черный рыхлый грунт с примесью золы, угольков, костей животных и фрагментов керамики — мощностью 35 см; прослойка золы с примесью песка, угольков, обожженной глины, костей животных и фрагментов керамики — средней мощностью 30 см.

На глубине 1,4 м вскрыт материк, представлявший плотный слой светло-желтого, чистого лёсса.

При зачистке найдено 46 фрагментов керамики, среди которых один с отпечатками ткани на внутренней поверхности, 15 костей животных и их обломки. На полу около северо-восточной стенки лежал вверх дном большой раздавленный сосуд типа хумча, который впоследствии при выемке распался на части.

Хозяйственная яма 2. Она расположена в 2 м к западу от ямы 1. В плане овальной формы, размерами 2 × 1,2 м, глубиной 1,4 м. Северная часть, как и у первой ямы, размыта водами

---

¹ См.: Дукее Х. Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972, с. 55; «Ленинский путь», 7 июня 1972 г.

водохранилища. Стратиграфия ямы 2, судя по культурным напластованиям, близка к первой хозяйственной яме, за исключением небольшой разницы в мощности культурных слоев. Поэтому во избежание повторения при описании каждой ямы мы опускаем характеристику слоев.

Подавляющая часть археологических материалов обнаружена в культурных слоях черного цвета. Здесь выявлено более 340 фрагментов керамики. Среди них 32 — в изломе черного цвета. Кроме того, найдено 47 костей животных и их фрагменты.

Хозяйственная яма 3. Она расположена в 2,5 м к западу от хозяйственной ямы 2. В плане округлой формы, диаметр — 1,6 м, глубина — 1,6 — 1,7 м. Как и у первых двух ям, ее северная стена размыта. В верхней части, которая была разрушена, яма постепенно сужается. Здесь выявлено множество фрагментов докрасна обожженной глины и остатки пола, который был на 0,3 м выше пола и сохранился в длину на 1,6 м, т. е. почти на всю длину ямы. Возможно, это остатки гончарной печи. В трех местах на полу обнаружены темные пятна округлой формы небольшого диаметра (15 — 18 см). Видимо, здесь когда-то стояли сосуды, причем два из них находились около западной стенки близко друг к другу рядом с подом, два других — около восточной стены. В яме найдено свыше 400 фрагментов керамики, среди них две стенки от миски с отпечатками ткани на внутренней поверхности, 36 фрагментов докрасна обожженной глины, 2 фрагмента зернотерок, 63 кости животных и их фрагменты.

Хозяйственная яма 4. Она расположена в 0,5 м к западу от хозяйственной ямы 3. В плане округлой формы, диаметром 1,8 м, глубиной 1,6 м. Как и предыдущие, она сужена в верхней части и частично разрушена водами водохранилища. В ней найдено 328 фрагментов керамики, из них 5 с отпечатками ткани на внутренней поверхности, 3 обломка зернотерок, 50 костей животных и их фрагменты.

Хозяйственная яма 5. Она расположена в 0,5 м к северо-западу от хозяйственной ямы 1. Выявлена на глубине 1,2 м. В плане овальная. Размеры — 2 × 1,4 м, глубина — 0,4 — 0,6 м. Яма заполнена золой с песком и мелкими угольками. Здесь найдено 17 фрагментов лепной керамики, фрагмент зернотерки, 9 костей животных и их фрагменты.

Хозяйственная яма 6. Она расположена в юго-восточном углу квадрата Д-2 на глубине 1 м. Обнаруженное на ровной поверхности черное пятно при зачистке оказалось хозяйственной ямой. В плане округлой формы, диаметром 1,1 м, глубиной 1,2 м. Здесь выявлено 85 фрагментов керамики, фрагмент зернотерки, 37 костей животных и их обломки.

Хозяйственная яма 7. Она обнаружена в юго-восточном углу квадрата 3-3, частично заходит в квадрат 3-2. На глубине 1,15 м выявлено черное пятно округлой формы. При зачистке установили, что это хозяйственная яма. В плане она округлой формы,

диаметром 0,8 м, глубиной 0,25 м. Здесь найдено 54 фрагмента керамики, 22 кости животных.

Хозяйственная яма 8. Она расположена на стыке квадратов И-3, К-2, но большая ее часть приходится на квадрат К-3. Диаметр ямы — 1,5 м, глубина — 1 м. Посередине обнаружена тонкая перегородка из пахсы (толщина 0,15 м), разделявшая яму почти пополам. Здесь множество фрагментов керамики (341), костей животных и их обломков (88).

Хозяйственная яма 9. Она обнаружена в квадрате 3-2. В северо-восточной части соприкасается с хозяйственной ямой 7. В плане овальной формы, размером 1,6 × 1,2 м, глубиной 1,05 м. В яме обнаружено 36 фрагментов керамики, 8 костей животных.

Хозяйственная яма 10. Она обнаружена в северо-западном углу квадрата К-1 во время заложения шурфа. В плане она овальной формы размером 1,1 × 0,8 м, глубиной 1,2 м. В яме зафиксировано 49 фрагментов керамики, большой фрагмент зернотерки с верхним камнем для растирания зерна.

Хозяйственная яма 11. Она выявлена в северо-западном углу квадрата Ж-2. В плане округлой формы, размером 1,1 × 1 м, глубиной 1,35 м. Здесь обнаружено 94 фрагмента керамики и 25 костей животных и их обломки.

Хозяйственная яма 12. Она расположена на стыке квадратов В-1, В-2, Г-1, Ч-2. В плане округлой формы, диаметром 1 м, глубиной 1,2 м. В ней найдены 17 фрагментов керамики, обломок зернотерки, 6 костей животных и их фрагменты.

Для определения границы распространения культурных слоев в 4,5 м к востоку от хозяйственной ямы 1 заложили траншею шириной в 1 м. Она начиналась у самого обрыва и тянулась на 9 м узкой полосой с севера на юг. Глубина траншеи — 1,2 м. Ее слои характеризуются следующим образом: дерновый слой мощностью 25 см; рыхлый желтый грунт с фрагментами керамики, отдельные кости животных, фрагменты обожженной глины мощностью 0,75 м; плотный желтый грунт мощностью 20 см.

Археологические материалы встречались до отметки 6 м, южнее находок не было. Это позволило предположить, что где-то на этой отметке либо немного южнее ее проходила южная граница поселения. Основные находки встречались на глубине I и II ярусов. Во время исследования траншеи выявлены два небольших черных пятна овальной формы. Одно было в 2,5 м к югу от начала траншеи. Его размеры — 40 × 20 см, глубина — 0,7 м. В нем найдено четыре обломка костей животных и невыразительная стенка от лепного сосуда. Второе пятно было на расстоянии 6 м к югу от начала траншеи. Его размеры — 50 × 20 см, глубина — 0,3 м. Находок в нем не обнаружено. Всего в траншее найдено 88 фрагментов керамики, среди них 8 стенок от горшковидных сосудов с отпечатками ткани на внутренней поверхности, фрагмент сероглиняной керамики с андроновидным орнаментом, 4 фрагмента костей животных, 2 терки для растирания красок, небольшой

фрагмент зернотерки и 10 кусков обожженной глины красновато-коричневого цвета.

С целью определения стратиграфии памятника в его юго-восточной части мы заложили небольшой шурф глубиной 2,2 м. Его размеры — 1,2 × 1,2 м. Слои шурфа характеризовались следующим образом: дерновый слой мощностью 23—25 см; рыхлый желтый грунт мощностью 0,8 м; плотный желтый лёсс мощностью 1,15 м. Шурф врезался в материк на 0,8—1 м.

В первом ярусе находок не было. Во втором ярусе, в рыхлом желтом грунте, обнаружено всего 4 маленьких, невыразительных фрагмента керамики.

Таким образом, траншея и шурф, заложенные на остатках холма, позволили довольно четко определить границы Чиракчинского поселения.

Археологический материал из Чиракчинского поселения представлен, в основном, керамикой, в незначительном количестве — каменными орудиями. Металлических изделий не обнаружено ни на поверхности, ни в культурном слое.

Керамика. По техническим признакам вся керамика из Чиракчинского поселения может быть разделена на две группы: 1) изготовленная на гончарном круге (около 15%); 2) вылепленная вручную (около 85%). Опишем эти группы.

Первая группа. Черепок сосуда в изломе розовато-кирпичного цвета, глина хорошо отмучена, в большинстве случаев без посторонних примесей. Снаружи сосуды, как правило, покрыты светлым или зеленовато-белым ангобом. Наиболее распространенными формами керамики этой группы являются миски и хумча.

Миски. Сохранились, в основном, фрагменты мисок. Венчик слегка или сильно вогнутый во внутрь, иногда почти прямой, изредка встречаются миски с венчиком, слегка отогнутым наружу, с полусферическим туловом, плавно переходящим в плоское донце. Стенки мисок утончаются к венчику и утолщаются в придонной части. В хозяйственной яме 1 обнаружена целая миска с диаметром устья 19 см, донца — 9 см, высотой 12,5 см (рис. 1).

Хумча. Это сосуды для хранения. Кроме фрагментов, сохранилась одна целая хумча. Она представляет собой сосуд со сфе-

Рис. 1. Миска, выполненная на гончарном круге.

рическим туловом, плавно переходящим в плоское донце, с относительно большим диаметром устья, невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком, моделированным в виде валика. Диаметр устья — 28,5 см, донца — 12,5 см, высота — 33,5 см.

Вторая группа. Лепную керамику можно подразделить на две подгруппы: неорнаментированную (99%) и орнаментированную (1%). Мы не можем достоверно утверждать, что на Чиракчинском поселении была расписная керамика, ибо явных фрагментов с росписью не найдено. Однако, несмотря на это, мы не отрицаем и ее наличия, ибо вещевой инвентарь в течение многих лет находился под водой водохранилища, а вода могла стереть роспись с черепков, тем более, что сама краска была низкого качества. Косвенным доказательством наличия росписи на чиракчинской лепной керамике могут служить остатки стертой краски красновато-бурового цвета на некоторых фрагментах. Пока вопрос о наличии росписи на этой керамике остается открытым. Отличительной особенностью является большой процент керамики, сформованной на матерчатом шаблоне. На поселении выявлено около 250 фрагментов керамики с отпечатками ткани на внутренней поверхности.

Неорнаментированная керамика. В основном представлены 4 ведущие формы: полусферические миски, разнообразные горшки, чаши и жаровни.

Миски глубокие. Они полусферической формы с широкой горловиной, снаружи покрыты светлым, зеленоватым и светло-серым ангобом. Донце не сохранилось, видимо, оно было округлой формы. Черепок утончен к венчику. Вся лепная керамика с примесью шамота. Черепок в изломе светло-коричневый и кирпичного цвета. У одних мисок венчик слегка отогнут наружу, у других почти прямой (рис. 1, 2—3). Размеры мисок: диаметр венчика — 13,5 и 20 см; высота — 7,5 и 13 см.

Горшки. Это наиболее распространенная форма керамики (см. рис. 2, 6 — 10, 14). Они значительно варьируют как по размерам, так и по профилировке края. В изломе горшки бывают темно-серого, черного, а также кирпичного цвета. На наружной внешней поверхности многих сосудов следы копоти. Часть горшков снаружи покрыта светлым или беловато-зеленым ангобом. Стенки в большей части утолщаются к венчику, а иногда — к донцу. В основном сосуды имеют слегка или сильно отогнутый наружу венчик и бывают как круглодонные, так и плоскодонные, причем первые составляют большинство. У некоторых горшков на расстоянии 2,5—3 см под венчиком или на плечиках имеется налепной орнамент в виде шишечек (см. рис. 2, 11, 12). У других непосредственно под венчиком носики-сливы округлой формы диаметром 2 см (см. рис. 2, 15). Часть горшков формировалась на матерчатом шаблоне. Диаметр венчиков горшков был от 16 до 24,5 см. Тулово у горшков округлое, шаровидное.

Ч а ш и. По форме они напоминают миниатюрные круглодонные мисочки, но по размерам значительно уступают им (см. рис. 2, 4, 5). Тулово полусферическое, венчик слегка вогнутый во внутрь, донце округлое. Внешняя поверхность некоторых чаш покрыта беловато-зеленоватым ангобом. Черепок в изломе светло-коричневого и кирпичного цвета. Высота сосуда — 4—8 см, диаметр устья — 6—9 см.

Ж а р о в н и. Они округлой формы, стенки невысокие, толстые, прямые или вертикальные. Толщина черепка — 1,3—2,3 см. Внутренняя поверхность сильно закопчена. Донце толстое, устой-

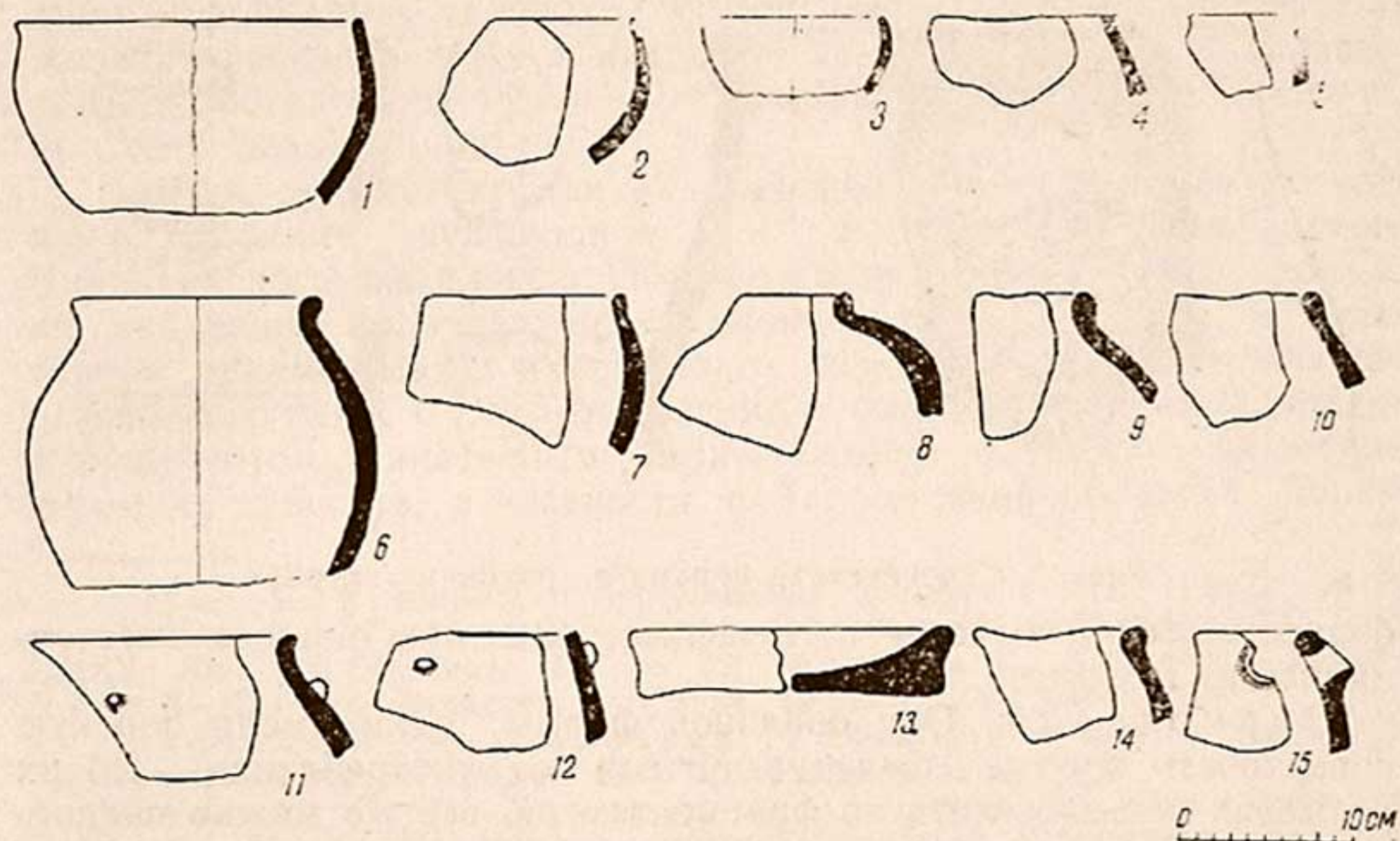

Рис. 2. Керамика из Чиракчинского поселения.

чивое, венчик прямой. Высота стенок — 3,5—5 см; диаметр — 35—40 см (см. рис. 2, 13).

Орнаментированная керамика. Представлена тремя фрагментами, один — в культурном слое, а другие два — на поверхности поселения. Последние настолько мелкие, что по ним нельзя восстановить формы сосудов. На наружной поверхности одного фрагмента орнамент в виде двух рядов параллельных линий, пересекающихся почти посередине вертикальной линией. Черепок в изломе черноватого цвета (рис. 3, 2). На наружной поверхности второго орнамент в виде шести параллельных линий, нанесенных сравнительно мелкозубчатым штампом. Черепок в изломе светло-серого цвета (рис. 3, 3). Третий фрагмент — наиболее крупный и интересный. Он лепной, с отогнутым наружу валикообразным венчиком. Черепок в изломе темно-серого цвета, с примесью шамота. Наружная поверхность черепка лощенная, орнаментирован-

ная в виде двух параллельных линий, расположенных в верхней части сосуда. Между ними на расстоянии 2,5 см друг от друга находятся прямоугольные треугольники. Орнамент тиснут крупнозубчатым штампом. Толщина черепка — 5 мм (см. рис. 3, 1).

Кроме керамики, на поселении найдены раковина каури (см. рис. 3, 4) и каменные изделия. Следует подчеркнуть, что почти все немногочисленные каменные изделия найдены в фрагментах, исключение составляют лишь шаровидные терки.

Каменные изделия. Они представлены 11 фрагментами от зернотерок, 5 шаровидными относительно целыми терками и 2 не-

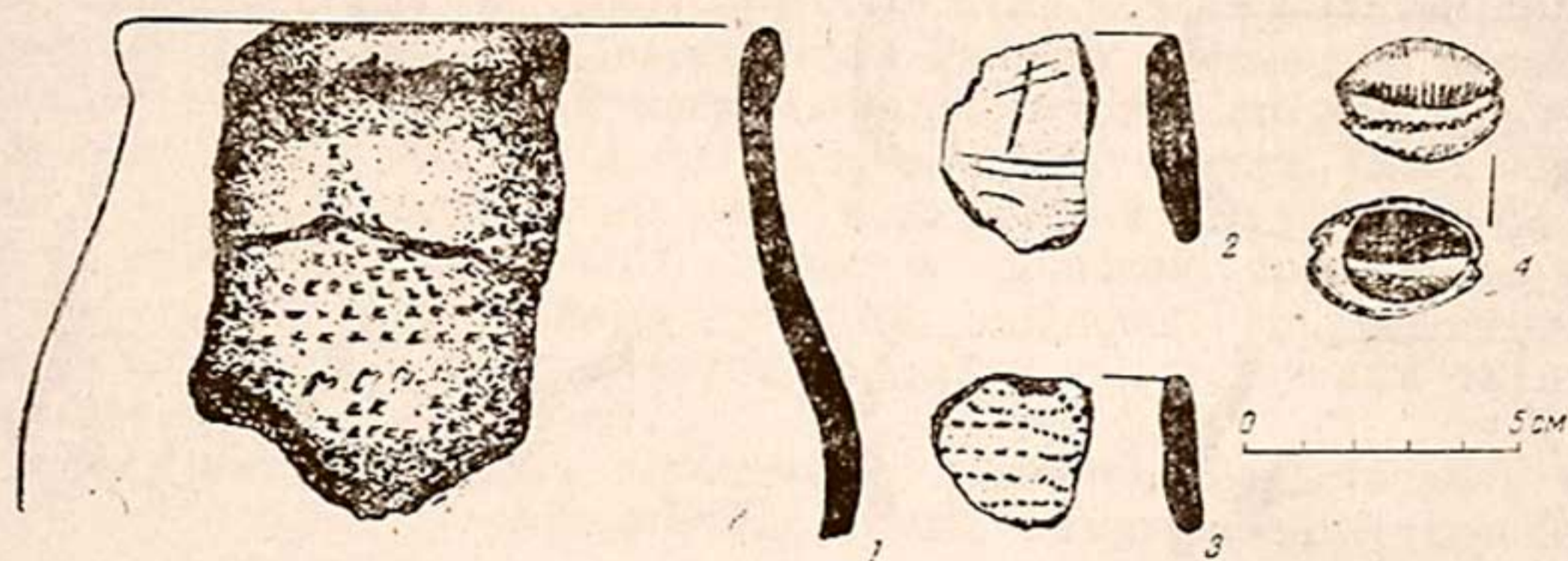

Рис. 3. Сероглиняная керамика, раковина каури.

большими фрагментами от пестиков. Видимо, они все изготовлялись из гранита.

Зернотерки. Они овальной формы, одни имели плоскую поверхность, другие были вогнутыми от употребления. Об их размерах нельзя судить по фрагментам, но все же можно предполагать, что они были как больших, так и маленьких размеров. Видимо, фрагменты более больших изделий относились к нижней плите зернотерок, а меньших — к верхним.

Терочки. Они шаровидной и почти прямоугольной формы, от употребления зашлифованы.

Пестики. Один из фрагментов каменного пестика цилиндрической формы, другой в сечении — овальной. Оба фрагмента небольшие: один размером 5 × 4 см; другой — 4 × 6,5 см.

Для установления хронологии Чиракчинского поселения особое значение имеет керамика — наиболее массовый материал, собранный как в культурных слоях поселения, так и на его поверхности. Из-за отсутствия строительных остатков мы не смогли провести стратиграфическое наблюдение и при установлении датировки чиракчинской керамики в основном исходили из сравнительно-топологического анализа.

Лепная неорнаментированная керамика Чиракчинского поселения находит наиболее близкие параллели среди керамики бургулюкской культуры Ташкентского оазиса. Так, бургулюкские круглодонные глубокие полусферические миски идентичны чирак-

чинским². Подобные миски встречены в нижних слоях ряда античных памятников западной части Ташкентского оазиса³. Близкие аналогии чиракчинским полусферическим мискам можно наблюдать и среди материалов памятников эпохи поздней бронзы Северной Бактрии: Миршаде⁴, Бандыхан-1⁵, Кучуктепа,⁶ Джаркутан⁷, а также в комплексе Яз-Депе-1 Южной Туркмении⁸. Что касается таких форм лепной неорнаментированной керамики Чиракчинского поселения, как полусферические чаши и жаровни, разнообразные горшки с носиком-сливом под венчиком либо налепным орнаментом в виде шишечек на плечиках или без них, с округлым либо шаровидным туловом, то они также находят аналогии не только в перечисленных памятниках, но и на Чустском и Дальверзинском поселениях Ферганской долины⁹ и в комплексе Тилля-тепе Северного Афганистана¹⁰.

Лепная орнаментированная керамика Чиракчинского поселения выглядит чужеродной на фоне материалов всего Чиракчинского комплекса. Оба фрагмента сероглиняной керамики, найденные на поверхности Чиракчинского поселения, по фактуре и орнаментации напоминают керамику андроновско-тазабагыябского типа. В этом отношении особенно интересен фрагмент с орнаментом, нанесенным мелкозубчатым штампом. Подобная керамика известна, в частности, в Ташкентской области¹¹, Хорез-

² Дукее Х. К вопросу о бургулюкской культуре. — ОНУ, 1976, № 8, рис. 1; Он же. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 52; Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дукее Х. И. и др. Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, рис. 12, 1—3.

³ Буряков Ю. Ф., Дадабаев Г. Памятники античного времени в Ташкентском оазисе. — ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973, с. 45.

⁴ Беляева Т. В., Хакимов З. А. Древнебактрийские памятники Миршаде. — В кн.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973, рис. 3.

⁵ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В сб.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976, с. 95, рис. 2, 3.

⁶ Аскарлов А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, с. 37—38.

⁷ Аскарлов А. Расписная керамика Джар-Кутана. — В сб.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976, с. 18.

⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. М.—Л., 1959, табл. XXI, 13.

⁹ Заднепровский Ю. А. Дальверзинское селище. — КСИИМК. Вып. 69. М., 1957, рис. 17, 1—5; Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. Вып. 118. М.—Л., 1962, с. 26, 28; Спришевский В. И. Чустское поселение эпохи бронзы (из раскопок 1954 г.). — КСИИМК. Вып. 69. М., 1957, с. 44—45; Он же. Чустское поселение эпохи бронзы (раскопки 1955 г.). — КСИИМК. Вып. 71. М., 1958, с. 90—92.

¹⁰ Сарниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. — В кн.: Материалы советско-афганской экспедиции 1969—1974 гг. М., 1977, с. 109.

¹¹ Оболдуева Т. Г. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. — КСИИМК. Вып. 59. М., 1955, рис. 62, 1; Рахимов С. Стоянка эпохи бронзы Серкали. — ОНУ, 1970, № 6, с. 41, 42; Алимов К., Буряков Ю. Ф., Дукее Х. И. Археологические открытия 1975 г. М., 1976, с. 524.

ме¹², низовьях Зарафшана¹³, Кайраккумах¹⁴, на памятниках древнеземледельческих племен Маргианы Южной Туркмении¹⁵ и т. д.

В свое время могильник тазабагыябской культуры Кокча-3 был отнесен к XIII—XI вв. до н. э.¹⁶, а комплекс Гуджайли — к XII—XI вв. до н. э.¹⁷

Таким образом, оба фрагмента сероглиняной керамики, собранные на поверхности Чиракчинского поселения, выпадают из общего комплекса керамики, видимо, не имеют с ним ничего общего. Можно предположить, что они были размыты из какого-то поселения эпохи бронзы, расположенного в близости от Чиракчинского поселения.

Третий сероглиняный фрагмент, найденный в культурном слое, отличается от предыдущих как формой, так и орнаментом. Вместе с тем он также отличается от основного комплекса чиракчинской керамики и наиболее близкие аналогии находит среди керамики замараевской культуры. Он датируется XII — началом VIII вв. до н. э.¹⁸ Что касается керамики, изготовленной на гончарном круге, то она, в основном, находит близкие аналогии на тех же памятниках, что и лепная. Однако в некоторых керамических комплексах эпохи поздней бронзы и раннего железа не встречается керамики, выполненной на гончарном круге. Например, на памятниках бургулюкской культуры в Ташкентской области, чувствской культуры в Ферганской долине, на поселении Миршаде

---

¹² Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962, рис. 22; Итина М. А. Раскопки стоянки Кават-3 в 1958 г. — МХЭ. Вып. 6. М., 1963, рис. 2, 1—5; Она же. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча-3. — МХЭ. Вып. 5. М., 1961, с. 69—70, рис. 4, 1, 6; 9, 4—6; Она же. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). М., 1977, рис. 14, 3, 5; 63, 2, 16.

¹³ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана. Ташкент, 1966, табл. XXIV, XXVI, 1, 2, 11; XXVIII—XXX.

¹⁴ Литвинский Б. А., Окладников А. П., Ранов В. А. Древности Кайрак-Кумов. Душанбе, 1962, табл. 6; 1, 2, 5; 70, 1—4; 73, 1—11; 76, 1—32 и др.

¹⁵ Массон В. М. Изучение древнеземледельческих поселений в дельте Мургаба. — КСИИМК. Вып. 69. М., 1957, с. 59, рис. 19; Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы. — МИА. Вып. 118. с. 27, табл. XI; Хлопина Л. И. Кухонная керамика времени Намазга-VI (по материалам «Вышки» Намазга-депе). — КСИА. Вып. 132, М., 1972, с. 59.

¹⁶ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта, с. 59; Итина М. А. Раскопки могильника тазабагыябской культуры Кокча-3, с. 89; Она же. История степных племен Южного Приаралья (II — начало I тыс. до н. э.). М., 1977, с. 146.

¹⁷ Гулямов Я. Г., Исламов У., Аскарров А. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, с. 216.

¹⁸ Сальников К. В. Бронзовый век Южного Зауралья. — МИА. Вып. 21. М., 1951, рис. 18; Он же. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967, с. 325; Комарова М. Н. Относительная хронология памятников андроновской культуры. — СА. Вып. 5. Л., 1962, с. 69—75; Оразбаев А. М. Северный Казахстан в эпоху бронзы. — В сб.: Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР. Т. V. Алма-Ата, 1958, с. 277—278.

в Сурхандарьинской области и т. д. В остальных комплексах, кроме лепной, в меньшей степени встречается и керамика, изготовленная на гончарном круге.

Почти на всех памятниках наиболее распространенной формой керамики, сделанной на гончарном круге, были полусферические глубокие миски и хумча. Исключение составляет, пожалуй, лишь керамический комплекс поселения Кучуктепа, где гончарная посуда представлена в основном четырьмя формами: полусферическими чашами, хумообразными сосудами, крупными и мелкими горшками, цилиндроконическими чашами с низким туловом. Сюда можно отнести и комплекс Яз-Депе-1, где среди наиболее распространенных форм керамики, выполненной на гончарном круге, встречались кубки¹⁹. Вместе с тем полусферические чаши поселения Кучуктепа в некоторой степени напоминают чиракчинские, и точно такие, как некоторые хумчи и глубокие миски из комплекса Яз-Депе-1.

Полусферические миски и хумчи чиракчинского комплекса находят близкие параллели среди бандиханского комплекса Сурхандарьинской области²⁰ и Тиллятепинского Северного Афганистана²¹. Эти памятники датируются, в основном, началом I тыс. до н. э., видимо, к тому же времени относится и чиракчинский комплекс.

При рассмотрении результатов раскопок Чиракчинского поселения основное внимание было уделено систематизации, классификации и датировке археологических материалов. До обработки материалов мы предполагали, что основа хозяйства племен чиракчинского поселения была скотоводческо-земледельческой²². Однако затем после тщательного анализа материалов мы пришли к выводу, что, по всей вероятности, основа хозяйства является земледельческо-скотоводческой — об этом свидетельствуют около 20 фрагментов зернотерок и пять терок. Обитатели Чиракчинского поселения украшали свои сосуды росписью, следы которой в большей части не сохранились из-за стирания краски водой с поверхности орнаментированных сосудов. Судя по археологическому материалу, лепная расписная керамика относилась к эпохе поздней бронзы и раннего железа.

---

¹⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. М.—Л., 1959, с. 35, табл. XXIX. 3, 8.

²⁰ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В сб.: Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана, рис. 2, 10.

²¹ Сарияниди В. И. Древние земледельцы Афганистана. — В кн.: Материалы советско-афганской экспедиции. 1969—1974 гг., с. 109.

²² Дукс Х. Из археологических открытий 1972 г. — В сб.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972, с. 55.

РАСКОПКИ ПШАКТЕПА НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Шерабадский отряд Института археологии АН УзССР в течение ряда лет проводил раскопки бугра Пшактепа, находящегося на территории совхоза Советабад Гагаринского района Сурхандарьинской области¹. За четыре сезона полевых работ памятник раскопан полностью.

Пшактепа представлял собой небольшой холм округлой формы диаметром 38, высотой более 2 м. Поверхность холма покрыта мелким галечником и песком, что создавало впечатление о его естественном происхождении². Отсутствие каких-либо культурных остатков и следов задернованности говорило о том, что это не руины жилого здания, а, возможно, бугор естественного происхождения, либо памятник. Пшактепа скрывал в себе массу загадок. Заложив в центре бугра шурф размером 1×2 м, мы на глубине более 1 м обнаружили кладку из сырцового кирпича, что свидетельствовало о наличии под метровой толщиной галечного слоя какого-то сооружения.

В западной половине холма были выявлены четыре комнаты неодинаковых размеров: в центре длинное коридорообразное помещение, разделенное стеной-перегородкой на две части, рядом к западу — большое прямоугольное помещение, а к югу и северу от них — еще две коридорообразные комнаты (рис. 1). Все помещения вскрыты до пола, обмазанного глиной с саманом, и за исключением центральной коридорообразной комнаты обнаружены на одном уровне.

Раскопки в восточной части Пшактепа позволили обнаружить еще три комнаты: большую прямоугольную к востоку от центрального коридорообразного помещения, а к северу и югу от нее две коридорообразные. Все помещения составляли единый комплекс здания. К югу от здания были выявлены еще две маленькие комнатки и одно полуразрушенное помещение, скорее всего имеющее какое-то особое предназначение.

Мы полагаем, что все вскрытые помещения (рис. 2) подчинены идее, заложенной в архитектурно-строительную планировку, т. е. замурованию со всех сторон центрального коридорообразного помещения, в планировочной системе здания игравшего роль коридороразделителя. Допускаемое предположение подтверждается и тем, что разведочные шурфы были заложены по периметру холма. Древние строители, прежде чем приступить к строительству здания, предварительно рыли под него котлован. При этом

¹ В работе отряда, кроме автора, участвовали Х. Дуке, В. Аминов и У. Рахманов.

² Дуке Х. Пшактепа — памятник культуры Северной Бактрии. — ОНУ, 1974. № 12, с. 36—38.

из котлована выбрасывался дерновый и лёссовый слой, составлявшие где-то около 1 м, и лишь после этого осуществляли строительство комплекса. Об этом свидетельствовала посадка здания в непосредственной близости от речного галечного отложения (рис. 3).

При постоянном стратиграфическом наблюдении раскопа делалась четкая фиксация микропрослоек в заполнении каждого помещения. Раскопки холма начались с вскрытия ориентированного с юго-востока на северо-запад центрального коридорообраз-

Рис. 1. Общий вид раскопок в Пшактепа.

ного помещения, к которому со всех сторон пристроены остальные помещения. Оно находилось под самой высокой точкой холма. Здесь мощность чистой галечной засыпки до обнажения верхней кирпичной кладки составляла более 1 м. После ее снятия выяснилось, что верхняя часть стрельчато-сводчатого перекрытия разрушена. Наименьшее расстояние между верхними уцелевшими частями свода достигало 40 см. Продольные стены постепенно расширялись к низу, образуя заметный откос с обеих сторон. Незначительный откос имели и поперечные стены.

Общая длина коридорообразного центрального помещения в нижней части — 17,5 м, толщина каждой из четырех стен — не менее 1 м. Стены сложены крупноформатным сырцовым кирпичом размером $60 \times 12 \times 30$ см. Помещение состоит из двух отделений, разделенных массивной поперечной перегородкой, в нижней части которой имеется сквозной проем.

Помещение I (северное отделение). Его площадь $8,25 \times 2,20$ м. Стены хорошей сохранности. Высота поперечной северной стены достигает 2,5 м.

На поверхности холма обнаружена песчано-галечная засыпка. Она продолжалась до глубины 90 см от верхней точки кладки стен. Ниже нее на глубине 2 м от дневной поверхности шел мощный слой болотистой глины зеленоватого оттенка толщиной

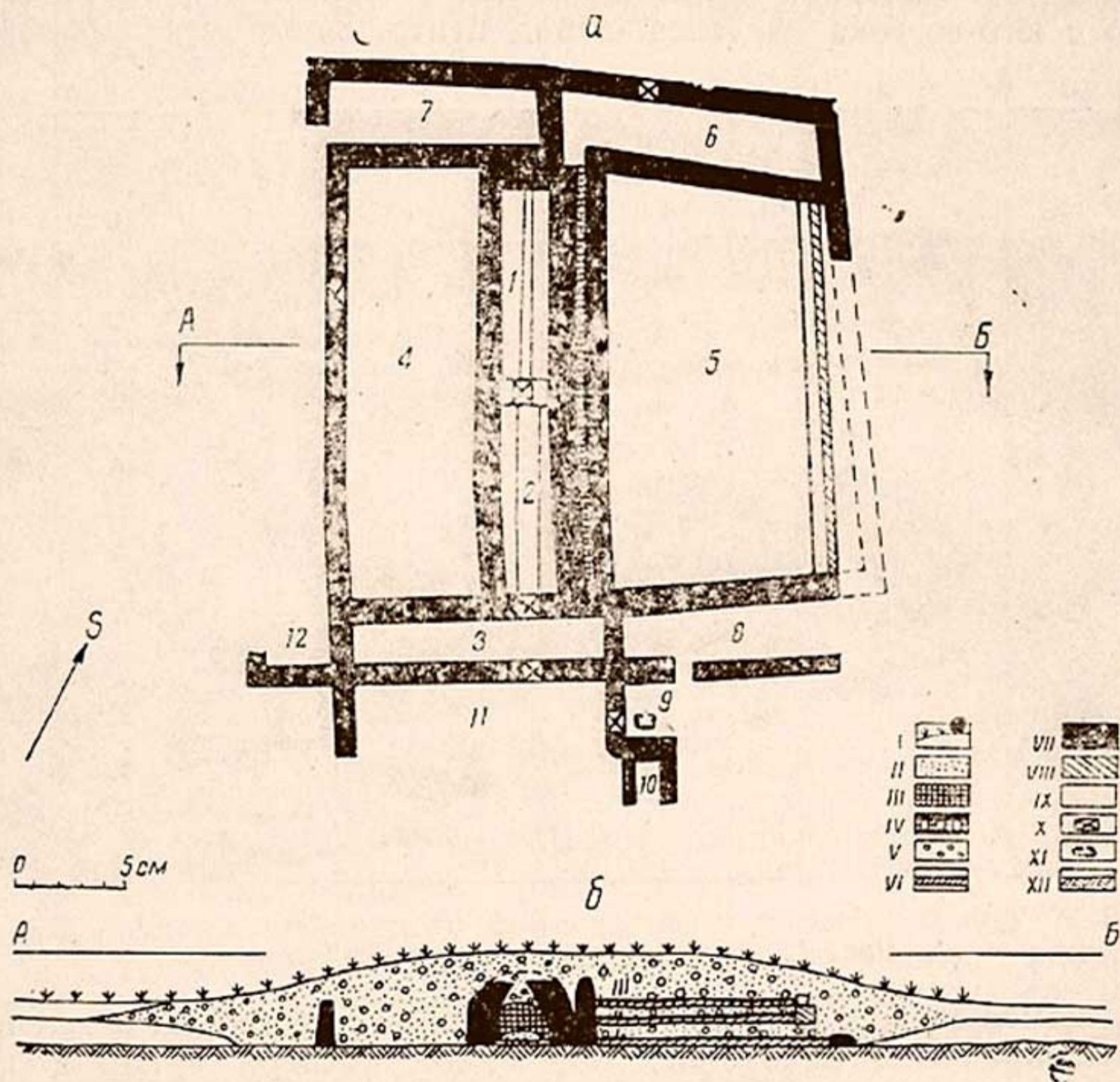

Рис. 2. Сводный план (а) и разрез (б) Пшактепа:

I—древняя поверхность; *II*—сыпучий песок; *III*—болотистая глина; *IV*—кирпичный настил; *V*—насыпная галька с песком; *VI*—пол; *VII*, *VIII*, *IX*—стены соответственно первого, второго и третьего строительного периода; *X*—заложённый входной проем; *XI*—остатки очага; *XII*—материк; *1–12*—номера помещений.

более 1 м с содержанием различных органических остатков. Подстилающий его слой, который перекрывал пол, оказался чистой песчаной засыпкой без содержания гальки мощностью более 50 см.

На полу, вдоль стен беспорядочно лежали кирпичи, под каждым из них следы пепла в виде белого порошка. Пол глиняный, сильно утопанный, ровный, толщиной около 10 см. Под ним обнаружены положенные плашмя в один ряд сырцовые кирпичи

размером $62 \times 12 \times 29$ и $62 \times 12 \times 30$ см. Кирпичный настил перекрывал суглинистое отложение с песчаными линзами толщиной до 20 см, а ниже шла чистая речная галька (см. рис. 3).

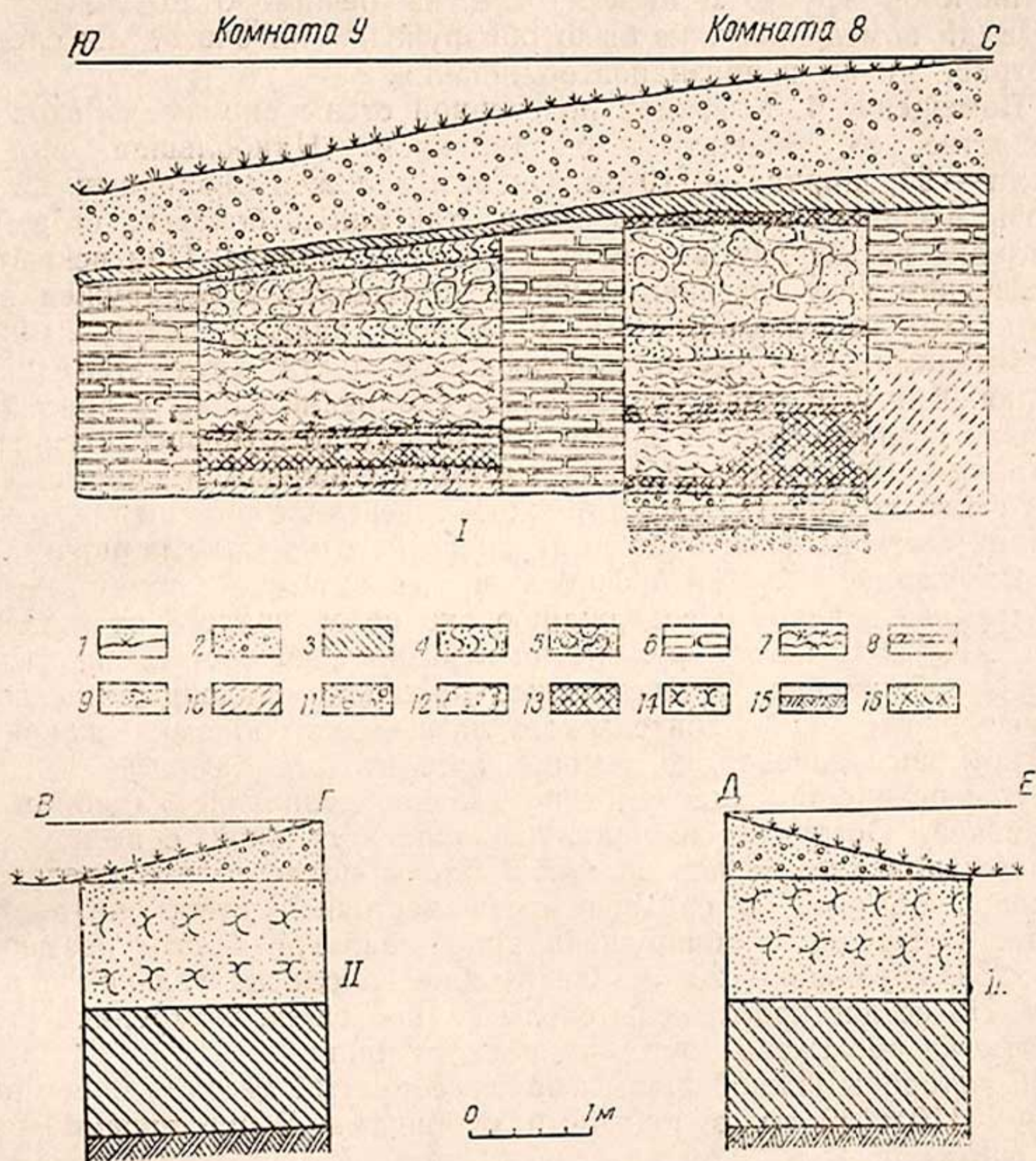

Рис. 3. Разрез через комнаты 8, 9 (I), шурфов 2 (II) и 3 (III):

1—дневная поверхность; 2—насыпная галька с песком; 3—светло-коричневый слой с кусками глины; 4—рыхлая зольная прослойка с включением керамики и костей животных; 5—темный рыхлый слой с песком; 6—кирпичный настил; 7—плотное глиняное заполнение; 8—пол; 9—белая зольная прослойка; 10—пахса; 11—гравийный слой с кусками кирпичей; 12—обгорелая глиняная забутовка; 13—гумусированное зольное скопление; 14—мягкий грунт с примесью песка и гальки; 15—материк; 16—песок с включением керамики.

Таким образом, по структуре залегания слоев создается впечатление, что первоначально помещение было без каких-либо искусственных заполнений. Затем через некоторое время на пол помещения, вероятно сверху, осыпался песок, образовав в середине оплывший холмик. Значительно позднее песок был залит

болотистой глиной, после чего не только данное помещение, но и весь комплекс был засыпан галькой с песком. Все стены помещения предварительно обмазаны глиной с саманом без какой-либо верхней гладкой отделки и возведены именно на суглинистом грунте с песком, т. е. на речных отложениях. На площади помещения 1 не было обнаружено ни очага, ни следов кострищ, ни ям и признаков обживания.

Помещение 1. У южной поперечной стены оно имело входное отверстие со сводчатым оформлением. Наибольшая высота входа — 90, ширина — 110 см. Он был заложен кирпичами, затем вновь поспешно кем-то разобран, так как в боковых сторонах закладки не затронутыми остались еще 4 кирпича. При вскрытии в северном углу соседнего южного помещения 2 обнаружен еще один вход-лаз размером 120 × 130 см, видимо, прорубленный грабителями. Он срезал смыкающиеся части двух стен помещения. Внизу на полу образовалось скопление глины с примесью гальки, осыпавшейся во время поспешного разрушения стен грабителями. Возможно, побывав внутри помещения и очистив его, они стали разбирать закладку входа в северное помещение, о чем свидетельствовали разбросанные около него на полу кирпичи.

Помещение 2. По форме и характеру кладки стен, внутренней отделке и содержанию оно не отличалось от помещения 1. На полу не обнаружено ни керамики, ни костей, ни других следов обживания. Единственные находки, найденные на полу помещения около грабительского лаза, — два обломка какой-то фигуры, выполненной из темного аргелитового камня.

В середине помещения беспорядочное скопление из обломков кирпичей. Остальная площадь заполнена галькой с песком без содержания культурных остатков. Стены подвергались предварительной обмазке. В средней части восточной стены на высоте более 1 м от пола обнаружена ниша овальной формы размером 20 × 30, глубиной — 20 см. Она также заполнена галькой с песком. На ее дне прослежены следы темной сажи, внутренняя стенка слегка обожжена до темно-красного цвета.

Со стороны южной стены имелся сводчатый дверной проем размером 110 × 130 см, заложенный кирпичами. Выше проема — ниша размером 15 × 30 см, на стенках которой следы сажи красновато-темного оттенка. Ниша тоже оказалась заполненной галькой с песком. Закладка дверного проема с внутренней стороны помещения осталась необмазанной, в то время как с наружной стороны она явно была оштукатурена.

Помещение 3. Оно коридорообразного типа, расположено к югу от помещения 2, ориентировано с запада на восток. Площадь помещения 10 × 80 × 1,80 м. Стены сооружены из сырцового кирпича, за исключением верхней части западной стены, выполненной из пахсы в четыре ряда. Высота стен в северо-восточной части 2,4 м, а по мере удаления к западу и югу она постепенно понижается до 1,8 м. Меньшая восточная половина северной стены

имела внутреннюю отделку путем предварительной штукатурки, поэтому трудно было заметить место дверного проема, ведущего в помещение 2.

Заполнение помещения сравнительно рыхлое, с содержанием гальки с песком и примесью золы. В нем обнаружены фрагменты костных кухонных отходов и обломки керамики. Однако такое рыхлое заполнение встречалось без всякой системы только в верхних горизонтах западной половины помещения, которое первоначально не было предназначено для жилья, тем более, что здесь не замечены остатки очагов, пол и кирпичный настил. Весь нижний горизонт помещения и его восточная половина были заполнены галькой с песком до верхней части стен и выше. Вход в него вел с юга и располагался напротив дверного проема помещения 2, с наружной стороны он был заложен и обмазан.

Помещение 4. Оно прямоугольное, площадью $18,4 \times 5,8$ м. Расположено к западу от центрального сооружения (пом. 1 и 2). Восточная и южная стены сложены из сырцового кирпича, северная и западная — из кирпича и пахсы. Так, нижняя часть северной стены возведена из шести рядов кирпичной кладки, а над ними — три ряда пахсы, каждый высотой 50 см. Нижняя часть западной стены выложена кирпичом в пять рядов, выше — три ряда пахсы, каждый высотой 50 см. Высота стен с востока на запад параллельно и постепенно понижалась и наименьшая высота их в западной части составила 2,2 м. Вся площадь помещения доверху заполнена галькой с песком, изредка встречались отдельные фрагменты керамики. Стены и пол без обмазки. При раскопках большая часть западной стены внезапно рухнула и остались лишь два ряда кирпичной кладки. Под стеной найден плохо сохранившийся скелет лошади. В уцелевшей северной половине западной стены находился замурованный красноватой глиной дверной проем сводчатой формы размером 110×180 см.

Помещение 5. Оно неправильной четырехугольной формы, площадью $17,50 \times 8,70$ м. Обнаружено к востоку от центрального сооружения. В разрезе видно, что дневная поверхность помещения со стороны центрального коридорообразного сооружения постепенно понижалась по направлению на восток. Понижение прослеживалось по высоте стен с удалением их от центрального сооружения. На площади помещения 5 после снятия более чем двухметрового галечниково-песчаного заполнения выявлен сильно затоптанный пол, на ровной поверхности которого встречалось значительное количество разбитых сосудов, костных кухонных отходов. При расчистке всей площади помещения на уровне пола не было обнаружено никаких следов очага, кострищ, ям, золы и т. п. Толщина пола 4—5 см. Ниже него опять идет галечниково-песчаный слой без каких-либо культурных остатков. Мощность галечного слоя достигает здесь 60 см. Под ним обнаружен второй уровень пола, обмазанный глиной с саманом и сильно утопанный. На его поверхности найдены обломки сосудов, в основном цилиндрико-

ческих кубков и много костей — кухонных отходов. На уровне этого пола нам также не удалось выявить очажных остатков, следов кострищ, ям и др. Под полом обнаружены положенные плашмя в один ряд кирпичи, а под ними обычный песчано-галечный слой мощностью 90 см с множеством обломков сырцовых кирпичей и чистой глины. Ниже галечной засыпки обнаружен утрамбованный слой толщиной около 10 см без следов обмазки, а затем под ним тонкий сыпучий песок и материковый галечный грунт.

Таким образом, помещение 5 имело три пола, на поверхности каждого из них зафиксировано значительное число фрагментов керамики и костей животных, однако ни на одном уровне пола не встречены остатки очажных сооружений хозяйственных ям, следов кострищ и последовательного залегания культурных слоев. Вместе с тем наличие полов, обмазанных раствором глины и со следами утоптанности, а также находки говорят о временном использовании помещения для каких-то определенных целей.

Вплотную к центральному сооружению примыкает продольная стена. Ее нижняя часть сложена из крупноформатного кирпича и лишь в ее верхних горизонтах идет выкладка пахсы в два ряда каждый высотой по 70 см. Общая высота стены достигает 2,8 м, т. е. она выше стен центрального сооружения. Отмечается хорошая сохранность поперечных стен. Северная при высоте 2,1 м сложена из пахсы в пять рядов, южная в нижней части — из пахсы в два ряда, выше — из кирпичной кладки. Наибольшая высота южной стены 2,4 м, к востоку она понижается до 1,8 м.

Восточная продольная стена помещения сохранилась плохо. Как выяснилось в процессе раскопок, она перестраивалась трижды. Судя по ее остаткам, первоначальная ширина помещения достигала 11 м. На втором строительном этапе площадь комнаты сократилась за счет возведения ближе к ее центру новой восточной стены, сохранившейся на высоту 60 см, сложенной из кирпича. Она лежит на галечной подсыпке. Над стеной второго строительного этапа вскрыта тонкая кирпичная стенка (см. рис. 2).

Нам не удалось обнаружить вход в помещение. Исключая его наличие со стороны северной и южной поперечных стен, мы полагаем, что первоначально он был, видимо, в восточной стене, затем в период последующих ее перестроек данное помещение приобрело вид типа открытого айвана, обращенного лицом к поселению Кучуктепа, расположенному рядом с Пшактепой.

Помещение 6. Оно расположено продольно к северу от помещения 5. Его площадь 11 × 2,40 м. Все стены хорошей сохранности, сложены из пахсы. Высота южной продольной стены 2,2, северной — 1,1 м. При раскопках внутрикомнатного заполнения выяснилось, что оно от пола доверху состояло из гальки с песком без содержания каких-либо культурных остатков. Заложенный дверной проем шириной 90 см обнаружен в северной ее стене. На площади помещения не обнаружены остатки очажных сооружений и ям хозяйственного назначения.

Помещение 7. Оно прямоугольной формы площадью $9,4 \times 2,6$ м. Вскрыто к западу от помещения 6. Нижняя часть южной стены сложена из кирпича, верхняя — пахсовая, остальные стены целиком из пахсы, высота их составляет 1,1 — 1,8 м. Высота восточной стены в южной части 2,4 м, к северу она постепенно понижается до высоты 1,7 м. Внутрикомнатное заполнение не отличается от заполнения предыдущего помещения. Входной проем находился на западной стороне комнаты. При раскопках не зафиксировано никаких признаков обживания.

Помещение 8. Оно обнаружено к югу от помещения 5. Мощная (1 м) южная стена длиной 2,2 м имеет дверной проем шириной 90 см. Однако далее она сильно суживается до 70 см при высоте 60 — 70 см. При вскрытии верхних горизонтов большей восточной части помещения обнаружено обычное гравийное заполнение, а по мере углубления оно становилось рыхлым, гумусированным. На полу помещения зафиксирована зольная прослойка с примесью рыхлой земли и с включением в нее костей животных и фрагментов керамики. Однако меньшая западная часть его по структуре заполнения имела значительное отличие. Так, в разрезе видно, что на этом участке комнаты самый верхний слой до обнажения кладки стен был гравийным, а ниже заполнение приобрело иную структуру (см. рис. 3). Сначала идет светло-коричневый слой толщиной 30 — 33 см с кусками глины. Ниже прослежены гумусные линзы, местами до 8 см толщиной. Затем шел темный рыхлый слой с песком мощностью 80 — 85 см. В нем встречались почти ошлакованные куски глины. Ниже вскрыт обгорелый пол, прокаленный до красного цвета, толщиной до 5 см со следами пепла белого цвета. Под ним рыхлая зольная прослойка толщиной 18—20 см с обломками керамики и костей животных. Затем шла плотная земляная забутовка темно-красного цвета с включением кусков жженой глины. Толщина этого слоя составляла 30 — 35 см.

Ниже, на поверхности второго пола, отмечена белая зольная прослойка толщиной 10 — 12 см. Пол темно-красного цвета, обмазан глиной, толщина его 3 — 4 см. Под ним — гумусные зольные скопления с чередованием крошащейся глиняной забутовки мощностью 60 — 65 см. Ниже зафиксирован еще один обмазанный глиной пол толщиной 4 см, под которым шел рыхлый слой с галечником, а затем чистый сыпучий песок с фрагментами керамики. Материковый слой, как обычно, — суглинистые отложения с песком, под ними — сплошной галечник.

Сохранность западной стены хорошая, высота ее 2,3 м. Южная стена значительно ниже. Она имеет внутреннюю отделку. Ширина комнаты 2, длина 10 м (?). Вся внутренняя поверхность стен меньшей западной части комнаты обожжена до красного цвета, местами — до ошлакованности. Кирпичи в изломе темно-красного цвета.

При раскопках на поверхности полов не обнаружено остатков очажных сооружений. Обожженные участки стен прослежены в нижней части северной продольной стены помещения.

Помещение 9. В плане оно прямоугольной формы, площадью $2,2(?) \times 2,4$ м. Расположено к югу от помещения 8. Все три стены мощные, сложены из кирпича; восточная стена отсутствует. В западную стену встроены заложённый кирпичами дверной проем размером $1,1 \times 90$ см, обмазанный с внутренней стороны глиной, как и вся внутренняя поверхность стен. Все стены обожжены до красного цвета, а в верхних частях закопчены. Из-за сильной прокаленности стен рухнула большая часть обмазки и раскрошился межкирпичный глиняный раствор.

Помещение несет в себе двухэтапные следы обжитости (см. рис. 3). На полу нижнего горизонта обнаружена обгорелая глиняная забутовка темновато-красного цвета толщиной 16 — 17 см с примесью золы. В ней встречены фрагменты керамики и обгорелые камышовые стебли, отпечатки которых отмечались и на отдельных участках стены комнаты. Над зольным слоем обнаружен кирпичный настил в один ряд, залитый густой глиной, сверху слегка разровненной. Толщина кирпичного настила с обмазкой 15 см. Это второй уровень пола, на котором сооружен очаг из кирпича размером 80×65 см, глубиной 30 см. Перед очагом — яма размером 50×40 см, заполненная золой, фрагментами обожженных костей. На дне очага слой золы толщиной 4 см. Стенки очага сильно обожжены, в верхних частях закопчены. Чуть выше очага, под западной стеной помещения, где находился замурованный дверной проем, обнаружены остатки какой-то печи: сохранилась лишь задняя сильно ошлакованная стенка высотой 40 см при ширине 45 см. На дне печи — слой золы толщиной 10 — 12 см. И очаг, и печь погребены под плотным глиняным заполнением с примесью золы темновато-красного цвета, в которой встречалось множество фрагментов керамики и костей животных. Мощность слоя 70 см. Над ним залегала темная зольная прослойка толщиной 20 см, перекрытая рыхловатым песчанистым слоем серого цвета толщиной 50 см с большой примесью гальки. Затем шла гумусированная зольная прослойка (15 см) и глиняная забутовка светло-коричневого цвета с обломками кирпичей (20 см). Все заполнения перекрывал мощный слой гальки с песком (70 см).

Помещение 10. Оно находилось к югу от комнаты 9. Выявлены три стены высотой не более 1 м. Все стены сложены из кирпича. Площадь комнаты $18 \times 2,00(?)$ м. Все пространство комнаты заполнено чистой галькой с песком.

Помещение 11. Оно прямоугольной формы площадью $10,7 \times 3(?)$ м. Обнаружено к западу от комнаты 9. Вся площадь сплошь забита сильно гумусированными зольными скоплениями. Характер их залегания бессистемный, скорее всего, это мусорные отбросы длительного отрезка времени. В них встречаются обломки разбитых сосудов, кости животных, фрагменты обгорелых костей человека.

К западу от помещения 3 выявлен кусок стены длиной 3 и высотой более 1,5 м. Остатки других стен здесь не обнаружены.

Вся стена от основания доверху засыпана галькой с песком без содержания культурных остатков.

Таковы строительная планировка и внутрикомнатное заполнение комплекса зданий, обнаруженных под холмом Пшактепа. Для датировки комплекса при раскопках получен достаточно выразительный материал, состоящий исключительно из керамики (рис. 4). Она изготовлена на гончарном круге быстрого вращения,

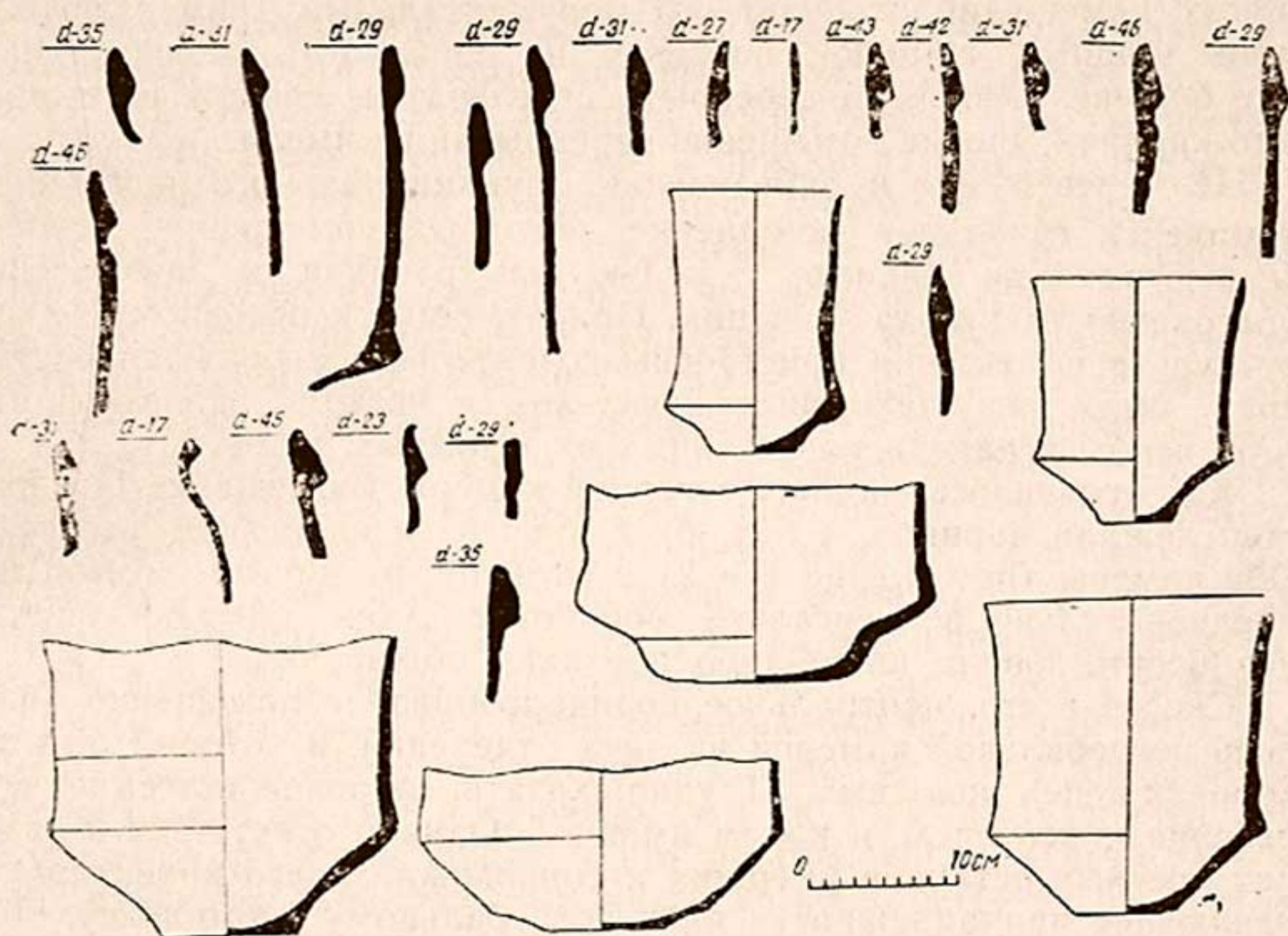

Рис. 4. Керамика Пшактепа.

имеет равномерный обжиг высокого качества. Судя по облику, вся керамика представляет единый комплекс, характеризующий один хронологический этап древнебактрийского периода³, т. е. средний этап — конец VII—VI вв. до н. э. Эта дата подтверждается пшактепинской керамикой с узким подтреугольным профилем манжетовидного венчика (см. рис. 4). Основную массу сосудов из Пшактепа составляет керамика с широким неровным манжетовидным венчиком со следами рифления и глубоким желобком ниже манжетки; сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком и плоским краем венчика; цилиндрикоконические чаши с невысокой широкой стенкой корпуса и т. д.

Вопрос, связанный с научной интерпретацией памятника, намного сложнее. Культовые и погребальные объекты с аналогичной планировкой и содержанием в синхронных памятниках малоиз-

³ См. Аскарлов А., Аминов В., Рахманов У. Новые данные о поселении Кучуктепа. — ОНУ, 1978, № 11, с. 52—56.

вестны. Вместе с тем нет основания рассматривать его как жилой комплекс светского характера. Хотя здесь не встречены останки умерших и сопровождающий их инвентарь, не выявлены признаки и конкретные предметы культового характера, тем не менее из имеющегося материала можно извлечь данные для определения характера памятника, как объекта погребально-культового назначения. В этом отношении особое внимание привлекает центральное коридорообразное помещение, состоящее из двух камер. От других помещений отличает его монументальный характер. Все стены мощные, шириной по верху не менее 1 м, по основанию еще больше. Оно было перекрыто стрельчатым сводом из сырцового кирпича, прочие помещения перекрытий не имели.

Не менее важно в определении функционального назначения комплекса гравийное заполнение основных помещений, которое осуществлялось, видимо, с целью замурования и обеспечения долговечности культа умерших. Прилегающие к основному объекту культа помещения пристроены сознательно, и большей частью сразу были заполнены чистой галькой с песком, вероятно, для того, чтобы оградить погребенных от нечистых духов и т. д.

Как отмечалось, на полу северной камеры (помещение 1) вдоль стен лежали кирпичи, а под ними белый пепел в виде порошка. Обе камеры (помещение 1 и 2) в отличие от других помещений предварительно подвергались обработке путем обмазки стен, в них отсутствовали какие-либо признаки обживания.

Скорее всего, центральное коридорообразное помещение являлось погребальной камерой из двух отделений, в которой был захоронен пепел покойных. Трудно сказать, сопровождалось ли погребение инвентарем, и каким именно. Однако отсутствие в камерах костных останков умерших и сопровождающего инвентаря не исключает принадлежности их к погребальному комплексу, так как, во-первых, в одной из камер представлено захоронение в виде пепла, во-вторых, подобная закладка входных проемов характерна для семейных мавзолеев.

Как отмечалось, комнаты 3—7, пристроенные к погребальной камере, не имели признаков обживания и не предназначались для жилья. За исключением комнаты 5 все остальные должны были закрыть со всех сторон центральную камеру. Помещение 5 имело двойное назначение. Во-первых, выполняло ту же функцию, что и другие комнаты, во-вторых, видимо, служило залом для проведения погребального церемониала.

Помещения 8 и 9 отличались по характеру заполнения и использования. Обожженность и ошлакованность всех стен меньшей западной комнаты 8 и рыхлое зольное заполнение с примесью обгорелой земли позволяют рассматривать его предположительно как камеру для кремации умерших (см. рис. 2, сводный план).

Помещение 9, где на уровне второго пола обнаружены остатки очага и печи, на первом этапе существования не имело жилого характера. Первоначально оно было связано проходом со двором,

а через комнату 3 — с погребальной камерой. После каждой кремации зола и полностью несгоревшие мелкие фрагменты костей из камеры кремации выгребались и высыпались во двор в «священный зольник». Когда погребальные камеры оказались заполненными захоронениями, входные проемы закладывали и сверху обмазывали. Одновременно был заложен проход между комнатой 9 и двором. На этом этапе она служила жильем, о чем свидетельствуют остатки очага и печи на уровне второго пола. Видимо, некоторое время здесь жил кто-то из служителей или хранителей культа предков, который периодически посещал мавзолей. То, что стена этой комнаты несет следы закопченности и обгорелости, говорит скорее всего о признаках пожара, после чего мемориально-культурный комплекс был заброшен навсегда.

Заслуживает внимания и помещение 5 (см. рис. 2, сводный план). Изучение его заполнения с чередованием трех уровней полов без следов интенсивного обживания позволяет допустить, что здесь мы имеем дело со специальным просторным залом типа открытого айвана, обращенным к былым жилищам умерших, которые располагались в 250—300 м к северо-востоку, на месте Кучуктепа. Видимо, каждый раз, при новом захоронении соплеменники совершали церемониальные обряды, для чего и был предназначен этот зал. Не исключена возможность, что после обрядов умершего сжигали на костре в камере кремации (помещение 8), а затем производили символическое захоронение ~~пепла~~.

Таким образом, перед нами мемориально-культурный комплекс обитателей Кучуктепа, относящийся к среднему этапу древнебактрийского периода. Не исключено, что он был предназначен для захоронения родового вождя и его родственников и представлял собой патриархально-семейный мавзолей конца VII—VI вв. до н. э.

А. ВАЛИЕВ

АНТИЧНЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ АНТРОПОГЕННЫХ ЛАНДШАФТОВ ЮГА УЗБЕКИСТАНА

Проблема формирования и развития антропогенных ландшафтов юга Узбекистана в древности может быть решена только при одновременном использовании археологических материалов и данных письменных источников. Первые значительные археологические материалы были получены в 1936—1938 гг. Термезской археологической комплексной экспедицией (ТАКЭ), руководимой М. Е. Массоном.

В процессе исследования экспедицией городища Старого Термеза были затронуты вопросы о смене общественных формаций, истории греко-бактрийского царства и государства кушан, распространения буддизма и передвижения народов на территории Средней Азии. Проводились попытки разрешения конкретных

археологических вопросов «о ходе общего развития города, образования ирригации Термезского района и особенностях древних кладок из сырцовых кирпичей»¹.

С 1949 г. исследование кушанских памятников на территории Сурхандарьинской котловины возобновилось сектором археологии Института истории и археологии АН УзССР под руководством Л. И. Альбаума. В течение ряда лет были проведены стратиграфические раскопки на крупных городищах Сурхандарьинской области — Дальверзинтепа², Хайрабадтепа и Зартепа³.

С 1959 г. к изучению проблем, связанных с историей юга Узбекистана в античную эпоху, подключился коллектив Узбекстанской искусствоведческой экспедиции под руководством Г. А. Пугаченковой. Первоначально основным объектом работ экспедиции был Халчаян (в Денауском районе)⁴, затем крупное городище Дальверзинтепа⁵. Помимо работ на городище, сотрудником экспедиции Э. В. Ртвеладзе проводилась работа по учету памятников античного времени и составлению археологической карты Сурхандарьинской области⁶.

С 1961 г. возобновились и продолжают по сегодняшний день работы по изучению пещерного буддийского монастыря Каратепе в Старом Термезе совместной археологической экспедицией Государственного Эрмитажа и Государственного музея искусств народов Востока под руководством Б. Я. Ставиского⁷.

В 1972 г. к исследованию кушанских памятников на юге Узбекистана приступила совместная (Института археологии АН СССР, Института археологии АН УзССР, а с 1979 г. и Московского государственного университета) Бактрийская экспедиция. Основным объектом изучения было городище Зартепа. Цель исследования заключалась в решении проблемы урбанизации, взаимодействия города и сельской округи, функционирования сельских поселений⁸.

Для изучения развития антропогенных ландшафтов в античную эпоху в Бактрии важные материалы получены в результате

¹ Массон М. Е. Работы Термезской археологической комплексной экспедиции (ТАКЭ) 1937—1938 гг. Т. II. Ташкент, 1945, с. 3.

² Альбаум Л. И. Городище Дальверзин-тепе. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966, с. 47—65.

³ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 14—41.

⁴ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 241—251.

⁵ Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

⁶ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана. — В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 74—85; Ртвеладзе Э. В., Хакимов З. А. Маршрутные исследования памятников Северной Бактрии. — В сб.: Из истории античной культуры Узбекистана. Ташкент, 1973.

⁷ Библиография работ, посвященных раскопкам Каратепе. См.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977, с. 274—275.

⁸ Древняя Бактрия. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1974; Бактрийские древности. Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана. Л., 1976; Пидеев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978.

раскопок, проводимых на территории Северного Афганистана различными археологическими экспедициями, в том числе французской⁹ и советско-афганской¹⁰.

Данные исследования археологических памятников античного времени дополняются письменными источниками, важнейшими из которых являются «География» Страбона, «География» Клавдия Птолемея, «Естественная история» Плиния Старшего, сочинения Аммиана Марцеллина¹¹. Археологические исследования и трактовка античных авторов позволили обрисовать характер и динамику развития антропогенных ландшафтов Сурхандарьинской котловины в античную эпоху¹².

Важнейший фактор, определивший развитие антропогенных ландшафтов в античную эпоху на рассматриваемой территории, — резкое возрастание числа населенных пунктов по сравнению с предшествующим периодом. В кушанское время их было не менее 110¹³, что в несколько раз превосходило число селений, насчитывавшихся в эпоху Ахеменидов¹⁴. Главная особенность системы расселения на территории Сурхандарьинской котловины заключалась в ее оазисном характере. Поселения располагались отдельными группами, каждая из которых была связана с определенным источником водоснабжения (самотечным каналом). Такие группы поселений называются ирригационными районами. В. М. Массон выделяет здесь четыре древних ирригационных района: Денауский, Джаркурганский, Ангорский и Шерабадский, в каждом из которых имелся древний крупный городской центр: Дальверзинтепа, Хаитабадтепа, Зартепа и Джандавляттепа¹⁵.

По мнению Э. В. Ртвеладзе, необходимо выделить еще два других ирригационных района: Верхнесурхандарьинский и При-

---

⁹ Fouilles d'Ai. Khanoum (sous la direction P. Bernard). Paris, 1973 (MDAFA, t. 21). См.: Г. А. Кошеленко, Р. М. Мунчаев. Раскопки на городище Ай-Ханум (Обзор сводной публикации). — В сб.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 118—124.

¹⁰ Кругликова И. Т. Дильберджин, раскопки 1970—1972 гг. Ч. I. М., 1974; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин, раскопки 1970—1973 гг. Ч. II. М., 1977; Массон В. М. Раскопки кушанского города в Северном Афганистане. — ВДИ, 1979, № 2, с. 181—185.

¹¹ Томсон Дж. О. История древней географии. М., 1953, с. 320 и сл. (Мы пользуемся изданием текста и переводом — H. I. O. K. o. n. s. a. P. t. o. l. e. m. a. i. o. s. G. e. o. g. r. a. p. h. i. e. V. o. l. u. m. VI. Roma, 1972). Страбон. География в 17 книгах. Перевод Г. А. Стратановского. М., 1964; Марцеллин Аммиан. История. Перевод Ю. А. Кулаковского. Вып. II. Киев, 1907.

¹² См.: Валиев В., Кошеленко Г. Антропогенные ландшафты в эпоху античности. — «Природа», 1976, № 10, с. 92—95.

¹³ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана, с. 85.

¹⁴ Ртвеладзе Э. В. К характеристике ахеменидских памятников на юге Узбекистана. — СА, 1975, № 2.

¹⁵ Массон В. М. Проблема древнего города и археологические памятники Северной Бактрии. — В сб.: Древняя Бактрия. Л., 1974, с. 4—5.

амударьинский с городищами Бешкапа и Старый Термез¹⁶. Несмотря на то, что археологам пока не удается полностью реконструировать систему древних оросительных сооружений при колоссальных масштабах современного антропогенного фактора, влияющего на формирование ландшафтов, тем не менее существует ряд археологических свидетельств в пользу предложенного древнего районирования. Так, В. М. Массон предполагает, что Зартепа построено около начала нашей эры одновременно с каналом, соответствующим позднему Зангу¹⁷. О существовании более древних ирригационных сооружений, функционировавших в эпоху раннего железа и, возможно, позднее в кушанский период, имеются данные, полученные Э. В. Ртвеладзе¹⁸.

Археологическое изучение сопредельных территорий Кушанского царства, в частности Вахшской долины Таджикистана, показало наличие остатков древних ирригационных систем. Одна из таких систем — Джуйбарская, начавшая функционировать в III в. н. э., прослежена на протяжении 12 км¹⁹. Канал Джуйбар, видимо, в кушанское время был магистральным, так как прослеживается некоторое количество разновременных отводов. Еще одним свидетельством в пользу использования более древних ирригационных сооружений является канал Болдай, существовавший, по мнению Т. И. Зеймаль, первоначально в V—III вв. до н. э. как самостоятельный, а впоследствии в кушанскую эпоху — как отвод от Джуйбарской системы²⁰.

Ирригационное строительство, приводившее к созданию особого вида водных ландшафтов (с несколькими подтипами: магистральные, отводные и сбросовые каналы, оросители и т. д.), стало основой широкого распространения по Сурхандарьинской котловине всех остальных видов антропогенных ландшафтов: сельскохозяйственных, промышленных, дорожных и т. д.

Как показали археологические исследования, населенные пункты Бактрии античного времени различались своими масштабами, что, видимо, и определило их функциональное назначение. По мнению Ш. Р. Пидаева, их можно подразделить на четыре типа: I и II — поселения первого и второго порядка, III и IV — городища первого и второго порядка²¹.

¹⁶ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В сб.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 103.

¹⁷ Массон В. М. Кушанские поселения и кушанская археология. — В сб.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 11.

¹⁸ Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана.

¹⁹ Зеймаль Т. И. Вахшская долина в древности и раннем средневековье. Автореферат канд. дисс. Л., 1969, с. 11.

²⁰ Там же, с. 12.

²¹ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии, с. 17; О несколько иной типологии см.: Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры, с. 44.

Городища второго порядка являются центрами ирригационных районов. Видимо, каждый район представлял определенное экономическое и политическое единство и помимо своего центра включал некоторое количество иных типов поселений. Сопоставление археологических материалов и данных письменных источников приводит к мысли о возможности определения принципов организации антропогенных ландшафтов²². Главные черты: очаговый (т. е. оазисный) характер и тесная связь селитебных, сельскохозяйственных и искусственных водных ландшафтов при определяющем значении последних для масштабов и конфигурации двух первых.

Ядро каждой такой системы — антропогенный селитебный ландшафт урбанистического типа, т. е. такой тип ландшафта, который наиболее удален от естественного, природного. Далее располагаются селитебные ландшафты сельского типа, промежутки между центральным ядром и «периферийными» ядрами заняты сельскохозяйственными и водными антропогенными ландшафтами, а также, по всей видимости, и дорожными. Затем следуют сельскохозяйственные и водные антропогенные ландшафты и, наконец, только сельскохозяйственные.

Таким образом, можно предположить, что при оазисном расселении в условиях античного среднеазиатского общества формировалась определенная система антропогенных ландшафтов, характерной особенностью которой были возрастание уровня «антропогенности» по направлению к ядру (которое не всегда было геометрическим центром), где уровень преобразованности природы выше, где в создании неоландшафта принимает участие большее число факторов. Чем далее от ядра, тем степень антропогенности ниже, тем меньше антропогенных факторов участвует в создании ландшафта. Эта линия может быть продолжена и далее: за пределами оазисов располагались территории, использовавшиеся в качестве пастбищ для скота, свидетельствующие не о собственно антропогенных ландшафтах, а о воздействии на природу фактора хозяйственной деятельности человека. Под воздействием его менялся видовой состав трав, характер почвенного покрова и т. д. Предполагается, что в античный период этот процесс принял достаточно широкий размах, поскольку известно, что после завоевания Бактрии кочевниками значительные массы их расселились на периферии оазисов.

Наиболее полное представление о городах Северной Бактрии античного времени дают раскопки Дальверзинтепа²³ и Зартепа²⁴. Как показали раскопки, эти городища были обнесены мощными

²² В а л и е в А. Древний город и развитие антропогенных ландшафтов в условиях оазисной системы расселения. Древние города. — В кн.: Материалы Всесоюзной V конференции. Л., 1977, с. 51—53.

²³ Дальверзинтепа — кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

²⁴ М а с с о н В. М. Зартепе — кушанский город в Северной Бактрии. — В сб.: История и культура античного мира. М., 1977, с. 138—143.

укреплениями. Стены с мощными башнями как бы отсекали зоны интенсивного развития селитебных ландшафтов от пригородной зоны, в состав которой входили жилища различных типов. На Дальверзинтепа мы видим большие, тщательно построенные дома знати с почти стандартной планировкой и районы густой застройки гораздо меньших по размерам обычных домов. Большой квартал домов богатых жителей города, расположенный по обе стороны улицы, раскопан и на Зартепа. В состав застройки городов включались и здания общественного назначения. В условиях того времени это были, прежде всего, храмы различных культов. Такие святилища, включенные в общую структуру квартала (Зартепа) и расположенные особняком (Дальверзинтепа), обнаружены при раскопках. На Зартепе был раскопан дворец правителя.

Исследования Дальверзина выявили большой ремесленный квартал, включавший в себя ряд мастерских, керамических печей, маленький квартальный храм, свалки бракованной продукции. На территории Дальверзина существовали районы, связанные с развитием торговли, склады, винные лавки и др. О наличии рынков в других городах свидетельствуют письменные источники.

Пригородная зона, в первую очередь, была занята сельскохозяйственными угодьями. Судя по письменным источникам, Бактрия отличалась интенсивным развитием сельского хозяйства. Страбон писал, что Бактрия обширна и производит всевозможные продукты, кроме оливкового масла. В источниках указывается и о появлении в то время новых культур. В частности, тот же Страбон сообщает, что в Бактрии стали сеять рис. Развитие сельского хозяйства было немыслимо без развития ирригации, но бесспорно, что зерновые сеялись под богару.

Таким образом, ясно, что в то время были широко представлены различные варианты антропогенных ландшафтов сельскохозяйственного типа. С ними были связаны и некоторые сооружения по переработке сельскохозяйственной продукции. Так, в окрестностях Дальверзинтепа была обнаружена винодельня.

В пригородной зоне располагались также более фундаментальные сооружения. Так, в окрестностях Дальверзинтепа обнаружено небольшое буддийское святилище, рядом с Термезом — два больших буддийских монастыря (Каратепа и Фаязтепа), загородный царский двор (Халчаян), у Зартепа раскопано небольшое здание, принадлежавшее правителю города. Наиболее полную картину пригородной зоны дополняют некрополи. В окрестностях Дальверзина в состав некрополя входили и довольно монументальные здания.

Селитебный ландшафт сельской местности наиболее четко представлен в результате раскопок двух античных деревень: Аккурган и Мирзакултепа²⁵. Деревни по своим размерам были на-

²⁵ См.: Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии.

много меньше городов, планировка их была нерегулярной, дома — меньших размеров и не столь удобны, как большие городские дома. В деревнях занимались не только сельским хозяйством, но и переработкой его продуктов и даже ремеслом. Насколько мы можем судить, зона вокруг деревень не имела такого характера, как пригородная — основное место здесь занимали сельскохозяйственные угодья.

Значительную роль в хозяйственной деятельности на окраинах оазисов занимало скотоводство.

Таким образом, можно отметить, что в античную эпоху на территории Сурхандарьинской котловины происходит завершение формирования ряда типов антропогенных ландшафтов. Прежде всего это относится к сельскохозяйственному ландшафту. Селитебные ландшафты, занимая значительное место, также развивались, приобретая разные формы. Неотъемлемой частью этих двух типов ландшафтов являются системы ирригационных сооружений, которые можно рассматривать как подкласс в классе водных ландшафтов. В это же время происходит и зарождение, а затем и интенсивное развитие еще одного вида антропогенных ландшафтов — промышленного, который в своем развитии облекается во множество форм. С ростом городов и поселений в кушанскую эпоху дальнейшее развитие получает и дорожный ландшафт. В целом все типы антропогенных ландшафтов составляют довольно сложную и взаимосвязанную систему.

Р. Х. СУЛЕЙМАНОВ, Н. Ю. НЕФЕДОВ

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ РАСКОПОК ДВОРЦА ЕРКУРГАНА

В северной части Еркургана в пределах внутреннего города у крепостной стены находятся развалины самого крупного сооружения городища. По высоте оно не уступает расположенной рядом цитадели, а по площади даже несколько ее превосходит. В рельефе бугра выделяется верхнее здание высотой 12 м, в плане прямоугольное с оплывшими углами, ориентированное в широтном направлении. Размеры по верху 45×23 м, имеет небольшой уклон к востоку. Северный, восточный и западный склоны очень крутые. Южный — пологий. С юга к основному зданию примыкает обширная площадка — остатки подсобных сооружений и двора. Уровень площадки на 3,5—4 м ниже основного здания. Все сооружение занимает общую площадь более 1 га.

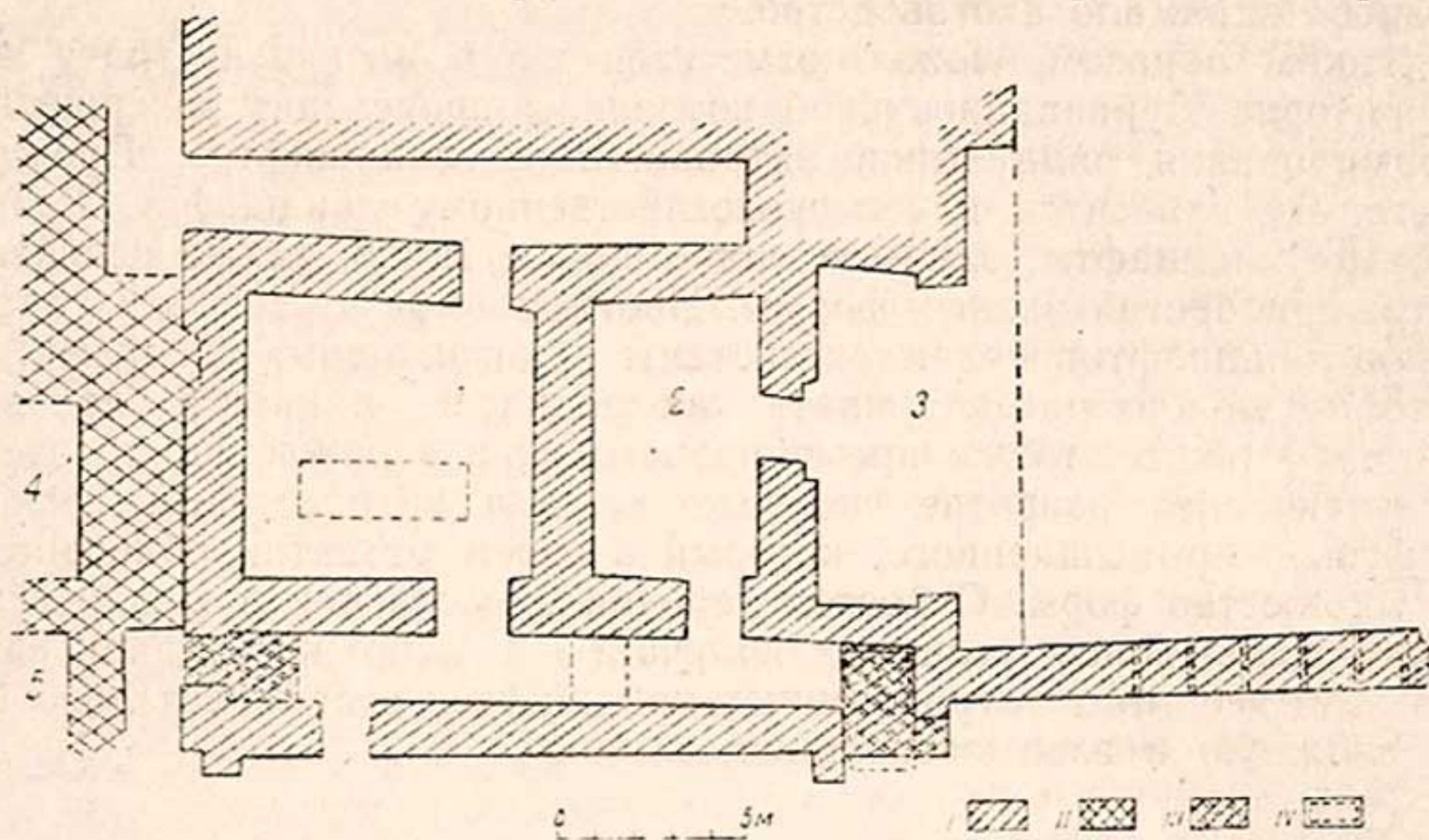
В настоящий момент раскопками почти полностью вскрыта верхняя площадка, где обнаружены пять помещений и два коридора (рисунок). Судя по полученным данным, здание дважды подвергалось перестройкам и регулярно ремонтировалось.

К первому строительному периоду относятся помещения 1, 2

и 3, вытянутые анфиладой с запада на восток. К северу и югу от первых двух помещений проходили коридоры.

Помещение 1, почти квадратное в плане, имеет размеры $7,7 \times 7,6$ м. Пахсовые стены хорошего качества сохранились на высоту до 1,5 м. Они многократно и качественно обмазаны саманной штукатуркой толщиной 7—8 см. Каждый слой либо белился, либо окрашивался в красный цвет, либо покрывался тонким слоем ганча. Из первого помещения шли проходы в коридо-

План дворца Еркургана:

I—III—стены соответственно первого, второго и третьего строительных периодов; *IV*—шурфы; *1—5*—номер помещений.

ры, находившиеся в восточных концах северной и южной стен. Их ширина соответственно равна 1,25 и 2 м. Пол помещения, также как и стены, хорошо обмазан глиной с саманом (мощность 15 см). Почти в центре помещения, несколько северо-западнее, пол на всю толщину прокален. Диаметр пятна 1,5—1,75 м.

Помещение 2, расположенное к востоку от первого, отделено от него пахсовой стеной 1,5-метровой толщины. Оно правильной прямоугольной формы площадью $7,25 \times 4,4$ м. Ориентировано в меридиональном направлении. Стены второго помещения также многократно оштукатурены саманной обмазкой толщиной 5—7 см. Каждый из слоев штукатурки побелен, а на последнем на высоте чуть более 1 м от пола шла широкая красная полоса, прослеженная по всем четырем стенам. Пол помещения 2 находится на том же уровне, что и в первом. В восточной и южной стенах проходы. В южной стене проход (ширина 1,5 м) ведет в коридор, а в восточной (ширина 1,75 м) — в помещение 3.

Самое крупное во вскрытом комплексе — помещение 3. Оно сложной конфигурации. Делится на две части — западную и вос-

точную. Западная, находящаяся в глубине, отделяется от помещения 2 пахсовой стеной толщиной 1,5 м, а восточная — более широкая — выступами стен от западной.

Восточная часть третьего помещения резко расширена и представляет собой большой зал. Предварительно площадь этого зала можно определить в 225 кв. м. В плане оно прямоугольной формы. Полностью расчищена его южная стена длиной в 13 м. В восточном ее конце проход на юг. Восточная часть помещения не только более значительных размеров, чем западная, но и уровень пола там ниже на 0,6 м. Кроме того, в южной стене помещения через каждые 1,5—1,7 м шли 10-сантиметровые вертикальные сквозные прорезы. Они сохранились лишь на высоте 0,7 м от пола. Скорее всего, они служили для вентиляции помещения, так как для световых проемов они слишком узки.

Стены третьего помещения также многократно обмазаны саманной штукатуркой. Между ее слоями обнаружены следы побелки, покрытия тонким слоем ганча или окраски в красный цвет.

К северу и югу от помещений 1 и 2 находились два коридора — северный и южный. Они ориентированы в широтном направлении. Северный имеет ширину 1,75—2,25 м, длину — около 15 м. Его конец в восточной части шире чем в западной, в западной части он поворачивал на север и прослеживался еще на 3,7 м. В восточной части северный коридор завершался тупиком. От помещений коридор отделялся пахсовой стеной толщиной 1,5—1,6 м. Пол коридора обмазан толстым слоем глины с саманом. Он немного выше уровня полов первых двух помещений. Стены многократно штукатурены и побелены. Проход в коридор был, как указывалось, только из первого помещения.

Южный коридор шириной 1,8—1,85 м и длиной 19,5 м тянулся вдоль помещений 1 и 2, захватывая западную часть третьего помещения. В восточной части он поворачивал на юг, в западной — сужался уступами. Уровень пола южного коридора, так же как и северного, на 20 см выше, чем в помещениях, с которыми он соединен проходами. Стены оштукатурены и побелены.

Во второй строительный период к западу от помещения 1 была произведена достройка — появились два новых помещения (4 и 5) и несколько изменилась конфигурация коридоров. Если ранее все стены сооружались из пахсы, то позднее из сырцового кирпича, в основном, стандартных размеров $40 \times 40 \times 10 + 2 - 3$ см и изредка размером $45 - 47 \times 23 - 26 \times 10 - 13$ см. Помещение 4 с запада примыкает к помещению 1.

Четвертое помещение небольших размеров. Вскрыта его восточная и часть южной и северной стен. Западная часть полностью срезана склоном холма. Длина сохранившейся стороны помещения с севера на юг 4,65 м. Пол был на уровне пола первого помещения и так же как и стены обмазан побеленной саманной штукатуркой.

Пятое помещение расположено к югу от четвертого и отделено от него стеной толщиной 1,5 м. Юго-западная часть помещения также срезана склоном. Расчищены обрывки восточной и северной стен. Пол и стены неоднократно обмазаны глиной с саманом, стены с побелкой и следами красной краски.

Западный конец южного коридора в результате перестройки направлен на юг и расчищен на протяжении 3,5 м, далее он не сохранился. Пол на том же уровне, что и в остальной части коридора. Стены окрашены в красный цвет. Северный коридор в результате перестройки приобрел Т-образную форму.

Последняя небольшая перестройка произведена в южной части здания. Южный коридор заложен в западном и восточном концах сырцовым кирпичом. В западной части, кроме кирпича, в забутовке обнаружена плотноутрамбованная глина. В пробитой южной стене коридора на западе сделан проход. На протяжении функционирования здания полы помещений существенно не поднимались.

Заполнение во всех помещениях первого периода обживания здания почти ничем не отличалось друг от друга. Как правило, наверху до глубины 20—40 см шел рыхлый оплыв, под ним до уровня пола завал из комковатой глины с обильной примесью битого сырцового кирпича и керамики. Верхний пласт завала плотный, нижний у пола — рыхлый. Местами в рыхлом завале встречены натеки.

В помещениях второго строительного периода заполнение состояло из рыхлых оплывов и лишь внизу, над полом, 10—20-сантиметровый слой завала. Что же касается фундамента, здание стояло на высокой (до 10 м) платформе, характер которой выяснен в трех шурфах; заложенных в помещении 1 (шурф 3), в восточной и центральных частях южного коридора (шурфы 1 и 2). В шурфе 3 обнаружена хорошо оштукатуренная стена из сырцового кирпича тех же размеров, что и во втором периоде. Ее высота от основания до уровня пола помещения 5,1 м. Стена ориентирована в меридиональном направлении. К западу от нее шла кладка из такого же кирпича только без связующего раствора. Такая же кладка обнаружена и в других шурфах. Таким образом, более раннее монументальное сооружение было забутовано и использовано под платформу.

При раскопках дворцового комплекса в основном обнаружены многочисленные керамические изделия: обломки столовой посуды — чаши, блюда, ножки кубков и бокалов и т. д. Хозяйственной керамики намного меньше, а фрагменты кухонной вообще представлены единичными экземплярами. Судя по керамике, весь комплекс датируется в пределах III—V вв. н. э. Среди прочих находок следует выделить обломки терракотовых статуэток, изображения животных и птиц — верблюда, барана, собаки, орла, найденные в завалах помещений и коридоров. На раскопе обнаружено несколько монет, причем все они относятся к известному

чекану местных правителей Нахшеба и датируются III—V вв. н. э. В завале третьего помещения найдено несколько фрагментов глиняной штукатурки со следами живописи, выполненной красками различных красных оттенков по алебастровой подгрунтовке.

Композиционно-планировочное решение этого комплекса, поднятого на мощную 10-метровую платформу, имело ярко выраженное парадное назначение. Здесь выделялся большой зал, разделенный в плане и по высоте полов на два уровня (помещение 3). Он предназначен для приемов. Вход на его возвышенную часть вел из глубины — из небольшого служебного помещения (помещение 2). За помещением 2 располагалось крупное квадратное в плане помещение 1 со следами большого пятна от кострища в центре. Функциональная связь между двумя последними помещениями осуществлялась через систему боковых коридоров. Подобную осевую композицию имел дворец Халчаяна, датированный рубежом нашей эры¹. Однако там не было столь четко выраженного разделения дворцового комплекса на две части — приемную и внутреннюю. Таким образом, перед нами парадно-административный комплекс городища Еркурган, рассчитанный на проведение приемов и аудиенций.

Среди находок комплекса особо выделялся фрагмент красно-ангобириванной корчаги с широким сливом в виде фигуры сидящей собаки. Конец слива, видимо, в виде головы с разинутой пастью был отбит. Хронологически этот образец древнего прикладного искусства связан с функционированием дворца. Аналогий этому изображению в керамике мы не имеем, хотя на Еркургане были находки сосудов с носиками в виде головы быка. Следует полагать, что данный сосуд имел ритуальное значение. Но и в случае отсутствия такого назначения фигурка собаки — священного животного зороастризма — явно имела значение оберега и воспринималась как сила, очищающая содержимое данного сосуда.

Полученный при раскопках комплекса археологический материал в основном указывает на то, что дворец был возведен и функционировал в период последнего расцвета строительных работ на городище в пределах III—V вв. н. э.

М. ТУРЕБЕКОВ

ЦИТАДЕЛЬ ЕРКУРГАНА

В результате исследований древних городов Средней Азии с каждым годом углубляются наши представления об их структуре с момента возникновения, о динамике развития и упадка с целью изучения одного из основных частей древнего города —

¹ См.: Пугаченкова Г. А. К архитектурной типологии в зодчестве Бактрии и Восточной Парфии. — ВДИ, 1973, № 1.

цитадели и ее структуры. В 1975—1977 гг. Кашкадарьинским отрядом Института археологии АН УзССР под руководством Р. Х. Сулейманова были проведены археологические исследования на городище Еркурган¹. Цитадель Еркургана расположена с внутренней стороны ближе к середине северного фаса внутреннего вала. До раскопок она представляла собой оплывший четырехугольный бугор, который повышался с юга на север. Высота его северной части достигала 11—12 м. Размеры бугра на верхней площадке составляли 70×70 м, у подошвы — 90×90 м. В восточной стороне цитадели была большая ложбина, что заставляет предполагать о наличии входа с этой стороны. Судя по микрорельефу, в древности цитадель окружал ров шириной около 20 м.

Для изучения структуры сооружения, его планировки, выявления стратиграфии и хронологии, исторического и фортификационного значения мы заложили раскопы. Было выявлено (рис. 1) два строительных периода — I и II. Для I строительного периода характерны стены, построенные на утрамбованной земляной насыпи с прослойками золы, керамики и примесью угля. Прослеженная толщина ее составляла 80 см. На уровне XXI — начала XXV ярусов вскрыта внешняя сторона южного фаса. Стена имела 2 башни, расстояние между которыми достигало 8 м, каждая шириной по 16 м. Башни выступали от линии куртин на 1 м. Толщина стен у основания башен составляла 2,5 м, сохранившаяся высота — около 2 м. Стены через каждый метр прорезаны бойницами шириной 10 см. Ныне сохранилась лишь нижняя часть (0,8 м) бойниц. Угловая бойница предназначалась для косопрямельного обстрела, а остальные — для прямого. Стена сооружена из пахсовых блоков. Ее внешняя сторона покрыта штукатуркой с примесью самана. Толщина обмазки составляла 1—3 см. Был вскрыт внутренний пол I строительного периода (XXV ярус). Он покрыт песком с мелким камнем, над ним был культурный слой толщиной до 70 см.

Строительный период начался с закладки стены I периода (рис. 2, а). Сначала ее засыпали не очень плотным грунтом, а затем изнутри забутовали сырцовым кирпичом, а снаружи заложили комбинированной кладкой из кирпича и битой глины. Кирпичи разноформатные: 40—47×40—47×9—11; 42×38×10; 45×30×9; 49×30×25×9; 41×34×9; 47—48×30—32×9—10 см. На некоторых из них клейма более 25 разновидностей в виде С, V, O, S и др. На основе этих забутовок создана огромная платформа

¹ Сулейманов Р. Х., Исхаков М., Туребеков М., Нефедов Н. Раскопки на городище Ер-Курган. — АО, 1975 г., М., 1976, с. 537; Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М., Туребеков М., Нефедов Н. Основные итоги раскопок на Еркургане. — АО, 1976 г., М., 1977, с. 544—545; Сулейманов Р. Х. Основные этапы развития городища Еркурган. — В сб.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана» (Тезисы докладов). Ташкент, 1979, с. 12.

размером 80×80 м, высотой более 5 м, на которой сооружена система стрелковых галерей и помещений. В южной части цитадели вскрыта сохранившаяся часть внутриворонного коридора протяженностью более 40 м, идущего по линии северо-восток — юго-запад. Ширина коридора 2—2,2 м. С его внешней стороны раскопана фланкирующая прямоугольная башня шириной 7,5 м с внутрибашенным помещением ($3,75 \times 2,15$ м). Она выступала

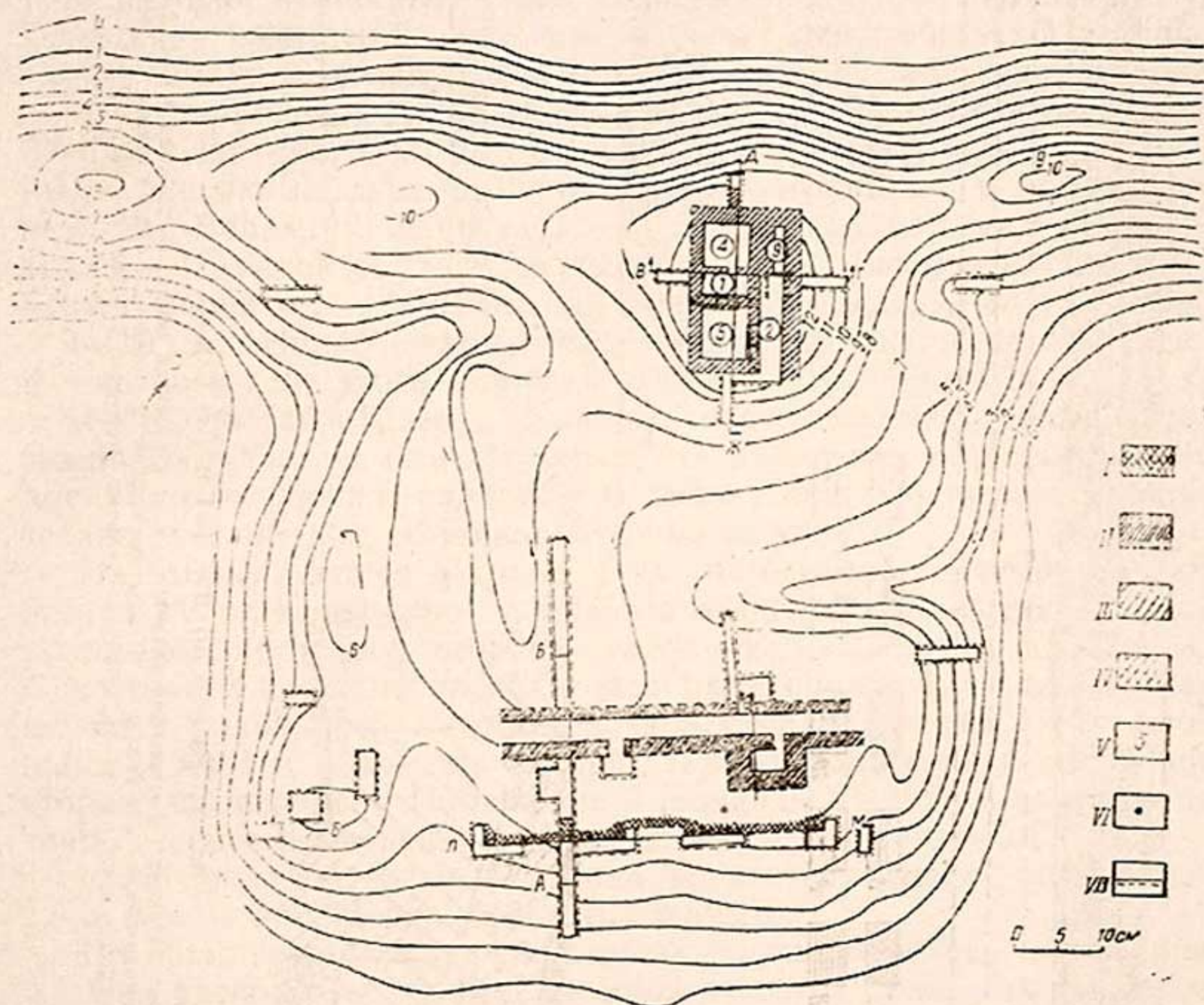

Рис. 1. План цитадели:

I — стена первого строительного периода; *II* — стена первого этажа второго строительного периода; *III* — стена второго строительного периода; *IV* — стена пристройки второго строительного периода; *V* — помещения; *VI* — очаг; *VII* — край раскопа.

от линии куртин на 4,5 м. Из коридора в башню вел вход шириной 85 см. В 26 м к западу от него располагался вход шириной 1,7 м в соседнюю несохранившуюся башню. Длина куртины, судя по расположению входа, была около 22 м. Высота сохранившейся части стены коридора и башни 0,5—1 м, толщина стены 1,7 м. Стены сложены из пахсы и оштукатурены. На полу коридора и башни прослеживался культурный слой толщиной 10—40 см с многочисленными фрагментами кера-

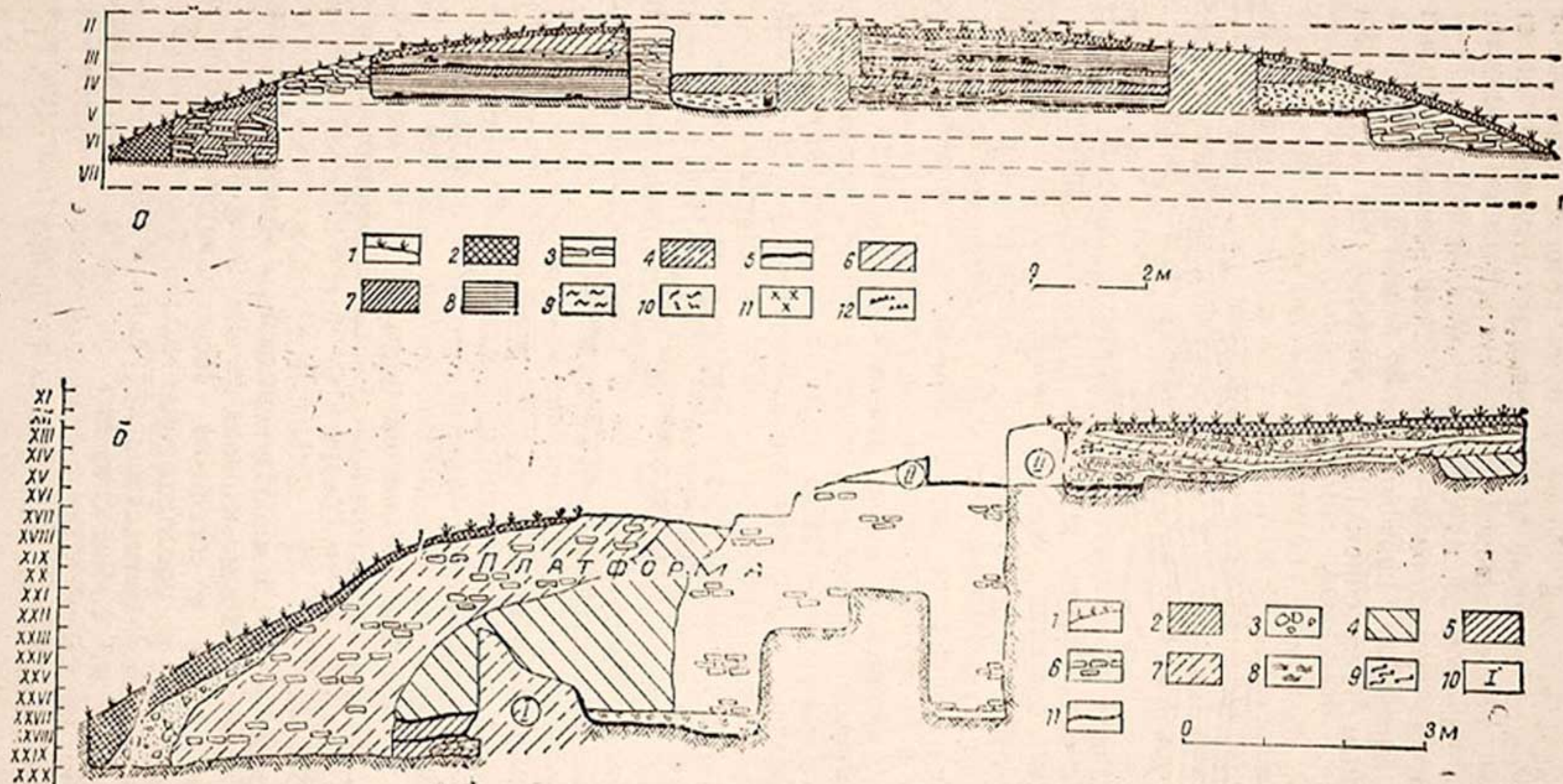

Рис. 2. Разрез по ДЖ (а) и АБ (б):

а: 1—дерновый слой; 2—оплыв; 3—кирпичная кладка; 4—нахсовая кладка; 5—пол; 6—рыхлая земля; 7—плотная земля; 8—наносная земля; 9—прослойка золы; 10—кости животных; 11—обгоревшая земля; 12—уголь; б: 1—дерновый слой; 2—оплыв; 3—завал стены; 4—засыпка; 5—грунт; 6—кирпичная кладка; 7—нахсовая кладка; 8—прослойки золы; 9—уголь; 10—строительные перегороды; 11—пол; 11—VII, XI—XXX—ярусы.

мики и органическими остатками. Затем шел слой завала стены и оплыва. Здесь же на полу встречен очаг диаметром 70 см.

В северной части цитадели вскрыт комплекс помещений, расположенных в два этажа. Нижний представлял собой систему сводчатых помещений. Была вскрыта северная часть одного из помещений, длинная сторона которого перпендикулярна внутренней городской стене. Рядом прослеживалось второе помещение, параллельное крепостной стене. Ширина его 1,7 м, высота 2,7 м. Сводчатые помещения изнутри оштукатурены обмазкой с примесью самана. Толщина перекрытия 0,8 м. На полу обнаружены остатки растительности в виде желтого рыхлого слоя толщиной 3—5 см. Видимо, пол был выстлан слоем соломы либо соломенными циновками. Аналогичная картина отмечена в помещении цитадели Варахша². Внутренняя часть заполнения помещения состоит из насыпной земли. Своды выложены трапециевидным сырцовым кирпичом. Размеры кирпичей $49—51 \times 31—33 \times 21—25 \times 9—10$ см. Нижняя часть стены помещений выложена из разноформатного сырцового кирпича ($42 \times 42 \times 10$, $47 \times 47 \times 10$, $44 \times 44 \times 10$, $48 \times 46 \times 10$ см). Нижняя часть внешней стены помещения состояла из битой глины. На некоторых кирпичах свода клеймо, прочерченное пальцем. В своде между кирпичами использована раскладка из обломков крупных сосудов.

На втором этаже вскрыто пять помещений. Четыре из них возведены одновременно с первым этажом. Помещение 1 расположено в середине второго этажа. Его площадь $5,5 \times 2,4$ м. С восточной стороны располагался вход шириной 1,5 м. Помещение 2 находилось в юго-восточной стороне этажа. Его площадь $11 \times 2,5$ м. Вход на второй этаж располагался в восточной стороне помещения. Помещение 3 площадью $5,2 \times 1$ м зафиксировано севернее помещения 2, а помещение 4 площадью $5,4 \times 4,7$ м — в северо-западной части. Толщина восточной стены помещения 2,8 м. Вход в помещение с южной стороны.

Во время перестройки на втором этаже появилось помещение 5. Оно расположено в юго-западной стороне этажа. Его площадь $5,7 \times 5,3$ м. В середине помещения на полу вскрыта круглая яма диаметром 1 м, глубиной 1 м, заполненная органическими остатками и фрагментами керамики. С сужением входа в помещение 4 на 1 м и перекрытием входа в помещение 1 появился вход в южной стене. Северная и западная стены второго этажа имели толщину 2 м, а остальные — 1—1,6 м. Все стены оштукатурены и сложены из пахсовых блоков и сырцовых кирпичей размером $48 \times 46 \times 10$; $47 \times 46 \times 10$; $42 \times 42 \times 9$ и $50 \times 47 \times 10$ см. Стена второго этажа сохранилась на высоту 0,5—1,4 м. В помещении 5 прослежен уровень трех полов (см. рис. 2, б). Стены расположены на уровне второго пола. В остальных

² Нильсен В. А. Варахшская цитадель. — ТИИА. Вып. III. Ташкент, 1956, с. 45—46.

помещениях прослежены уровни двух полов. Культурные слои полов дали выразительный комплекс керамики.

Керамика цитадели. Из золистого слоя, залегавшего с внешней стороны у основания кладки стены I строительного периода, собрано небольшое количество керамики. Найден горшок (или корчага) с вертикальным бортиком и профилированным Г-образным венчиком, местами с наружной стороны покрытым желтовато-белым ангобом. В комплексе имелась тагара диаметром 32 см с Г-образным венчиком. Кроме того, фрагмент тонкостенного кувшина с профилем венчика как у вышеописанных сосудов. Найдены фрагменты блюдца с наклонными стенками, покрытая изнутри красным ангобом тарелочка с отогнутыми наружу и слегка вытянутыми верхними краями. В верхней трети внутренней стороны — ступенчатый желобок. Двумя экземплярами представлены фрагменты цилиндрикоконических кубков.

В целом комплекс керамики содержал характерные для городища Еркурган фрагменты сосудов II в. до н. э. — I в. н. э.³

Керамика из пола I строительного периода (внешняя сторона стены). По своему составу это небольшой керамический комплекс, не смешанный с более поздними или ранними фрагментами керамики. Здесь встречено три фрагмента венчиков горшков. Один из них с подтреугольным в сечении венчиком, другой, более толстостенный, со слегка профилированным венчиком, третий — с уступом для крышки и отверстиями под горловиной. Встречены фрагменты трех кувшинов со слегка расширяющимися кверху горловинами.

Найден фрагмент белоангобированной чаши со слегка расширяющейся кверху стенкой с желобком, расположенным с ее внешней стороны. Кроме того, встречены чаши с желобками на верхней трети внутренней поверхности. Тарелки представлены разновидностями, характерными для вышеописанного комплекса.

В комплекс вошло семь экземпляров бокалов. Один из них покрыт вертикальным лощением. Кроме того, найдены белоангобированные бокаловидные глубокие сосуды, а также сероглиняная керамика (7 экз.). Один из сосудов блюдцевидный с валикообразным в сечении венчиком, остальные — чашевидные с вогнутыми внутрь краями.

Керамика над внутренними полами I строительного периода. Керамика получена из золистых слоев. В первой нижней прослойке найдено всего 9 сосудов: горшок с Г-образным венчиком, чаши (2 экз.) со слегка закруглявшимися верхними краями, открытые чаши с желобком в верхней трети изнутри (2 экз.), толстостенный бокаловидный сосуд, покрытый снаружи белым ангобом.

Во второй средней прослойке найдено три фрагмента керамики: обломок корчаги с вертикальным бортиком и профилирован-

³ Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА. М., 1978, № 3, с. 221—222.

ным в виде валика венчиком, часть красноангобированной чаши со слегка вогнутыми внутрь краями, фрагмент бокала с полкой ножкой и пояском в верхней части.

В третьей прослойке находок больше, чем в первой. Характерен фрагмент манжетовидного венчика белоангобированного кувшина со слегка расширяющейся кверху горловиной. Диаметр венчика 12 см. Двумя экземплярами представлены плоские ручки кувшинов. Два фрагмента открытых блюд характерны тем, что один из них имел слабо выраженный венчик диаметром 31 см, а другой был без венчика. Найдены блюдца с подтреугольным в сечении венчиком. Они открытые и более тонкостенные. Их диаметры 15—30 см.

В комплексе выявлены разнотипные чаши: с вертикальным бортиком, со слегка расширяющимися кверху стенками и с закруглением в устье; с Г-образным венчиком; открытые тонкостенные чаши с желобками на верхней трети внутренней поверхности. Кроме того, найдены донца чаш с прочерченным орнаментом в виде спирали. В этом слое обнаружены цилиндрикоконические кубки и один фрагмент бокала с белым ангобом с внешней стороны.

Таким образом, характерная особенность комплекса — отсутствие лепной керамики, не считая единственного тарелковидного плоского сосуда, который, видимо, использовался как жаровня или светильник. Он тонкостенный, изготовлен из серой глины с примесью песка. Венчик диаметром 14 см. Для этого комплекса характерны чаши, имевшие на верхней трети внутренней стороны желобок.

Как показал сравнительный анализ керамических комплексов I строительного периода цитадели с материалом других памятников Согда, посуда данного строительного горизонта (цилиндрикоконические кубки) находит аналогии в керамике I в. до н. э.—I в. н. э. на Варахше⁴ и других раскопах Еркургана⁵. Горшки с уступом для крышек аналогичны керамическому материалу Рамиш-III⁶ и Еркургана⁷. Блюда с подтреугольным в сечении венчиком найдены в слое Рамиш-III в Бухарском оазисе⁸. Чаши с Г-образным венчиком на Афрасиабе датируются I в. до н. э.⁹ Таким образом, комплекс датируется I в. до н. э.—II в. н. э.

⁴ Кабанов С. К. Раскопки жилых построек и городских оборонительных сооружений на городище Варахше в 1953—1954 гг. — В сб.: ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959, рис. 20, 2.

⁵ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья (III—VII вв.). Ташкент, 1977, рис. 13, 1; Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане, с. 221—222.

⁶ Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, 5.

⁷ Кабанов С. К. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 13, 4.

⁸ Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа, рис. 1, 16.

⁹ Шишкина Г. В. Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба. — Сб.: Афрасиаб. Вып. 1. Ташкент, 1969, рис. 3, 36.

Керамика II строительного периода. При раскопках II этажа с нижнего первого пола получен большой комплекс археологических находок. Встречены хумы с валикообразными венчиками диаметром 35—39 см, покрытые сероватым или светло-серым ангобом. На двух из них заметны вдавления от пальцев. Тесто рыхловатое, коричневого цвета.

Кувшины представлены двумя типами: с профилированными в виде двух валиков венчиками, диаметром 9—11 см (тесто коричневое, поверхность светло-серая) и с профилированными венчиками в виде одного валика (тесто и ангоб как у кувшинов первого типа, ручки петлевидные).

Встречены приземистый горшок со слегка отогнутым наружу венчиком и с таким же венчиком более вытянутый горшок, а также горшок с уступом для крышки и два миниатюрных горшочка. Все сосуды покрыты светлым и красным ангобом.

Найдено около 10 фрагментов открытых блюд, в основном, с подтреугольными венчиками диаметром 16—39 см, корчаги с профилированным и слегка заостренным в устье венчиком, изнутри покрытые темно-красным, а снаружи серым ангобом.

Чаши представлены 38 экземплярами, из них 21 чаша с вертикальным бортиком. Диаметр венчиков 15—17 см. Остальные чаши более вытянутые, со слегка закругленными краями. Диаметр венчиков 13—17 см. Ангоб красный и коричневый. Кроме того, найдены фрагменты бокала, черепки лепных сосудов — котлов с полусферическим, приземистым и шаровидным туловом. Тесто с примесью шамота и песка. Диаметр венчиков 17—26 см. В комплексе обнаружены массивная подставка и жаровня диаметром 31 см. С пола помещения найден фрагмент штампованного керамического фриза с изображением двух мужских фигур в фасе¹⁰ и керамического изделия неясного назначения.

Керамика второго пола. Собрано около 50 экз. фрагментов керамики. Горшки, представленные 5 экземплярами, подразделялись на три типа: горшок с Г-образным венчиком, горшок с уступом для крышки, горшочек с уступом для крышки. Они изготовлены из коричневой глины и покрыты серовато-белым ангобом.

Кувшины по форме и размерам венчика подразделялись также на три типа: с валикообразными или слегка вытянутыми наружу венчиками; со слегка закругленными венчиками и узкогорлые, миниатюрные кувшинчики.

Блюда в отличие от блюдец первого пола более уплощенные.

В слое найдены фрагменты чаш с вертикальным бортиком. Они покрыты красным и коричневым ангобом. Диаметр венчика 15—16 см.

Котлы по форме делятся на банкообразные и с плавно расширяющимися стенками. В их тесте примесь песка и гипса.

---

¹⁰ Сулейманов Р. Х., Исамиддинов М., Туребеков М., Нефедов Н. Основные итоги раскопок на Еркургане, с. 545.

Поверхность серовато-розовая. Кроме них найден фрагмент грубого лепного котла с примесью шамота и бронзовая монета, относившаяся к серии «нахшебских монет»¹¹.

Керамика третьего пола. Из этого слоя получен комплекс керамики, характерный для последнего этапа городища Еркурган. Среди них один фрагмент яйцевидного хума с орнаментом в виде пальцевых вдавлений. Диаметр венчика 33 см, корчага с Г-образным венчиком, характерная для последнего этапа Еркургана. Найденные здесь кувшины отличались более тонким черепком и лучшим качеством изготовления, на трех из них слегка профилированные венчики в виде двух валиков. На одном фрагменте на донной части кувшина имелось углубление, образовавшееся при вращении круга. Диаметр кувшинов 9 см. Обнаруженные блюда аналогичны блюдам II строительного периода.

В комплексе выявлены чаши (30 экз.), из них семь фрагментов чаш с вертикальным бортиком, в большинстве покрытых коричневатым ангобом. Диаметр венчиков 17—19 см. Встречены чаши вытянутых пропорций (19 экз.) диаметром 14—17 см. Остальные без венчика, покрыты красным ангобом.

Лепная керамика представлена 8 экземплярами: глубокой миской, со слегка расширяющимися кверху стенками с примесью песка в тесте, котлами с примесью шамота (5 экз.), фрагментами грубого дастархана диаметром около 1 м и крупной толстостенной крышкой. Здесь же обнаружена бронзовая монета, видимо нахшебская, плохой сохранности.

Керамический комплекс, полученный из полов II строительного периода цитадели, на основе сравнительного анализа с материалами из здания времени кушан близ Карши¹², среднего слоя Мудинтепа, Негузтепа, Дагайтепа¹³, городища Калаи-Зохаки-Марон¹⁴, на раскопках 5 городища Еркурган¹⁵ можно датировать IV—VI вв. н. э. Однако, учитывая четкость стратиграфии цитадели и исходя из стратиграфии раскопа 5 городища Еркурган¹⁶, керамику первого (нижнего) пола приблизительно можно отнести к IV в. н. э., второго — к IV—V вв. н. э. и третьего — к V—VI вв. н. э.

Таким образом, можно заключить, что сложение цитадели городища Еркурган как мощного, укрепленного ядра античного

¹¹ Кабанов С. К. Нахшебские монеты V—VI вв.—ВДИ, 1973, № 3.

¹² Кабанов С. К. Руины здания времени кушан близ Карши.—ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973, рис. 1, 3, 7, 10, 13.

¹³ Кабанов С. К. Археологические работы 1948 г. в Каршинском оазисе.—ТИИА. Материалы по археологии и этнографии Узбекистана. Т. II. Ташкент, 1950, с. 97—103; Он же. Нахшеб на рубеже древности и средневековья, рис. 13, 25, 27, 28; рис. 18, 2—7; рис. 22.

¹⁴ Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калаи-Зохаки-Марон.—ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979, рис. 2, 13—15.

¹⁵ Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане, с. 223—229.

¹⁶ Там же, комплекс Г, Д, Е.

города происходит в I до н. э. — I в. н. э. Следующий хронологический этап в жизни цитадели, связанный со значительными перестройками, датируется IV в. н. э. Как город цитадель продолжала функционировать вплоть до VI в.

М. Х. ИСАМИДДИНОВ

СТРАТИГРАФИЯ ДРЕВНЕЙШИХ СЛОЕВ ЕРКУРГАНА

В восточной части городища Еркурган параллельно внутренней стене возвышался холм длиной более 600 м, шириной около 200 м. В его рельефе четко прослежены отдельные бугры.

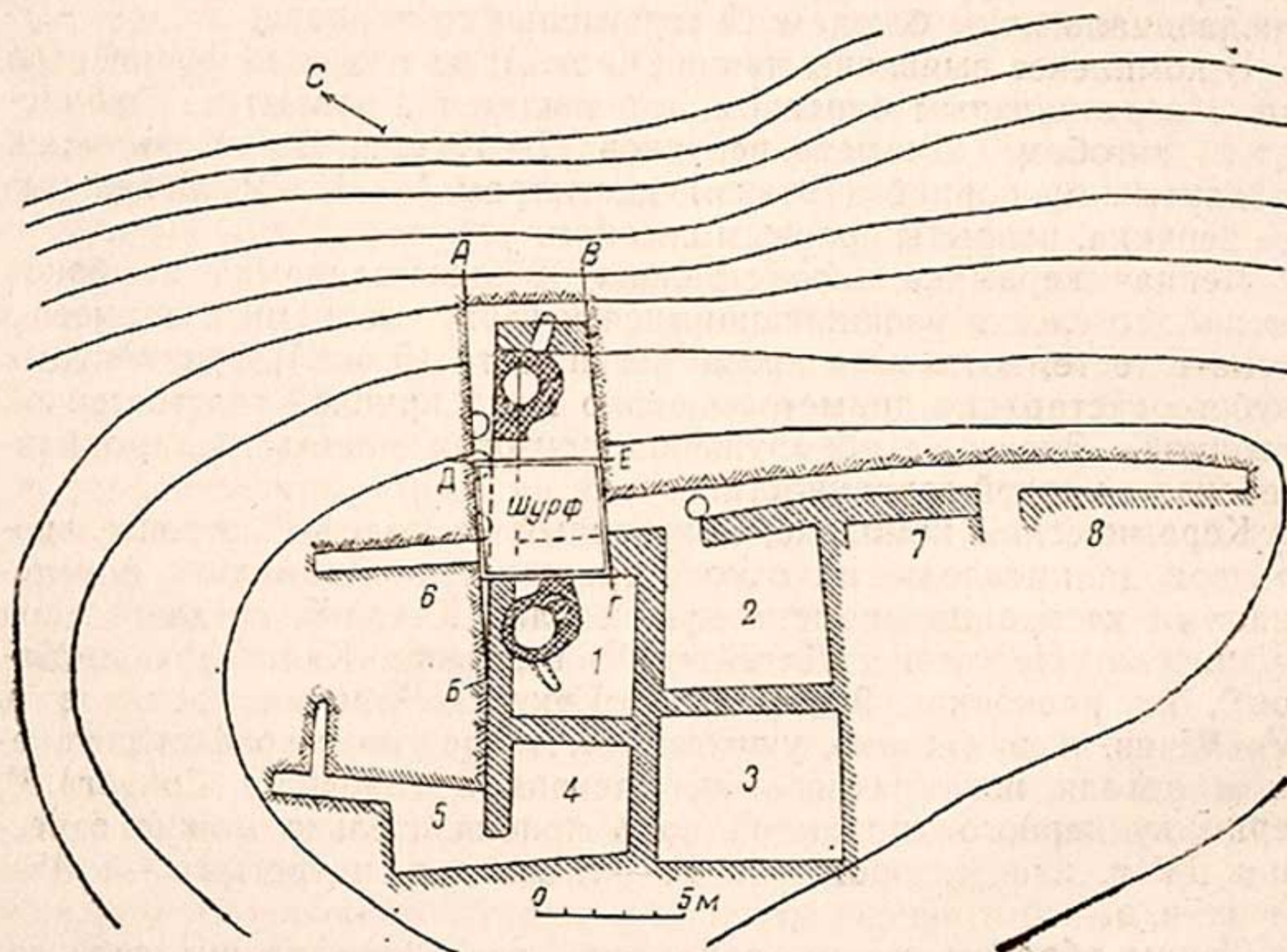

Рис. 1. План раскопа 13;

1-8-номера помещений.

В 1948 г. в южной части этого холма С. К. Кабановым был заложен раскоп и вскрыты хозяйственные помещения с керамической печью. На поверхности холма обнаружено большое количество фрагментов керамики, шлаков, приспособлений для обжига и даже матрицы для изготовления статуэток. Впоследствии раскопочные работы были проведены еще в трех местах этого холма¹.

¹ Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА. 1978, № 3.

Раскопом 13 (рис. 1), заложенным в южной части упомянутого холма, было вскрыто пять помещений (см. рис. 1, 1—5) разной

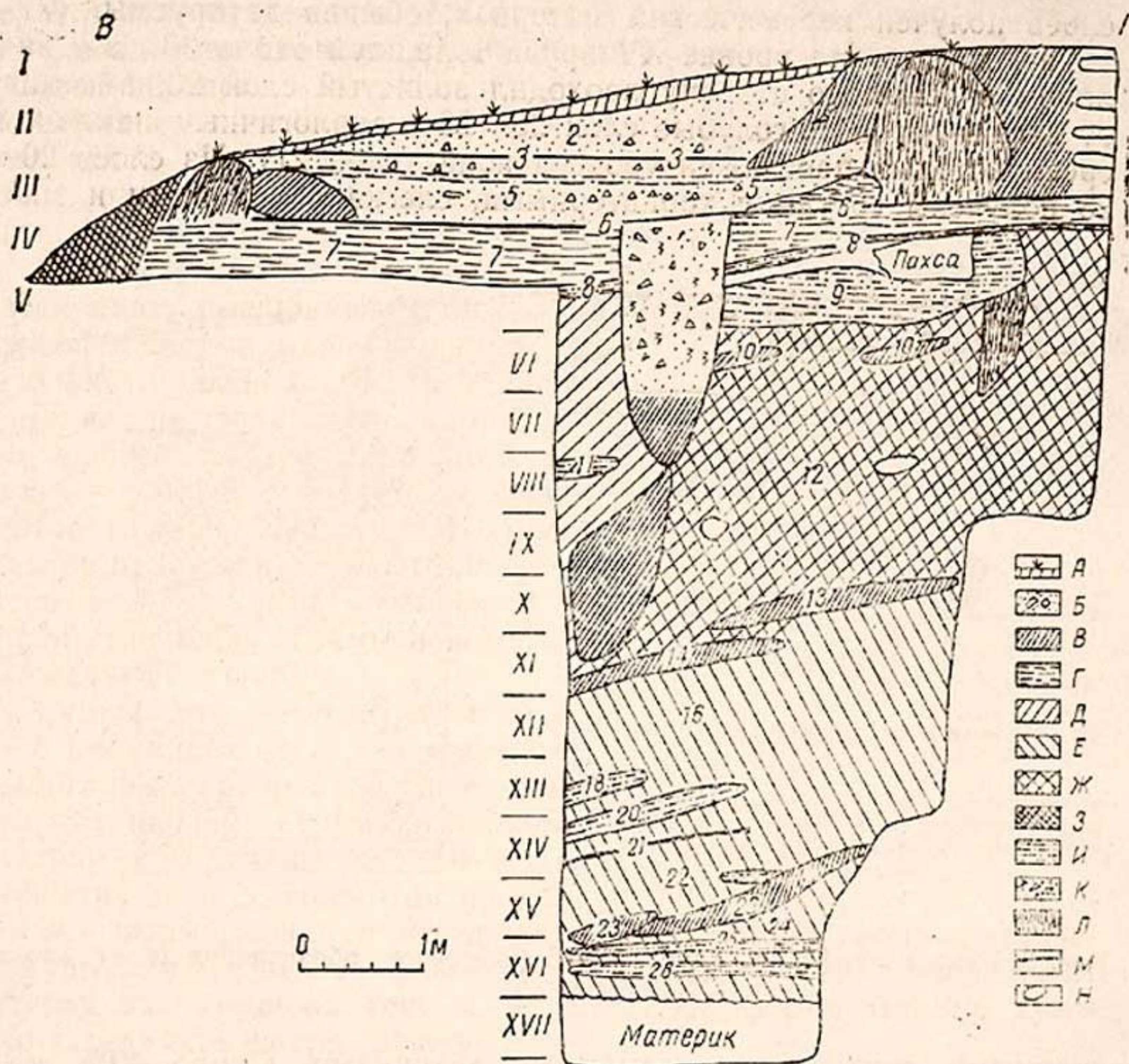

Рис. 2. Разрез шурфа по линии В—Г:

А — дерновый слой; Б — слой с большим количеством керамики; В — илистый слой; Г — утоптанная, слоистая земля; Д — рыхлый, золистый слой, образованный отходами керамического производства; Е — утоптанная земля; Ж — утрамбованная земля; З — обгорелый слой; И — зола; К — мусор; Л — пахсовая стена; М — пол; Н — булыжники; I—XVII — ярусы.

величины, к востоку от которых вырисовывались контуры еще двух помещений.

Под верхним полом помещения найдена двухъярусная печь округлой формы. В шести метрах к северо-востоку стратиграфически ниже от этой печи вскрыта другая печь. Между двумя печами для выявления нижних слоев объекта 13 заложили шурф (рис. 2, 3), доведенный до уровня материка². Опишем слои 18—26, из которых получен древнейший материал.

² В ходе раскопочных работ основное внимание уделялось микростратиграфии, фиксация керамики проводилась отдельно по каждому микрослою.

В южной части шурфа обнаружены серовато-голубые слои (18а, 18б, 18в) с наклоном в северо-восточную сторону (рис. 3), уходящие вниз под золистые слои 17, 18 (см. рис. 2, 3). Из этих слоев получен керамический материал, обычно датируемый VI—IV вв. до н. э. На уровне XV яруса толщиной около 30 см с наклоном в северную сторону проходил золистый слой 20, а к низу от него — серовато-голубые слои 23—26 с аналогичным наклоном, среди которых прослежен уровень пола (слой 21). Из слоев 20—23 получены сосуды с характерными, слегка волнистыми и заос-

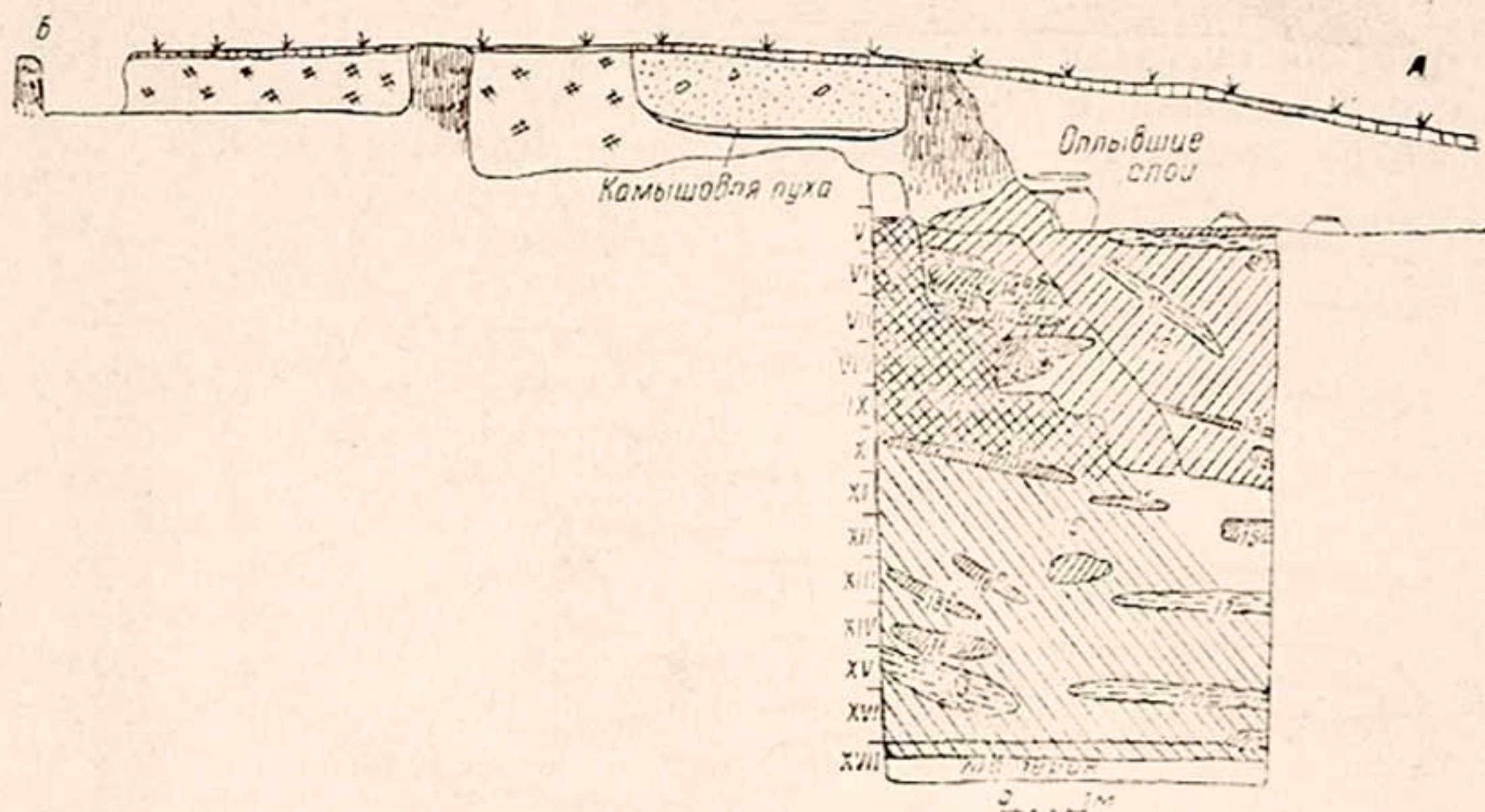

Рис. 3. Разрез шурфа по линии А—Б (условные обозначения те же, что на рис. 2).

тренными, иногда крючковидными венчиками. Около 40% всей керамики составляли лепные сосуды.

На уровне воды и ниже шли золистые слои 24—26, в которых найдено большое количество фрагментов грубой лепной, а также расписной керамики. Характерно отсутствие керамики станковой работы. Ниже на глубине 8,5 м обнаружен материк.

В процессе раскопок в нижних слоях выделилось три последовательных керамических комплекса, которые на других раскопках Еркургана трудно проследить из-за уровня грунтовых вод.

В слоях 24—26 (Еркурган-1) найдены керамические материалы, среди которых отсутствовала керамика гончарного про-

Об этой методике см.: Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3, с. 217—218; Он же. Керамика Южного Согда в эпоху древности и раннем средневековье. Автореферат канд. дисс. Л., 1979, с. 2—5.

изводства, и отдельные фрагменты расписной посуды, фрагмент лепной чаши с вертикальным бортиком (рис. 4, 1), коричневым черепком и примесью мелкого шамота. Ее поверхность светло-серая, местами темноватого оттенка от неравномерного обжига. В большинстве случаев у лепной керамики грубый коричневаторозовый черепок.

Обычная примесь — шамот, изредка встречался мелкотолченый песок. Характерно отсутствие фрагментов станковой керамики, однако, в примеси одного из черепков удалось определить, что шамот изготовлен из станковой керамики.

В нижних слоях 20—23, т. е. золистых и голубовато-серых прослойках, смешанных с мокрой плотной глиной, найден сравнительно чистый, малочисленный, но довольно оригинальный материал. Комплекс не смешанный. Характерная особенность керамики этого периода — большое количество фрагментов лепной керамики и обязательное присутствие мелкотолченого песка и гипса в плотном черепке. Среди станковой керамики встречены следующие формы.

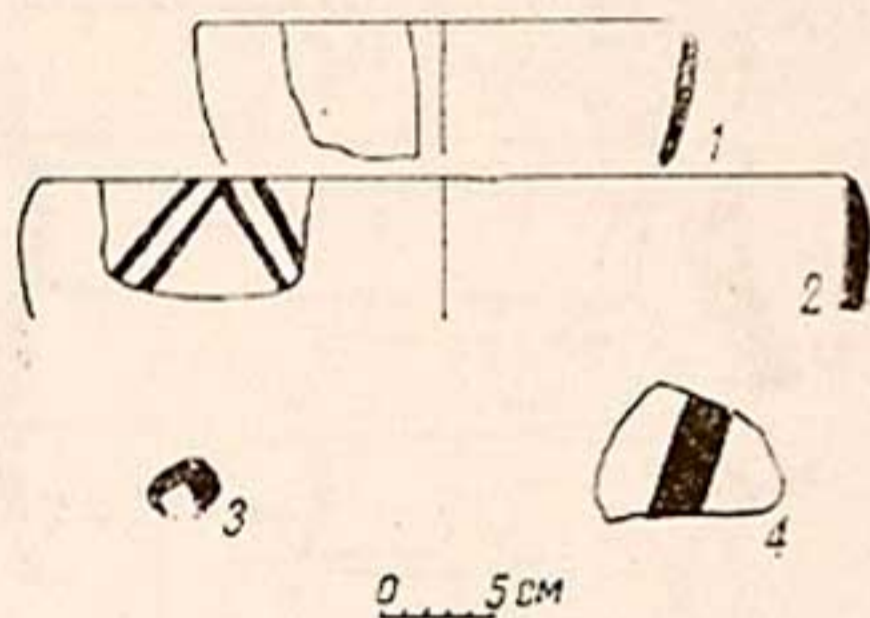

Рис. 4. Керамика из слоев 26—25 раскопа 13:

1 — фрагмент чаши с вертикальным бортиком; 2 — миска с подтреугольным орнаментом; 3, 4 — фрагменты расписной керамики.

Хумы. Это широкогорлые сосуды с цилиндроконическим туловом, аналогичные среднеазиатским формам станковой керамики Согда, Бактрии и Хорезма середины I тысячелетия до н. э. Несмотря на различия в форме, венчики объединены единым признаком: пластической выразительностью, волнистостью, заостренным окончанием наверху или снаружи (рис. 5, 1—5, 7). По форме венчика хумы подразделялись на три группы:

1) широкогорлый хум с крючковидным и выпуклым снаружи венчиком (см. рис. 5, 1). Черепок желтовато-коричневый, плотный, с примесью мелкотолченого гипса и песка. С наружной стороны сосудов покрыт светло-серым ангобом;

2) банкообразный хум с выпуклым снаружи и заостренным к устью венчиком. В отличие от хумов первой группы у него слегка углубленная горловина, отделявшая венчик от плечика. Черепок красный, с примесью мелкотолченого гипса и песка. С наружной стороны сосудов покрыт белым ангобом (см. рис. 5, 3);

3) хум с утолщенным и слегка заостренным венчиком. В отличие от первой и второй групп у него пластически выразительный венчик плавно переходит к относительно широкому плечу. Черепок плотный, с примесью мелкотолченого песка. Сосуд сверху покрыт серовато-белым ангобом (рис. 6, 2).

Хумчи. Почти не отличаясь по форме от хумов, эти сосуды значительно меньше по размеру. Венчик представлен в одном

экземпляре. Встречено три тулова этих сосудов с коническим переходом ко дну (см. рис. 5, 9, 11, 13).

Венчик хумчи по форме изготовления напоминал форму венчика хума третьей группы (см. рис. 5, 4). Наблюдался плавный переход сравнительно узкой шейки к широкому плечу. Черепок плотный, желтого цвета, с примесью мелкого песка и гипса. Снаружи сосуд покрыт белым ангобом. Донца хумчи, как и у станковой керамики дрезнесогдийского периода, черепок плотный, розово-желтый. Отмечался плавный переход цилиндрического

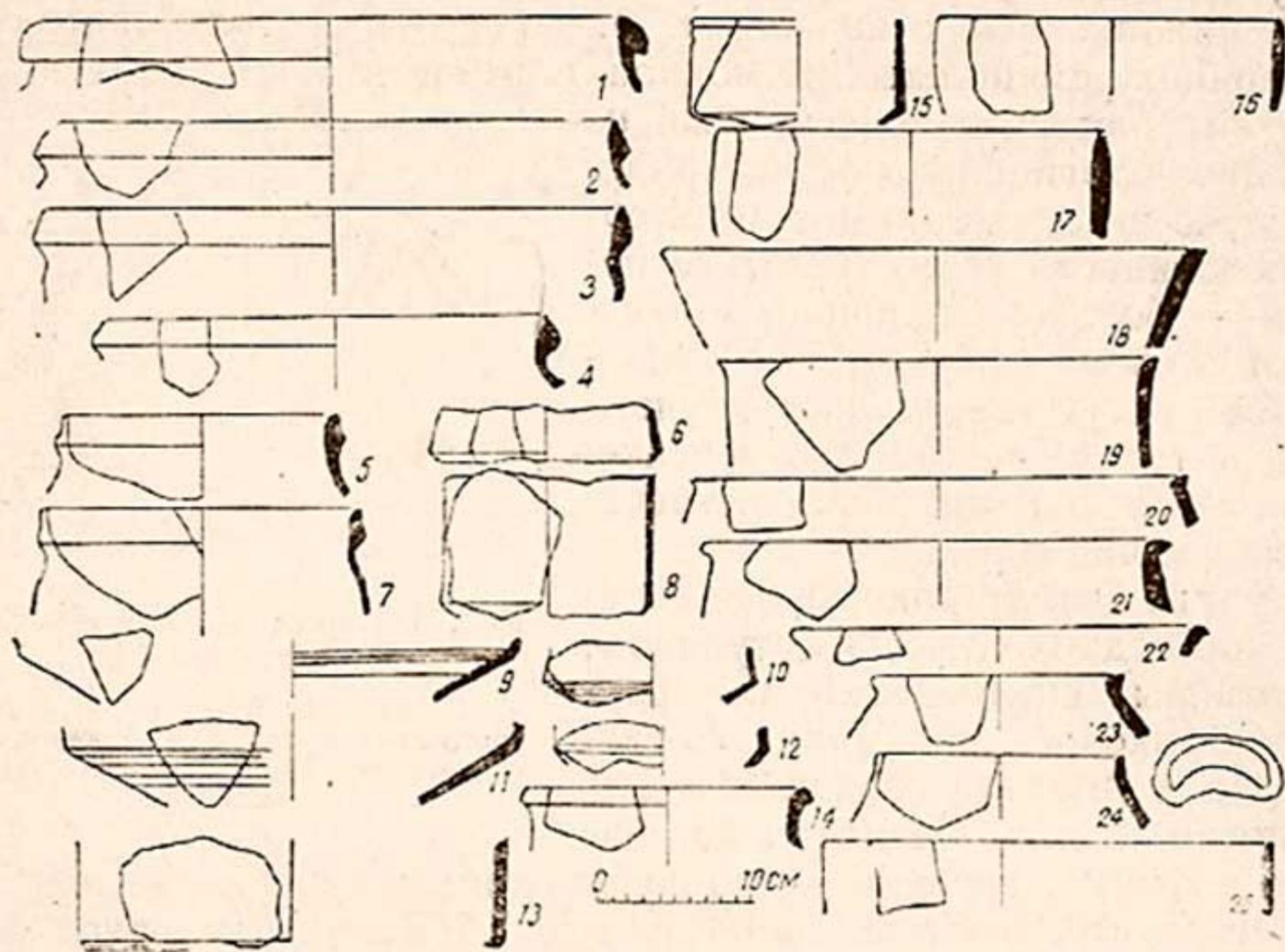

Рис. 5. Керамический комплекс из слоев 23—20 раскопа 13.

тулова в коническое дно. В большинстве случаев нижняя коническая часть обточена, гладкая, розового цвета.

Горшки. Как у хумов и хумчей венчики горшков пластически выразительны. Здесь отчетливо проявляется один и тот же стиль работы, особенно в обработке профиля венчиков. Возможно, как хумчи и хумы, так и горшки изготовлялись в одних мастерских.

Венчик у одного горшка по оформлению напоминает профиль венчика хумов третьей группы. Он сужен к устью, образовав слегка отогнутый край (см. рис. 5, 5). Второй горшок шире, чем первый. В профиле стенка тонкая, слегка волнистая. Венчик сходен с хумом 2-й группы. Он образует волнистый профиль (см. рис. 5, 7). Черепок и его покрытие аналогичны хумам и хумчам. В комплексе обнаружен горшок, отличавшийся очень простым оформлением венчика, переходом вертикального гор-

лышка к профилированному венчику (см. рис. 5, 14). Черепок сосуда плотный, сверху покрытый светлым ангобом.

Цилиндроконические сосуды. В комплексе имелись тулова (5 экз.) цилиндроконических глубоких сосудов, причем диаметр широкой части четырех из них составлял 14 см, а у одного — 15 см. По формам сохранившихся фрагментов их можно подразделить на две группы:

1) изящные со слегка расширяющимся книзу туловом, переходящим резко коленчатым изгибом к коническому дну (см.

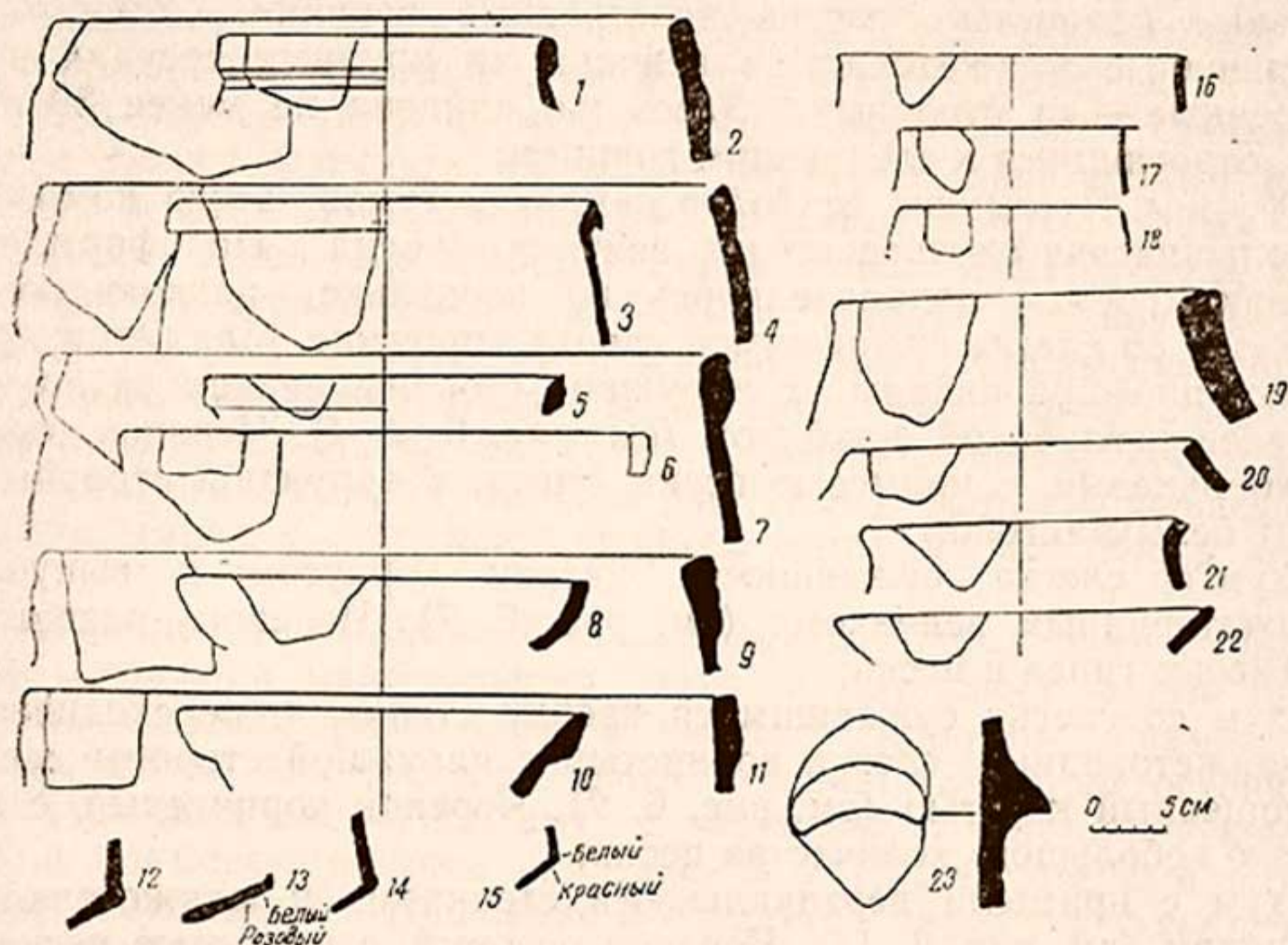

Рис. 6. Керамический комплекс из слоев 18а, 18б, 18в раскопа 13.

рис. 5, 6, 8, 10, 15). В плотном розовом черепке во всех случаях примесь мелкотолченого гипса и песка, сверху покрытых светло-серым или белым ангобом. Гладкая поверхность, особенно ее коническая часть, иногда обточена ножом;

2) сосуды с коленчатым изломом, слегка волнистыми стенками и плавным переходом к конической части (см. рис. 5, 12).

Около половины изделий (13 шт.) выполнены из лепной керамики. Фрагменты керамики — венчики и характерные донца грубые, толстостенные, пористые, с примесью большого количества шамота. Среди фрагментов встречены широкогорлый котел со слегка профилированным венчиком, образующим в устье выступ для крышки (см. рис. 5, 20), толстостенный котел с Г-образным венчиком (см. рис. 5, 21), котел со слегка отогнутым и заостренным наружу венчиком (см. рис. 5, 22), приземистые горшки с выступом для крышки (см. рис. 5, 23) и слегка заостренным к устью

венчиком (см. рис. 5,24), глубокий таз со слегка расширяющимися кверху стенками (см. рис. 5,18), цилиндрические сосуды с высоким вертикальным бортиком (см. рис. 5, 19, 25), миски с вертикальным бортиком (см. рис. 5,17) и более изящная чаша, чем в предыдущем периоде (см. рис. 5, 16).

Интересна керамика из наклонных голубовато-серых слоев 18 а, 18 б, 18 в. В ней сохранена традиционная, широко распространенная баночная форма. Но в отличие от керамики предыдущего периода отсутствовали характерные, пластически выразительные волнистые, слегка заостренные венчики. Вместо них уплощенные манжетовидные венчики на крупных сосудах и заостренные — на столовых. Здесь же найдено не менее 30 сосудов, относящихся к следующим группам:

Хумы. В отличие от более ранних у хумов этого комплекса в большинстве случаев стенка венчика сужена. По оформлению венчика сосуды подразделялись на несколько разновидностей:

хумы со слегка сужавшимся кверху корпусом. Манжетовидный, слегка профилированный с наружной стороны венчик от плечика отделен неглубокой ложбиной (см. рис. 6, 2, 4). Черепок розовато-коричневый, с примесью песка, гипса, с наружной стороны покрыт белым ангобом;

хум со слегка сужавшимся кверху корпусом и выпуклым манжетовидным венчиком (см. рис. 6, 7). Черепок розовый, с примесью гипса и песка;

хум со слегка сужавшимися кверху стенками, переходившими в манжетовидный, слегка волнистый с наружной стороны венчик, уплощенный к устью (см. рис. 6, 9). Черепок коричневый, с примесью небольшого количества песка;

хум с прямыми вертикальными стенками и манжетовидным венчиком (см. рис. 6, 11). Черепок розовый, с примесью песка.

Хумчи. Они подразделены на две разновидности: хумчи с манжетовидным, слегка волнистым с наружной стороны прямым венчиком, плоским устьем, черепком коричневого цвета с примесью песка и гипса и хумчи со слегка вытянутым наружу крюковидным венчиком, плотным черепком с примесью мелкого песка, сверху покрытым светло-серым ангобом (см. рис. 6, 3).

В комплексе обнаружены горшки, один из них с манжетовидным венчиком, напоминавшим венчики крупных сосудов (см. рис. 6, 1), а другой — с заостренным краем венчика и волнистым профилем наружной стороны. По форме горшок напоминал сосуды предыдущего периода (см. рис. 6,5). Имеется фрагмент широкогорлого горшка со слегка профилированным венчиком (рис. 5, 6).

Среди керамики найден фрагмент тулова горшка с коленчатым переходом к конической части. Этот переход с наружной стороны обточен ножом (см. рис. 6,14). Нижняя половина конической части имела розовую поверхность, а верхняя покрыта бе-

лым ангобом, что характерно для ряда донцев горшков и хумчей (см. рис. 6, 12—14).

Блюда представлены двумя экземплярами. Одно довольно толстостенное, приземистое, с радиальным бортиком, завершающимся подтреугольным в сечении мощным венчиком (см. рис. 6, 10). Черепок коричневый, с примесью гипса, песка, с наружной стороны покрыт серовато-белым ангобом. У другого блюда закруглявшийся кверху бортик, в устье площадка с наклоном во внутреннюю сторону образовывала плоскость (см. рис. 6, 8).

В комплексе отмечена только одна миска, форма которой является самой распространенной в керамических комплексах Каршинского оазиса этого времени. Почти вертикальная стенка ее в устье слегка вытянута наружу — получался заостренный край (см. рис. 6, 16). Этот признак был наиболее выразительным для комплекса. Здесь зафиксирована одна чаша. Тонкостенная вертикальная ее стенка имела небольшой наклон во внутреннюю сторону (см. рис. 6, 18). Черепок коричневый, с примесью гипса, поверхность серовато-желтая. Фрагмент кубка, представленный одним экземпляром, по форме несколько напоминал кубки эпохи бронзы юга Узбекистана (см. рис. 6, 17). Черепок розовый, с примесью гипса. С наружной стороны сосуд покрыт белым ангобом.

В отличие от керамического комплекса предыдущего периода лепная керамика малочисленна. Она представлена всего лишь четырьмя экземплярами (общее число фрагментов керамики — 30), причем из них три фрагмента котлов. Это толстостенный котел (толщина стенки 2,5 см) с черепком фиолетово-розового цвета и примесью шамота (см. рис. 6, 19); тонкостенный котел со слегка суженной к горловине и отогнутой наружу в устье стенкой и черепком коричневого цвета с примесью дресвы (см. рис. 6, 21); узкогорлый котел со слегка отогнутыми наружу венчиками (см. рис. 6, 22) и черепком коричневого цвета с примесью дресвы.

В комплексе имелась ручка от котла, оформленная в виде полумесяца, который обращен концами вниз. В отличие от аналогичной ручки котлов предыдущего периода она более грубая и толстостенная (см. рис. 6, 23).

В комплексе найдена тарелка с радиально отходившими стенками. Как и в большинстве сосудов с розовым черепком в смеси имелся шамот.

Таким образом, в стратиграфически закрытом слое был вскрыт небольшой, но чистый керамический комплекс с характерными признаками, четко отличавшими его от более ранней керамики. Стратиграфия Еркургана четко разделяла архаическую и древнесогдийскую керамику. В архаическом периоде в основном господствовала лепная керамика с фрагментами росписи.

На первом этапе древнесогдийского периода преобладали изделия, изготавливаемые одной либо несколькими мастерскими:

цилиндрикониические сосуды с волнистыми заостренными венчиками, четко выступавшими плечиками, сравнительно узким туловом, расширявшимся в конической части сосуда. Встречались сосуды с крючковидными венчиками. Второму этапу древнесогдийской керамики присуще сравнительно большое количество изящных цилиндрикониических сосудов, тонкостенных, стандартных, с диаметром тулова 14—15 см, с черепками, в основном, розового или красного цвета и цилиндрической частью, покрытой белым ангобом. Основное же отличие первого этапа от второго —

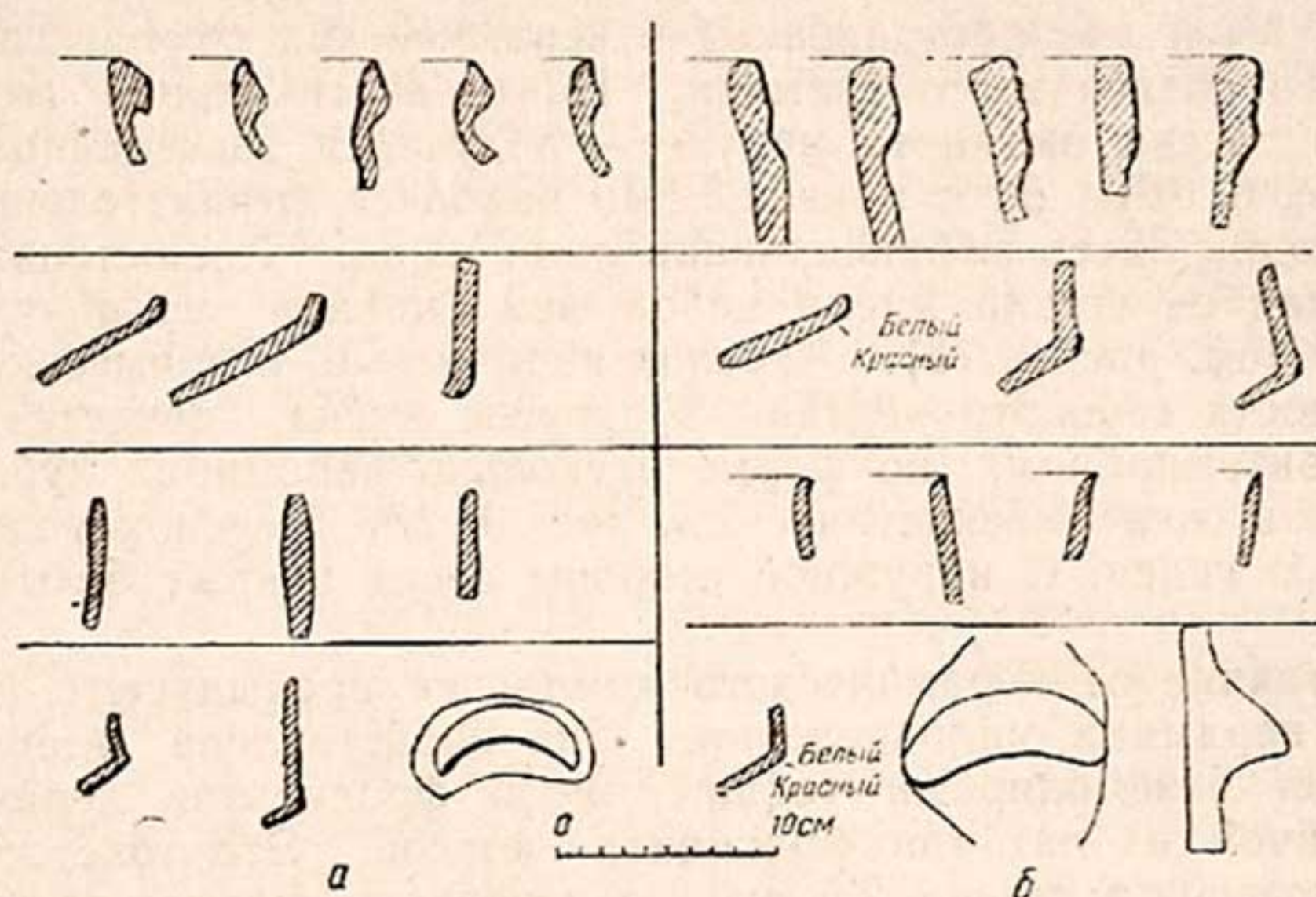

Рис. 7. Сопоставление наиболее характерных признаков керамики Ер-II (а) и Ер-III (б).

наличие большого количества грубой лепной керамики, в основном, котлов, диаметры которых составляли 27—32 см, т. е. они были более широкогорлые, с черепками розового или темно-серого цвета с примесью большого количества шамота. Встречались и глубокие широкогорлые тазы с примитивными вертикальными бортиками, миски с вертикальным профилем. Видимо, для этих сосудов глубокие вертикальные стенки сохранялись с более ранних времен.

На втором этапе в отличие от первого появились толстостенные цилиндрикониические хумы с манжетовидным венчиком (рис. 7). Иногда вертикальные стенки у венчика были сужены, что уменьшало диаметр сосудов. В основном преобладали манжетовидные венчики с волнистым профилем наружной стороны. Места переходов от цилиндрической части к конической с наружной стороны обтачивались. Придонные части горшков и хумчей первого этапа древнесогдийской керамики несли следы обработки на гончарном круге. На втором этапе уже появляются различные донца хумов более округлых форм со следами песчаной

надсыпки. В большинстве случаев коленчатые изломы обтачивались (см. рис. 6, 12—15). Возможно, на этом этапе крупные сосуды изготовлялись по частям на круге. Однако эта техника более поздняя и потому не объясняет происхождения формы цилиндрикоконических сосудов³.

Нам известно, что в первом периоде было лишь несколько изящных цилиндрикоконических сосудов станковой работы, а лепные чаши имели строго вертикальный бортик, скругленный у устья. Резко снизилось изготовление изделий из лепной керамики. Если в архаическом периоде доля лепной керамики составляла 100%, то на первом этапе древнесогдийского периода — около 43%, а на втором — около 11—12%. В более поздние периоды лепным способом изготавливались, в основном, котлы и по традиции еще и глубокие миски с вертикальным бортиком, а также тазы.

Проведем статистическую проверку достоверности различия комплексов I—II этапов древнесогдийского периода, т. е. комплексов Ер-II и Ер-III по раскопу 13:

<i>Керамика</i>	<i>Ер-II</i>	<i>Ер-III</i>	<i>Всего</i>
Станковая	$a=17$	$c=26$	$a+c=43$
Лепная	$b=13$	$a=4$	$b+a=17$
Итого	$a+b=30$	$c+a=30$	$n=60$

Произведем следующие расчеты по формулам Урбаха⁴:

$$\chi^2 = \frac{\left(|ab - bc| - \frac{n}{2} \right)^2 \cdot n}{(a+b)(c+a)(a+c)(b+a)} ;$$

$$\chi^2 = \frac{\left(|17 \cdot 4 - 26 \cdot 13| - \frac{60}{2} \right)^2 \cdot 60}{30 \cdot 30 \cdot 43 \cdot 17} > 5.$$

Таким образом,

$$\chi^2 > 5 > \chi^2_{0.05} = 3.85.$$

Вероятность неслучайного различия более 95%. Важную роль в изготовлении сосудов играл отощитель теста. Древнесогдийская керамика Еркургана и прилегающих к нему районов отличалась от более поздних комплексов наличием в красновато-розовом черепке мелкотолченого песка и гипса. На втором этапе наблюдалось резкое уменьшение количества сосудов с гипсом.

Таким образом, из нижних слоев стратиграфического раскопа 13 было получено три последовательных керамических комплекса с довольно четкими отличиями между собой. Теперь сопоста-

³ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе.— Б сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971, с. 86.

⁴ Урбах В. Ю. Биометрические методы. М., 1964, с. 236.

вим их с аналогичными керамическими комплексами других районов Средней Азии.

Керамика древнесогдийского и более ранних периодов на территории Южного Согда до последнего времени не выявлена. Имеется лишь небольшое сообщение Х. Дуке о нахождении в Чиракчинском поселении на южном берегу Чимкурганского водохранилища Кашкадарьинской области нескольких маленьких ям, содержащих кости животных и лепную керамику. В двух случаях на лепной керамике встречался нарезной орнамент. Найдена и керамика, изготовленная на гончарном круге, аналогичная по фактуре соответствующей посуде комплекса Яз-Депе-1⁵, а также близкие по времени керамические материалы⁶.

В других районах Средней Азии комплексы середины первого тысячелетия до н. э. и более раннего периода известны еще при раскопках американской экспедиции в Южной Туркмении⁷. С того времени в основных крупных районах Средней Азии — Хорезме, Согде, Бактрии, Маргиане найдены слои, синхронные описанным комплексам⁸. Однако эталонным памятником по содержанию материалов середины первого тысячелетия до н. э. более ранней керамики остается Яз-Депе, исследованный В. М. Массоном еще в 1954—1956 гг.⁹ До недавнего времени отсутствовали поселения или городища с многометровыми слоями, которые последовательно повторяли бы все керамические комплексы Яз-Депе. Нами отмечалось, что ниже уровня воды было найдено большое количество лепной посуды, содержащей фрагменты расписной керамики. Этот комплекс входил в культурную общность, охватившую ряд районов Средней Азии в период Яз-1.

Фрагменты расписной керамики наиболее близки самой керамике Яз-1. Как пишет В. М. Массон, «мотивы росписи довольно однообразны и почти целиком сводятся к ряду треугольников, обращенных вершиной вверх»¹⁰. Керамика первого этапа древнесогдийского периода находит широкие аналогии в керамике Яз-11. Описывая керамику Яз-11, В. М. Массон отмечает, что «венчики хумов имели характерный крючкообразный профиль»¹¹.

Керамика второго этапа древнесогдийского периода имела широкие аналогии в комплексе Яз-111.

⁵ Дуке Х. Из археологических открытий 1972 г. — В кн.: Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 2. Л., 1972, с. 55.

⁶ Усманова З. И. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш. — ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1972, с. 52—57.

⁷ Schmidt H. Archaeological Excavations in Anau and oia merv. — In: Pumpelly. Explorations in Turkestan. Vol. I. Wasington, 1908.

⁸ Cattenat A., Cardin I. C. Diffusion comparee de quelques genres de poterie caracteristiques de l'Époque achéménide sur le Plateau granien et en Asie centrale Colloques internation ux du C. R. S. n° 567. Le Plateau granien et l'Asie Centrale des origines a la conquete. Paris, 1976.

⁹ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73. М., 1959.

¹⁰ Там же, с. 36.

¹¹ Там же.

Керамика середины первого тысячелетия до н. э. представлена в Хорезме лучше, чем в других областях. Еще в 1939 г. С. П. Толстовым было открыто городище Кюзелигыр. По найденным бронзовым наконечникам стрел скифского типа его датировали VI—IV вв. до н. э.¹², а в дальнейшем еще более сжато — VI—V вв. до н. э. Согласно М. Г. Воробьевой, «на территории Хорезма керамика, подобная найденной на городище Кюзелигыр, обнаружена во многих районах Правобережья и Левобережья¹³, а на городище Кюзелигыр выявлены два горизонта, несколько различных хронологически и соответствующих двум строительным периодам»¹⁴. В их пределах изменяются размеры кирпичей. Так, если в первом строительном периоде кирпичи были продолговатой формы (52×25(26)×12 см), то во втором — квадратной (40×40×10 см)¹⁵. Признаки различия имеются также в керамике двух горизонтов. В верхнем горизонте в керамике Кюзелигыра появляется ленточная роспись, нанесенная красной краской, новые формы, не встреченные в нижних слоях, красный ангоб. Однако, несмотря на такие различия между слоями, городище в целом датировалось в коротких хронологических рамках — VI—V вв. до н. э.

Дальнейшее развитие керамики середины первого тысячелетия до н. э. прослежено на поселении близ афригидского замка Дингильдже. Здесь получено довольно большое количество керамики, которая, согласно М. Г. Воробьевой, датировалась (по бронзовым наконечникам стрел) не позже середины V в. до н. э.¹⁶

Более поздний памятник середины первого тысячелетия до н. э. в Хорезме — Калалигыр-I. В отличие от керамики близ поселения Дингильдже здесь имелся ряд четких признаков, еще близких к керамике кангюйского периода. Если керамика, полученная близ поселения Дингильдже, датировалась не позднее середины V в. до н. э., то время постройки крепости Калалигыр-I — концом V в., самое позднее — на рубеже V и IV вв. до н. э.¹⁷

Таким образом, для Хорезма последовательные керамические комплексы середины первого тысячелетия до н. э. получены не с одного, а с трех памятников. Сравнение признаков керамики отдельных памятников показало большие различия.

Керамика Хорезма, представленная на памятниках Кюзелигыр, Дингильдже и Калалигыр-I, по форме сосудов синхронна с комплексом второго этапа древнесогдийской керамики. Наибо-

¹² Толстов С. П. Городища с жилыми стенами. — КСИИМК. Вып. XVII. М., 1947; Толстов С. П. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. — ВДИ, 1955, № 3.

¹³ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХАЭЭ. Т. IV. М., 1959, с. 68.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, с. 76.

¹⁷ Толстов С. П. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. — ВДИ, 1955, № 3, с. 198.

лее похожа на этот комплекс керамика нижнего горизонта Кюзелигыра¹⁸. Более поздние комплексы имели локальные признаки.

На территории Бактрии расположено хорошо исследованное поселение Болдай-тепе. Детальное изучение стратиграфии памятника, проведенное в 1962 г. Т. И. Зеймаль, дало возможность выделить два этапа — Нижний Болдай-I (НБ-I) и Нижний Болдай-II (НБ-II), которые датированы V—III вв. до н. э. Однако из-за грунтовых вод здесь еще не вскрыты более ранние слои. Характерно, что в керамике НБ-II фигурировали венчики — «воротнички» у крупных сосудов, а в НБ-I, как и лепная керамика, они встречались реже¹⁹. Керамика Нижнего Болдая обоих комплексов перекликалась со вторым этапом древнесогдийской керамики Еркургана.

Комплекс Бандихантепа-I характеризовался, главным образом, преобладанием лепной керамики и наличием фрагментов с росписью. Возможно, он либо синхронен комплексу I Еркургана, либо старше его.

В отличие от Бандихантепа-I лепная керамика Бандихантепа-II малочисленна (около 20%)²⁰. В Еркургане также наблюдалось уменьшение количества изделий из лепной керамики.

Особенно показательны результаты последних археологических работ на поселении Кучуктепа. В свете этих исследований археологические комплексы, аналогичные нашим, получили более уточненные даты и новую интерпретацию истории их сложения²¹. Дополнительное стратиграфическое изучение поселения Кучуктепа изменило прежнее представление о сложении «ахеменидокого» комплекса и его дате. Исследователи, относя формирование комплекса к эпохе поздней бронзы — культуре древних земледельцев типа Сапалли, назвали его небактрийским и выделили три этапа развития: ранний, развитой и поздний²². Для раннего древнебактрийского периода было характерно появление станковых сосудов с клювовидными венчиками, а также сочетание гончарной и лепной расписной керамики. Сосуды с клювовидными венчиками встречались и на развитом этапе древнебактрийского периода, а на позднем их сменили сосуды с манжетовидными венчиками. На городище Кызылтепа, также как и на Сапаллитепа, в комплексе Кызыл-II встречались гончарные сосу-

¹⁸ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — ТХАЭЭ. Т. IV, с. 71.

¹⁹ Зеймаль Т. И. Древнеземледельческое поселение Болдай-тепе. — В сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971.

²⁰ Ртвеладзе Э. В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана. — В сб.: Бактрийские древности. Л., 1976, с. 97—99.

²¹ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979; Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии. Автореферат канд. дисс., Л., 1978.

²² Аскарлов А. А., Рахманов У., Аминов В. Новые данные о поселении Кучуктепа. — ОНУ, 1978, № 11, с. 55.

ды с клювовидными венчиками, датируемые 700—550 гг. до н. э.²³, и наряду с лепной расписной керамикой обнаружен сосуд станковой работы с росписью²⁴.

Аналогичная картина наблюдалась на территории Еркургана. Здесь уже на раннем этапе древнесогдийского периода появилась керамика, изготовленная на гончарном круге. Причем венчики сосудов были слегка заострены и гофрированы. Среди станковой керамики встречались сосуды с крючковидными венчиками. Вместе с тем и сохранялась лепная керамика (около 40%), столь характерная для более раннего периода. Мы провели типологическое сопоставление керамических комплексов Еркурган-II и поселения Лолазор, в результате чего была выявлена их синхронность. Если учесть, что комплекс Афрасиаб-I датирован VI—IV вв. до н. э., то в сравнении с ним становится очевидным более ранний возраст керамического комплекса поселения Лолазор, возможно, VII—VI вв. до н. э.

В свою очередь, Еркурган-II синхронен раннему и развитому этапу древнебактрийского периода Кучуктепа. На раннем этапе древнебактрийского периода встречались еще фрагменты расписных сосудов. Это еще раз убеждает нас в ранней датировке данного комплекса. Стратиграфические наблюдения на Кучуктепа²⁵ и Кызылтепа²⁶ позволили отнести время появления сосудов с крючковидными венчиками к VIII в. до н. э.

Таким образом, сопоставив керамику Еркурган-II с комплексами вышеотмеченных памятников, мы пришли к выводу, что ранний этап древнесогдийского периода можно датировать VII в. и не позднее первой половины VI в. до н. э. Комплекс Еркурган-III синхронен комплексам Кучуктепа-IV, Кызылтепа-III в Северной Бактрии, Афрасиаб-I в Самарканде, Яз-III в Маргиане и Кюзелигыр, Калалигыр и Дингильдже в Хорезме и их возраст определяется VI—IV вв. до н. э.²⁷ Почти на всех этих памятниках наблюдалось увеличение числа сосудов с манжетовидными венчиками, как во втором комплексе древнесогдийской керамики Еркургана.

За пределами Советского Союза керамический комплекс с цилиндрическими формами представлен в Балхе²⁸. Он синхронен второму и третьему комплексам Еркургана. Керамика середины

---

²³ Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии, с. 13.

²⁴ Там же, с. 14.

²⁵ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа, с. 67.

²⁶ Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии, с. 13.

²⁷ Толстов С. П. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г.—ВДИ, 1955, № 3, с. 198; Тереножкин А. И. Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда.—ВДИ, 1947, № 4, с. 127; Он же. Согд и Чач.—КСИИМК. Вып. XXXIII. М., 1950, с. 155.

²⁸ Schlumberger D. Ja prospection archeologique de Bactres. «Syria», t. 26, pt. 3. Paris, 1949, с. 180, 181, рис. 6.

первого тысячелетия до н. э., в основном, датирована найденными в комплексах бронзовыми наконечниками стрел. Как полагает И. Н. Медведская, трехгранные и трехлопастные наконечники стрел скифского типа из комплекса Кюзелигыра следует датировать VI в. до н. э., а наконечники стрел поселения Дингильдже — V в. до н. э.²⁹

Если учесть, что стратиграфия поселения Кучуктепа в основном совпадает со стратиграфией Еркургана, то цилиндрикоконические сосуды с манжетовидным венчиком можно датировать не раньше VI в. до н. э. Это совпадает с датировкой, предложенной И. Н. Медведской для Хорезма.

Итак, грань датировки между последними двумя комплексами Еркургана-II и III—VI в. до н. э. Детальный анализ строго стратифицированных археологических материалов из раскопок городища Еркурган позволил сделать некоторые выводы относительно древней истории и культуры Южного Согда.

Судя по лепной расписной керамике, найденной в нижних слоях раскопа 13, территория внутреннего городища была освоена в эпоху поздней бронзы. Керамический комплекс, добытый из нижнего слоя Еркургана, находит близкие аналогии с керамикой ряда памятников лепной расписной керамики эпохи поздней бронзы, которые большинством исследователей датируются концом II — началом I тыс. до н. э.³⁰ Но такая датировка не может быть применена к нижнему культурному слою городища Еркурган, так как он перекрывался мощным слоем, содержащим высококачественную гончарную керамику, датируемую второй половиной VIII и VII вв. до н. э.³¹

На городище Афрасиаб тоже под стеной периода Афрасиаб-I были найдены фрагменты лепной керамики с подобной росписью³². На Кучуктепа лепная расписная керамика в основном встречалась в слое четвертого строительного горизонта — периода Кучук-2, который отнесен к переходному этапу — от поздней бронзы к раннему железу³³. Аналогичные слои были обнаружены на туябугузских поселениях бургулюкской культуры, датируемые X. Дуке IX—VII вв. до н. э.³⁴

---

²⁹ Медведская И. Н. Некоторые вопросы хронологии бронзовых наконечников стрел Средней Азии и Казахстана. — СА, 1972, № 3, с. 89.

³⁰ Аскарлов А. А., Рахманов У., Аминов В. Новые данные о поселении Кучуктепа, с. 55; Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии, с. 13.

³¹ Там же.

³² Туребеков М. Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на западном фесе Афрасиаба. — В сб.: Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1979, с. 70.

³³ Аскарлов А. А., Рахманов У., Аминов В. Новые данные о поселении Кучуктепа, с. 25.

³⁴ Дуке Х. Раскопки памятников бургулюкской культуры в 1975 г. — ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 54.

Приведенные аналогии и четкая стратиграфия Еркургана, свидетельствующие о последовательной смене древних культур, говорят о возможности синхронизации керамического комплекса нижнего слоя Еркургана только с керамикой верхнего горизонта поселений Чуста и Дальверзинтепа Ферганской долины, Кучук-2, верхнего слоя поселения Бандихан-1, нижнего слоя поселения Кызылтепа и Миршади Сурхандарьинской области, верхнего слоя поселения Саразм и нижнего слоя городища Афрасиаб (керамика до Афрасиаб-1) Заравшанской долины и туябугузских поселений бургулюкской культуры древнеташкентского оазиса. Соответствующие археологические комплексы этих памятников лепной расписной керамики можно датировать не раньше IX и не позднее VI вв. до н. э., точнее VIII—VII вв. до н. э., что определяет и дату нижнего культурного слоя городища Еркурган. Архаичная по облику, эта культура в первой четверти I тыс. до н. э. охватывает большой ареал.

Ныне можно наметить более десяти географических очагов культуры поздней расписной керамики на территории Средней Азии³⁵. Обладая рядом локальных специфических особенностей, они вместе с тем имеют немало общих сходных черт в развитии как хозяйства, так и культуры.

Археологический комплекс архаического периода городища Еркурган представляет ранний этап его заселения и является культурой скотоводческих племен Каршинского оазиса, формировавших под влиянием более развитых общин юга культуру мелкооазисного земледельческо-скотоводческого хозяйства.

Последующий комплекс относится к древнесогдийскому периоду. Он найден в слое толщиной 2,5 м, который стратиграфически подразделяется на два горизонта — нижний и верхний. Первый толщиной около 1,5 м дает четкий археологический комплекс, отличный от комплекса второго: около 40% лепных и более 60% гончарных сосудов. Причем лепная керамика была характерна для архаического периода. Станковая керамика представлена сосудами с крючкообразным венчиком, аналогичными раннему этапу древнебактрийского периода³⁶, комплексу Кызыл-II Северной Бактрии³⁷, Яз-II Маргианы³⁸ и поселению Лолазор.

В верхнем горизонте мощность керамического комплекса составила более 1 м. Отмечено резкое увеличение сосудов с манжетовидным венчиком и уменьшение доли лепной керамики

³⁵ Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореферат докт. дисс. М., 1978, с. 44.

³⁶ Аскарлов А. А., Рахманов У., Аминов В. Новые данные о поселении Кучуктепа, с. 55.

³⁷ Сагдуллаев А. С. Древнеземледельческая культура Северной Бактрии, с. 12.

³⁸ Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73, с. 39.

(11—12%), столь характерной для более ранних этапов функционирования городища.

На территории Бухары и Хорезма в настоящее время отсутствует керамический комплекс, который можно было бы синхронизировать с комплексом Ер-II. Материал памятников Бухары свидетельствует о культурной связи с памятниками Хорезма, керамика которого более сходна с согдийской, чем с керамикой южных областей.

Фиксация комплексов раннегородской цивилизации с одинаковой материальной культурой VIII—VII вв. до н. э. и VII—первой половины VI вв. до н. э. на территории Бактрии и Согда свидетельствует о существовании здесь древнебактрийской культуры еще до их вхождения в ахеменидскую империю. В исторической науке встречается высказывание, основанное на сведениях письменных источников, о существовании древнебактрийского государства³⁹. Предположение А. М. Беленицкого о вхождении Согда в это объединение теперь получило подтверждение и в археологическом материале. Скорее всего в VII и первой половине VI вв. до н. э. в это царство входили Бактрия с Маргианой, Кашкадарьинский и Самаркандский Согд, а территории Бухары и Хорезма, возможно, еще не входили в это культурное объединение до распространения власти Ахеменидов, поскольку выявленная там аналогичная керамика не старше VI—V вв. до н. э. Отсюда вытекает вывод, что распространение на обширной территории цилиндрических форм керамики не было связано с завоеваниями Ахеменидов в Средней Азии.

Как следует из стратиграфии древнейших слоев Еркургана, сложение комплекса цилиндрической керамики здесь происходит одновременно с Южной Туркменией и Бактрией. Имеются и иные точки зрения. Так, Э. В. Сайко, изучавшая гончарное производство Средней Азии, связывает распространение керамики баночных форм в середине I тысячелетия до н. э. с использованием однотипных гончарных станков⁴⁰. Детальное сопоставление керамики комплекса Еркурган-II и поселения Лолазор показывает, что повторение форм керамики и мелких деталей, таких как венчики и профили сосудов, вероятнее всего, объясняется социально-экономической и культурной общностью, тесными связями, вплоть до свободного передвижения мастеров-керамистов, роль которых резко возросла с усложнением структуры общества.

Для всего древнесогдийского периода (Ер-II и III) характерно единство (до деталей) эволюции круговой керамики на террито-

³⁹ Дьяконов И. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — СА. Т. XIX; Он же. История Индии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1956; Толстов С. П. Основные вопросы древней истории Средней Азии. — ВДИ, 1938, № 1; Массон В. М. Древнеземледельческая культура Маргианы. — МИА. Вып. 73.

⁴⁰ Сайко Э. В. К истории гончарного круга и развития форм керамики. Душанбе, 1971.

рии всей Средней Азии, кроме Ферганы и Чача. Границы новой общности, связанной с городской гончарной керамикой, не совпадают с границами общности лепной керамики, включая Чач и, возможно, Фергану, но не Хорезм. До VI в. старая общность в лепной керамике еще сохраняется, но большинство сосудов делаются уже на гончарном круге. Какая причина определила такую перемену границ керамической провинции? Необязательно видеть здесь массовое переселение народов, поскольку лепная керамика изменялась мало, а гончарная керамика была продукцией сравнительно немногих гончаров-профессионалов. Расселение этих мастеров в новых предгородских и городских центрах, скорее всего, ограничивалось какими-то другими причинами. Территория их распространения совпадала с позднейшей границей ахеменидских владений в Средней Азии — границей политической, а не этнической. Возможно, что уже в VII—V вв. пределы распространения гончарного ремесла определялись безопасностью передвижения мастеров в рамках единого политического объединения, которое включало разные народы (согдийцев, бактрийцев и т. д.).

Итак, на территории Бактрии, Маргианы, Южного и Центрального Согда в VIII—VI вв. до н. э. существовало мощное, централизованное объединение со столицей, видимо, на Кызылтепа или Алтынтепа.

С комплексом Ер-III связана уже вся зона Средней Азии, где распространены цилиндрикоконические сосуды. В это время уже не ограничивается северная граница распространения цилиндрикоконических сосудов Кашкадарьинским и Самаркандским Согдом, сюда включаются Бухарский Согд и Хорезм.

Ахеменидское завоевание Средней Азии и создание мощного государства дало новый импульс для широкого распространения культуры древневосточной традиции и массового выпуска станковой керамической продукции. В территорию этого государства входил, в основном, бассейн Амударьи, а в бассейне Сырдарьи мы наблюдаем другую традицию развития культуры, основанную на несколько архаической традиции племен в изготовлении лепной керамики. Эта традиция существовала и в Согде вплоть до VII в. до н. э., но позднее потеряла свое значение.

Как показывают и материалы других раскопочных работ на городище, Еркурган, возникнув как крупное древнеземледельческое поселение в VIII—VII вв. до н. э., переживало резкий подъем в VI—V вв. до н. э. В этот период оно обносится стеной в виде асимметричного четырехугольника с изломом на восточном фасае, ограждавшей площадь около 40 га. О существовании более древней стены нам не известно, но не исключена возможность, что была и более ранняя стена периода Ер-I.

ОБРАЗ БОГИНИ АНАХИТЫ В КОРОПЛАСТИКЕ СОГДА

Изучение коропластики Согда периода античности выявило определенные иконографические особенности, отличающие терракоты этого региона от других культурно-исторических областей. В частности, отмечаются локальные особенности передачи образа богини плодородия Анахиты и присущие ей атрибуты: плоды граната, ветви растений и цветы¹.

Статуэтка Анахиты.

В этой связи представляет интерес терракотовая статуэтка богини с венком, найденная в Самарканде (рисунок)². Изображение фронтальное. Оттиск выполнен в открытой форме глубиной 2 см. Тыльная сторона подрезана ножом, местами сохранился красно-коричневый плотный ангоб, покрывающий обе стороны терракоты. Высота статуэтки 9,5 см, ширина в верхней части 4, в нижней — 3 см. Черепок оранжевый, тесто слабо отмученное. Голова утрачена. Массивная шея украшена гривной, состоящей из круглого центрального и двух вытянутых миндалевидных углублений по сторонам. В правой руке, поднятой к груди, — венок, перевитый широкой лентой. От венка спускается шнур, с широко раздвоенного конца которого свисали два миниатюрных предмета желудевидной формы. В левой руке, зажатой в кулак, на тонкой ручке неясный округлый предмет с трехзубчатым навершием, разделенный на три части двумя линиями по косой. На запястьях — валикообразные выступы, возможно, браслеты или манжеты платья.

ные выступы, возможно, браслеты или манжеты платья.

¹ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962, с. 52.

² Терракота приобретена в г. Самарканде у коллекционера-любителя Н. Крюкова. Судя по остальным предметам в его коллекции, представленным керамикой афраснабского типа, можно предположить ее местное (афраснабское) происхождение.

Одежда проста: платье из тонкой ткани облегает прямые сомкнутые ноги, тонкость ткани подчеркнута мелкими складками. На плечи наброшена накидка, орнаментированная зубчатой каймой, с вертикальными складками по бокам, переданными в плоском рельефе. Нижняя часть, нечетко выдавленная при формовке, повреждена, что затрудняет прочтение деталей, но, видимо, платье едва спускалось ниже накидки, открывая выдвинутые вперед ступни.

Скульптура передает хорошо известный образ женского божества, выработанный в искусстве коропластики Согда эллинистического периода (II в. до н. э. — IV в. н. э.) со всеми характерными иконографическими признаками: прямое длинное платье, накидка с вертикальными складками, наличие атрибутов³. Положение поднятых к груди рук с атрибутами сближает ее с известными терракотами из Самаркандского музея, где богиня изображена с трилистником⁴, и аналогичной терракотой Ташкентского музея⁵, у которой в правой приподнятой руке — трилистник, а в левой (также приподнятой) — плод граната. Стилистическая трактовка образа богини на скульптуре из Ташкентского музея — фронтальность позы, положение рук, сходство одежды — очень близка рассматриваемой терракоте, что указывает, хотя и косвенно, на ее местное происхождение.

По иконографическим особенностям терракота имеет широкий хронологический диапазон — II в. до н. э. — IV в. н. э., но плотный красно-коричневый ангоб позволяет предположительно датировать ее периодом не позднее рубежа нашей эры.

Изучение образа богини плодородия в коропластическом искусстве позволило исследователям выделить ряд атрибутов, являющихся постоянными ее спутниками, — это ветви (злаки), плоды⁶, трилистник, сосуд⁷, зеркало⁸, рог изобилия⁹. На нашей терракоте четкие косые линии на поверхности предмета в левой руке божества не позволяют отнести его к плодам, а объемность предмета не дает возможности интерпретировать его как зеркало. Поскольку венок в правой руке богини символизирует, несомненно, инвестиру, то, возможно, и рассматриваемый предмет связан с инсигниями — знаками высшей власти. Венок является редким элементом для терракот, изображающих женское божество.

³ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея, с. 23.

⁴ Там же, с. 63, табл. V, 44, 45.

⁵ Забелина Ф. А. Богиня плодородия в коропластике Афрасиаба кушанского времени. — ИМКУ. Вып. 1. Ташкент, 1959, с. 38, рис. 9.

⁶ Там же.

⁷ Мешкерис В. А. Терракоты Самаркандского музея, с. 63, табл. IV, 42.

⁸ Ремпель Л. И. Новые материалы к изучению древней культуры Южной Туркмении. — Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1953, с. 177, рис. 8.

⁹ Мешкерис В. А. Коропластика Согда. Душанбе, 1977, с. 39.

Две аналогичные статуэтки — одна из Зартепа¹⁰, другая из Старого Термеза¹¹ — передают образ богини Анахиты с инвенститурным кольцом. В обоих случаях правая рука поднята к груди, придерживая воротник, в опущенной левой — кольцо, платье ниспадает складками. Обе терракоты не датированы, так как обнаружены в подъемном материале. По иконографическим особенностям (мантия, инвенститурное кольцо) терракота из Термеза отнесена исследователями к специфически тохаристанским¹². По всей вероятности, подобный вывод несколько категоричен, и, хотя, иконографический образ редок, но, видимо, он не был чужд и коропластике Согда.

Венок в качестве инвенститурны известен на перстне ахеменидского времени из Амударьинского клада, где у восседающей на престоле богини в левой руке венок, а в правой — цветок. На печатях греко-персидского стиля прослежены сюжеты, отражающие сцены божественного венчания¹³. С этого времени венок входит в состав атрибутов Анахиты, что должно было символизировать инвеститурные функции богини, засвидетельствованные Зенд Лвестой в Ардвисур Яште¹⁴.

В период эллинизма венок, не теряя функции инвеститурны, встречается на разных печатях из Нисы. Им наделена богиня Ника-Тихи, венчающая победоносного властелина¹⁵. На монетах кушан отражены местные божества: Хванида — на монетах Хувишки, Ордохшо — на монетах Васудевы, в руках которых венок с развевающимися лентами¹⁶.

Образ Анахиты, дарительницы власти, продолжает существовать в эллинистический период, что отразилось в искусстве мелкой пластики Согда и Бактрии, о чем наглядно свидетельствуют вышеописанные терракоты. В дальнейшем тема широко используется в скальных рельефах Сасанидского Ирана, где наряду с Ахура Маздой Анахита изображена венчающей правителя на власть¹⁷.

Таким образом, иконографические особенности небольшой группы выявленных терракот могут служить существенным дополнением к образу Анахиты, широко известному в коропластике Средней Азии.

¹⁰ Альбаум Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960, с. 28.

¹¹ Массон М. Е. Городища Старого Термеза и их изучение. — ТАКЭ. Серия 1. История, археология. Вып. 2. Ташкент, 1941, с. 77.

¹² Мешкерис В. А. Коропластика Согда, с. 39.

¹³ Кузьмина Е. Е. О двух перстнях Амударьинского клада с изображением цариц. — СА. 1979, № 1, с. 36—37, рис. 1, 1, 9, 10.

¹⁴ БВЛ. Серия первая. Поэзия и проза Древнего Востока. М., 1973, с. 510.

¹⁵ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы. — ВДИ, 1954, № 4, с. 136.

¹⁶ Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979, с. 154, рис. 172; с. 159, рис. 177.

¹⁷ Луконин В. Г. Искусство Древнего Ирана. Л., 1977, с. 141.

КЕРАМИКА НИЖНИХ СЛОЕВ БУХАРЫ

(Опыт предварительной периодизации)

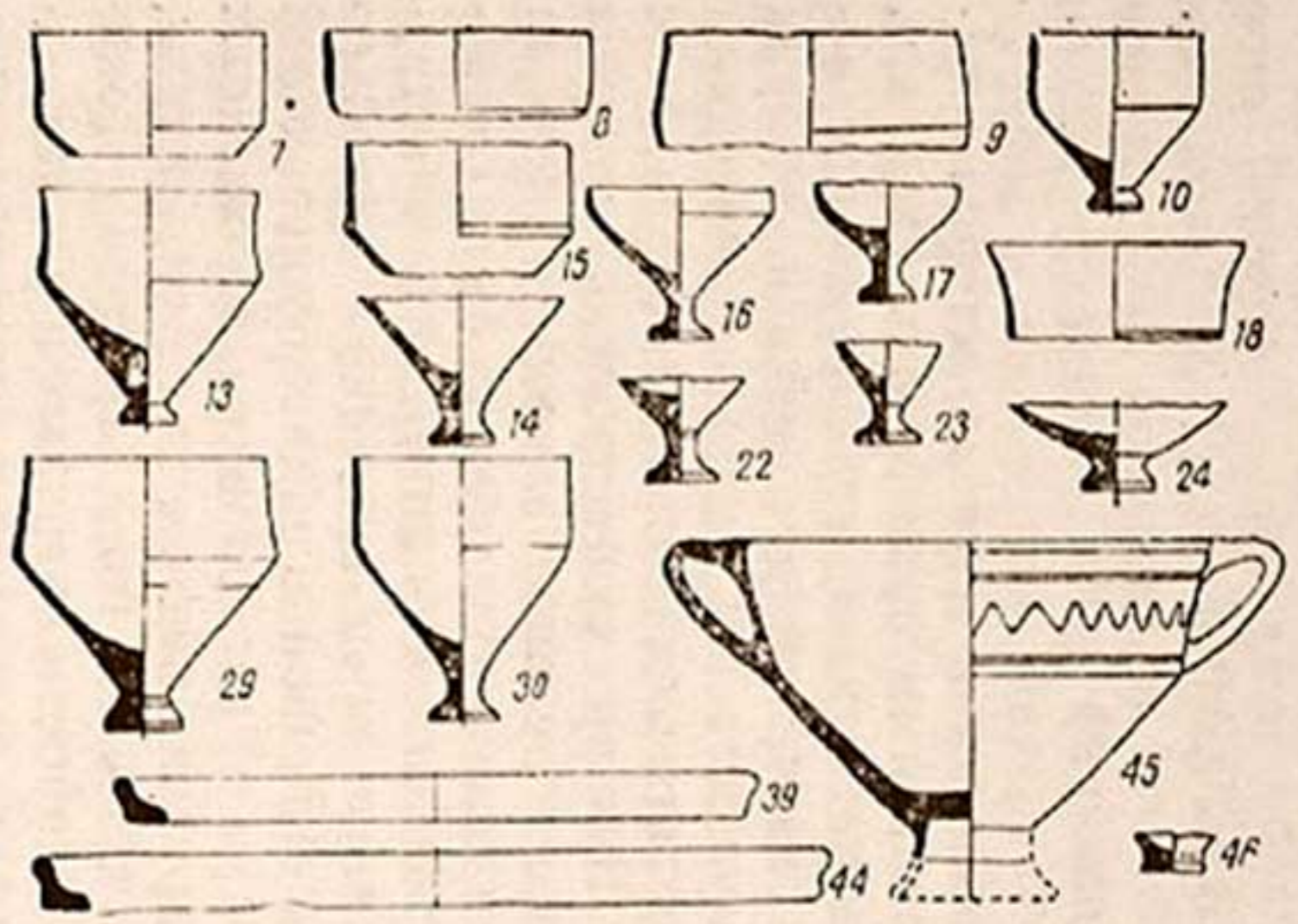
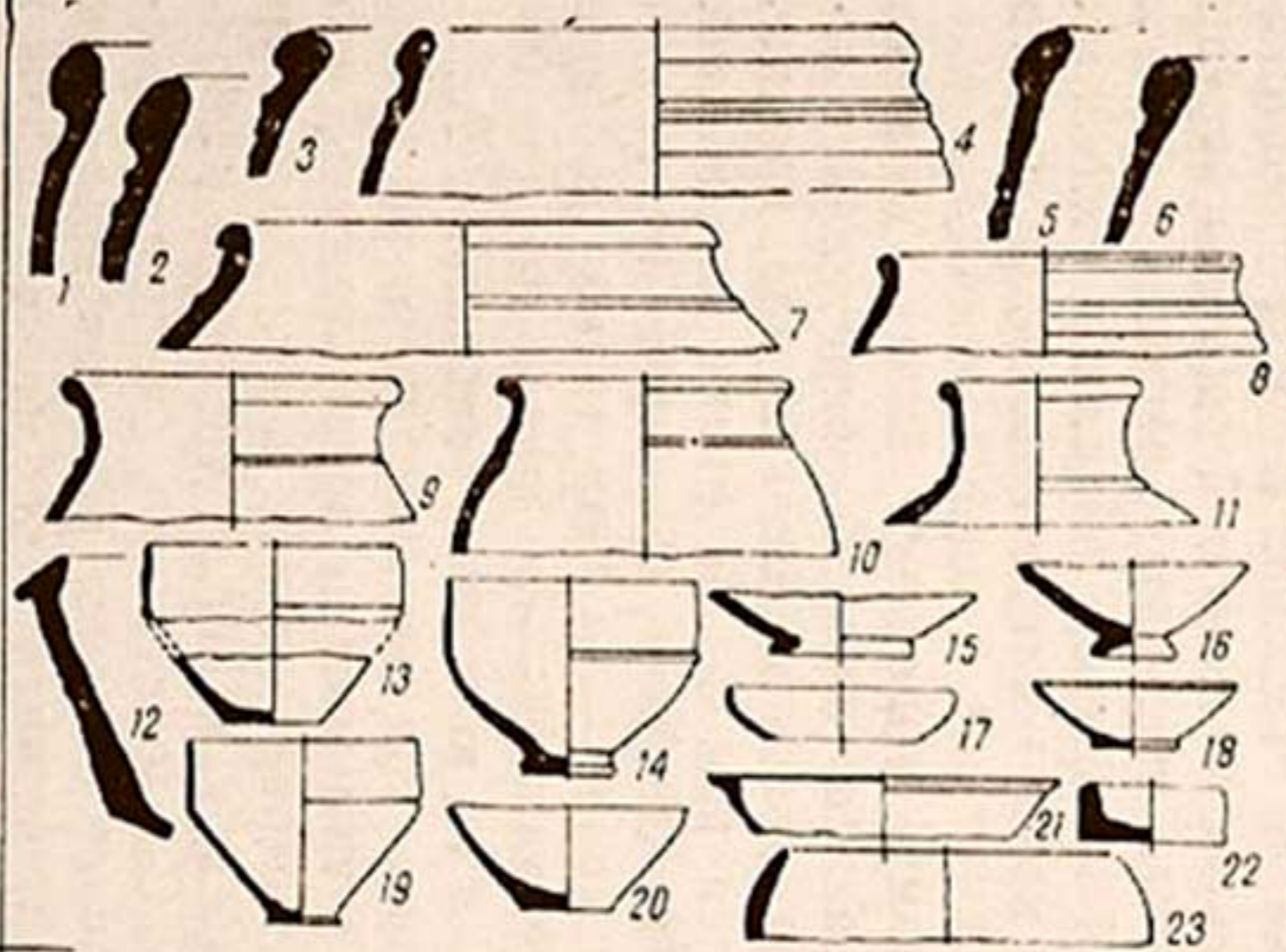
К настоящему времени достаточно полно изучена история средневековой Бухары. Что касается ранней истории города, сведения, касающиеся этого периода, почерпнутые из дошедших до нас источников, крайне скудны, и при изучении древнейшей истории города мы располагаем, преимущественно, археологическими материалами. Как показали археологические исследования, уже в античное время на территории Бухары существовало крупное поселение. Хотя отсутствуют данные о первоначальной территории города, его плане, фортификации, названии, не может быть сомнений в том, что поселение было городским. Об этом свидетельствуют следующие факты: обширный, превышающий несколько десятков гектаров ареал залегания античной и раннесредневековой керамики, что подтверждают находки из раскопов, расположенных вблизи таких отдаленных друг от друга объектов, как Арк, Зиндан, медресе Мир-и-Араб, торговые купола Токи-Заргарон, Токи-Тельпак-Фурушон и др.; большая мощность античных и раннесредневековых культурных слоев (иногда каждый из них превышает 2 м) и обилие высококачественной станковой посуды, среди которой встречаются и уникальные образцы; частые находки терракотовых статуэток, изделий из кости, обломков жженных кирпичей, керамического брака и криц — свидетельство развитого ремесленного производства.

Вполне вероятно, что это древнее городище было одним из крупнейших центров Бухарского оазиса, который представляет огромный интерес в историко-археологическом аспекте, ибо, являясь западной частью Согда, находился как бы на стыке важнейших историко-культурных областей Средней Азии. С севера Бухарский оазис граничил с Хорезмом, с запада — с Маргианой, на юге к нему примыкала долина р. Кашкадарьи — не менее интересная и также малоизученная область Согда, которая граничила с Тохаристаном и, несомненно, находилась под воздействием развитой бактрийской культуры. В связи с этим можно предположить, что Бухарский оазис испытал самое непосредственное влияние культур соседних регионов, что именно здесь, как нигде, теснейшим образом произошло их переплетение. Следовательно, раннюю материальную культуру Бухарского оазиса следует рассматривать как продукт этого синтеза, который проявился в керамике древнего городища на территории Бухары.

На стратиграфическом раскопе близ медресе Мир-и-Араб под раннесредневековой крепостной стеной шахристана Бухары удалось выявить пять основных культурных слоев, наиболее древний из которых датируется не ранее II в. до н. э. На шурфе у купола

28 50 - II
36 50 100

Бухара-I

0 10 20 cm

II 50
90 100

Бухара-II

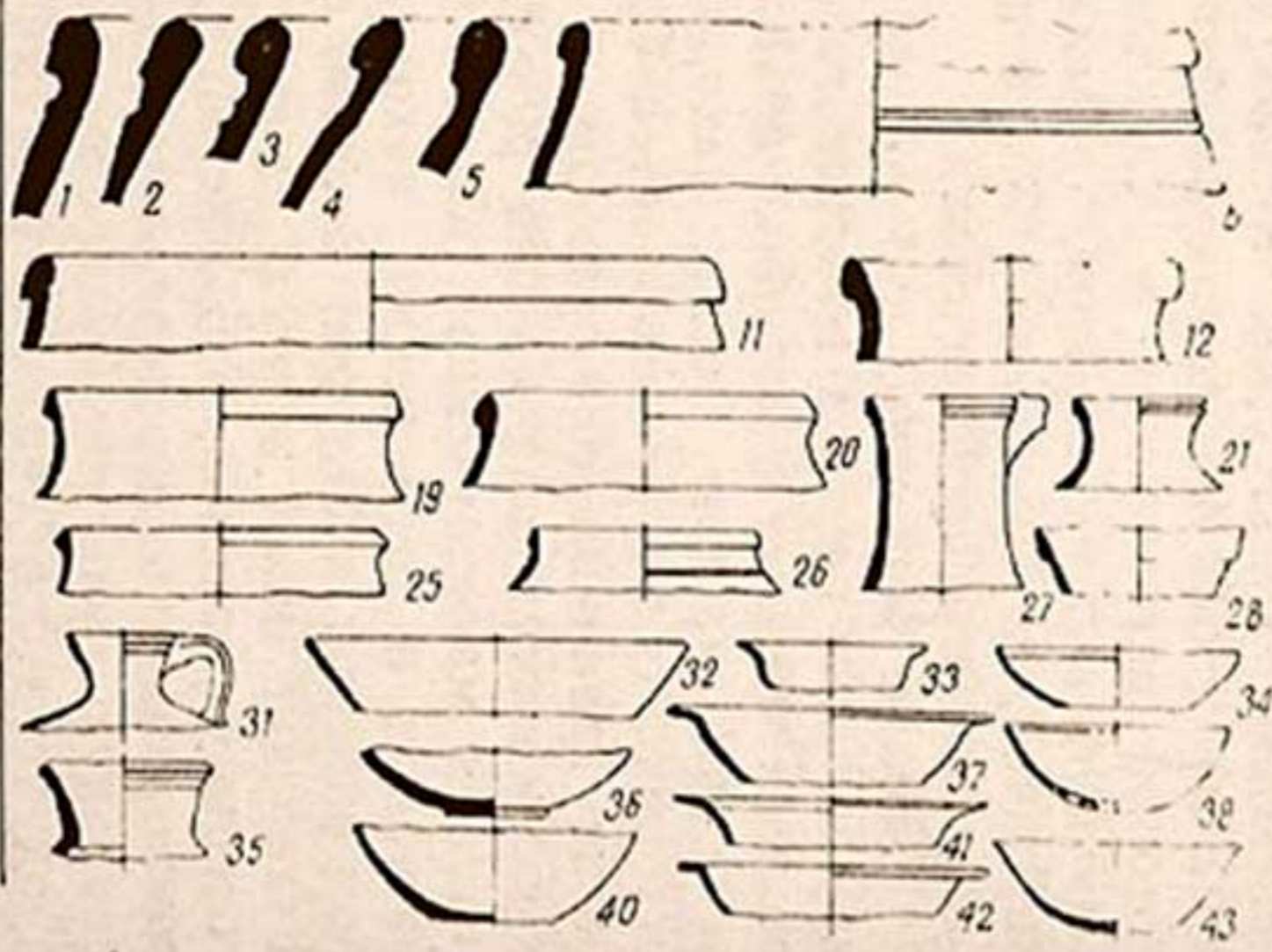

Рис. 1. Керамика периодов Бухара-I и II.

Токи-Тельпак-Фурушон под мощной раннесредневековой пахсо-во-кирпичной постройкой отмечены слои с материалами, синхронными всем вышеуказанным, но наряду с этим выделен еще слой более древний. Таким образом, в соответствии с стратиграфией весь полученный из нижних слоев материал можно подразделить на шесть основных периодов керамического производства — Бухара-I, II, III, IV, V, VI, выделяющихся множеством признаков касательно форм сосудов, техники и качества их изготовления. Рассмотрим каждый из этих периодов.

Бухара-I (рис. 1, Бухара-I). Керамика изготовлена из глины коричневых и розовых тонов, а позже, в конце периода, и красного цвета. В подавляющем большинстве представлена станковая керамика, покрытая ангобом желтоватых, коричневых и позднее красноватых оттенков.

Наиболее многочисленную группу составляли хумы и хумчи (см. рис. 1, Бухара-I, 1—7) почти схожих форм и отличающихся друг от друга, в основном, размерами и толщиной стенок. К сожалению, как и во всех остальных периодах, здесь обнаружены только их фрагменты. Наиболее сохранившиеся из них — венчики, по которым можно судить о сосуде, у большинства хумов и хумчей венчик валикообразный, шейка короткая в виде более или менее выраженного желобка, от тулова она отделена рельефным пояском-валиком. Борта рифленые (см. рис. 1, Бухара-I, 2—4, 7). Подобные сосуды характерны для «раннекангюйской» керамики Хорезма¹.

Хум со слабо выраженным желобком под венчиком (см. рис. 1, Бухара-I, 1) близок хуму из Дальверзинтепа², а красноглиняный хум без шейки с рифлеными бортами (см. рис. 1, Бухара-I, 5) соответствует формам из Афрасиаба и Варахши³. Судя по отдельным фрагментам, некоторые хумы и хумчи имели подкошенное дно, причем переход к нему осуществлялся коленчатым изломом, что особенно характерно для подобных сосудов, так называемого «ахеменидского» периода.

В комплексе широко представлены горшковидные сосуды и кувшины (см. рис. 1, Бухара-I, 8—11). Характерный признак этих сосудов, также как хумов и хумчей, — рельефный поясок-валик, чаще всего в месте перехода горловины в тулово. Аналогичные формы отмечены в керамике и Хорезма⁴, и Афрасиаба⁵.

¹ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959, с. 91, 95, рис. 9, 11, 6.

² Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепа. Ташкент, 1978, рис. 11, 29.

³ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. II. Ташкент, 1973, рис. 13, 40; Шишкин В. А. Варахша. Ташкент, 1963, рис. 55, 61.

⁴ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХАЭЭ, рис. 12, 5—7, 13—20, 23.

⁵ Тереножкин А. И. Согд и Чач. — В сб.: КСИИМК. Вып. XXXIII. М.—Л., 1950, рис. 69, IV, 4; Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины

Столовая посуда, представленная, прежде всего, цилиндрическими чашами (см. рис. 1, Бухара-I, 13, 14, 19, 20), распространена на многих поселениях Средней Азии. В комплексе этот вид чаш представлен тремя подвидами: без поддона (см. рис. 1, Бухара-I, 13, 20), с поддоном и прямыми стенками придонной части (см. рис. 1, Бухара-I, 19), с поддоном и окружными стенками придонной части без коленчатого перегиба корпуса (см. рис. 1, Бухара-I, 14). Второй подвид по форме и пропорциям, возможно, более приближен к раннепарфянским чашам Древнего Мерва⁶, а третий — явно близок чашам периода Афрасиаб-II⁷.

Ближние аналогии среди керамики этого же периода находят небольшое блюдце со слегка вогнутым вовнутрь венчиком (см. рис. 1, Бухара-I, 17) и миска с Г-образным профилем венчика (см. рис. 1, Бухара-I, 21)⁸. Интересна ножка чаши в виде полого конуса, от которого отходит сильно расширяющаяся стенка резервуара (см. рис. 1, Бухара-I, 16). Аналогичный сосуд отмечен на Халчаяне⁹. Из других сосудов в комплексе представлены тагара, миска на кольцевом поддоне, цедилка и лепные сосуды (см. рис. 1, Бухара-I, 12, 15, 18, 22, 23).

Бухара-II (рис. 1, Бухара-II). В этом периоде происходят значительные изменения как в технике изготовления, так и форме сосудов. Наряду с посудой из коричневой, розовой и, особенно, красной глины в обиход входит и сероглиняная, причем глина этого цвета отмечена только на столовой посуде. На столовой, реже хозяйственной, посуде появляется лощение, причем, как правило, сплошное.

У большинства хумов (рис. 1, Бухара-II, 1—6, 11) по-прежнему сохраняется слабо выраженная шейка в виде желобка под венчиком, однако рельефный поясок-валик и рифление по бортам в большинстве случаев исчезают или слабо выражаются. Донца у этих сосудов неустойчивые, слегка подкошенные, но подкос делался без коленчатого излома по сравнению с предыдущим периодом. Что касается хумчей, то наряду с формами, близкими хумам, встречаются сосуды без желобка под венчиком (см. рис. 1, Бухара-II, 12). Некоторые из них находят аналогии среди кера-

городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969, с. 165, рис. 5, 9; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, рис. 13, 28, 30, 31; Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-II). — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, Ташкент, 1974, рис. 3, 4.

⁶ Рутковская Л. М. Античная керамика Древнего Мерва. — Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962, рис. 1, 2—4.

⁷ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-II). — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, рис. 6, 7, 8.

⁸ Там же, рис. 5, 7—9; рис. 6, 15; Она же. Материалы первых веков до н. э. из раскопа на северо-западе Афрасиаба. — В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969, рис. 3, 35—37, 58, 59; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, рис. 12, 11, 15; 13, 10, 11, 19; Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб, рис. 5, 19, 21.

⁹ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 35, рис. 14.

мики периодов Тали-Барзу-I, Рамиш-II и нижних слоев Варахши¹⁰.

У горшков, горшковидных сосудов и кувшинов (см. рис. 1, Бухара-II, 19—21, 25—28, 31, 35) отсутствует поясок-валик в месте перехода горловины в тулово. К формам, ранее не отмеченным, относятся одноручные красноангобированные кувшины, подвергнутые сплошному лощению (см. рис. 1, Бухара-II, 27, 31). Один из них, наиболее крупный, с удлиненным горлом, аналогичен кувшинам с профилированными в виде двух-трех валиков венчиками из Лявандакского могильника¹¹.

Много новых форм появляется и среди столовой посуды. Одна из них — полусферические чаши типа фиал на неустойчивых донцах (см. рис. 1, Бухара-II, 34, 38, 43). Довольно часто на них встречается бороздка, прочерченная по внутренней стороне, ближе к закраине венчика. Эти сосуды аналогичны находкам из Халчаяна и Тулхарского могильника¹². Продолжают бытовать с Г-образным профилем венчика, но уже более изящных очертаний миски (см. рис. 1, Бухара-II, 42). Они близки сосудам из Лявандакского могильника¹³.

Одна из важнейших и определяющих форм этого периода — миски с отогнутым венчиком, иногда с прочерченной бороздкой по зеркалу (см. рис. 1, Бухара-II, 33, 37, 41). Этот широко распространенный в Средней Азии сосуд выделен М. М. Дьяконовым как наиболее характерный для периода Кобадан-II¹⁴. Не менее важна и другая определяющая форма — цилиндрические кубки на неустойчивых конусовидных, затем вытянутых фигурных ножках (см. рис. 1, Бухара-II, 10, 13—16, 22, 29, 30). Несомненно, они ведут свое происхождение от цилиндрических чаш, которые, несколько изменяясь, продолжали использоваться в быту (см. рис. 1, Бухара-II, 7—9). На данном примере можно проследить эволюцию этих кубков в течение анализируемого периода.

На первых этапах ножка имела вид слегка приплюснутого конуса, скорее напоминавшего поддон, затем, постепенно вытягиваясь, приобрела канелированные очертания. Вместе с цилиндрическими кубками в комплексе зафиксирована еще одна определяющая форма — широкорезервуарные бокалы (см. рис. 1,

¹⁰ Тереножкин А. И. Согд и Чач. — В сб.: КСИИМК. Вып. XXXIII, рис. 69, Тали-Барзу-1, 8, 9; Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, Рамиш-II, 5, 6; Шишкин В. А. Варахша, рис. 55, 48, 52, 53, 60.

¹¹ Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — В сб.: ИМКУ. Вып. 2. Ташкент, 1961, рис. 13, 5—7.

¹² Пугаченкова Г. А. Халчаян, рис. 53; Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. Л., 1966, табл. XXXIII, 18.

¹³ Обельченко О. В. Лявандакский могильник. — В сб.: ИМКУ. Вып. 2, рис. 13, 3.

¹⁴ Дьяконов М. М. Археологические работы в нижнем течении р. Кафирниган. — МИА СССР. Вып. XXXVII. М.—Л., 1953, с. 284, рис. 20.

Бухара-II, 17, 18, 24). К сожалению, в отличие от кубков бокалы дошли во фрагментарном состоянии, поэтому мы можем только предположительно говорить об их форме на первых этапах. Однако на последующих этапах форма ножек у бокалов становится аналогичной форме кубков. Подобные ножки отмечены у некоторых сосудов из Афрасиаба¹⁵. Форма одного бокала, возможно, является переходной от широкорезервуарного к узкорезервуарному (см. рис. 1, Бухара-II, 23).

Особо следует отметить крупную двуручную вазу на полой раструбчатой ножке, по форме напоминающую древнеримский канфар (см. рис. 1, Бухара-II, 45). Такие вазы довольно часто встречались в слоях данного периода. Они изготовлялись из хорошо промешанной глины, покрывались очень плотным, под цвет черепка ангобом и подвергались тщательному сплошному лощению. Цвет черепков у этих ваз разнообразный: темно-красный, розовый, светло-коричневый и серый. Очень часто сосуды украшались волнистым орнаментом, а на некоторые даже штампованием наносилось рельефное изображение человеческого лица. В целом эти сосуды отличались высоким качеством изготовления и предназначались для особых целей. Вполне возможно, что прототипом этих ваз является опубликованный Г. В. Шишкиной сосуд из раскопа № 9 на Афрасиабе¹⁶. Тем не менее, по нашему мнению, эти вазы пока уникальны, так как не найдено достаточно близких им аналогий, если не считать незначительных фрагментов похожих сосудов из нижних слоев Китаба и Еркургана¹⁷.

Кухонная керамика представлена жаровнями (см. рис. 1, Бухара-II, 39, 44), изготовленными из плохо промешанной глины с примесью дресвы и шамота. У нескольких фрагментов их типовая принадлежность не установлена (см. рис. 1, Бухара-II, 32, 36, 40, 46).

Бухара-III (рис. 2, Бухара-III). Преобладает посуда с красным черепком, но уже не в таком количестве, как в предыдущие периоды. Чаще встречается посуда с розовым и коричневым черепком, редко — сероглиняная керамика. Сплошному лощению подвергаются кувшины и большая часть столовой посуды, вертикально-полосчатое лощение отмечено только на бокалах. Появляется ангоб бежево-белых тонов. Качество глины по-прежнему высокое, однако некоторые из ранее существовавших форм заметно огрубляются. У хумов и хумчей постепенно исчезает жело-

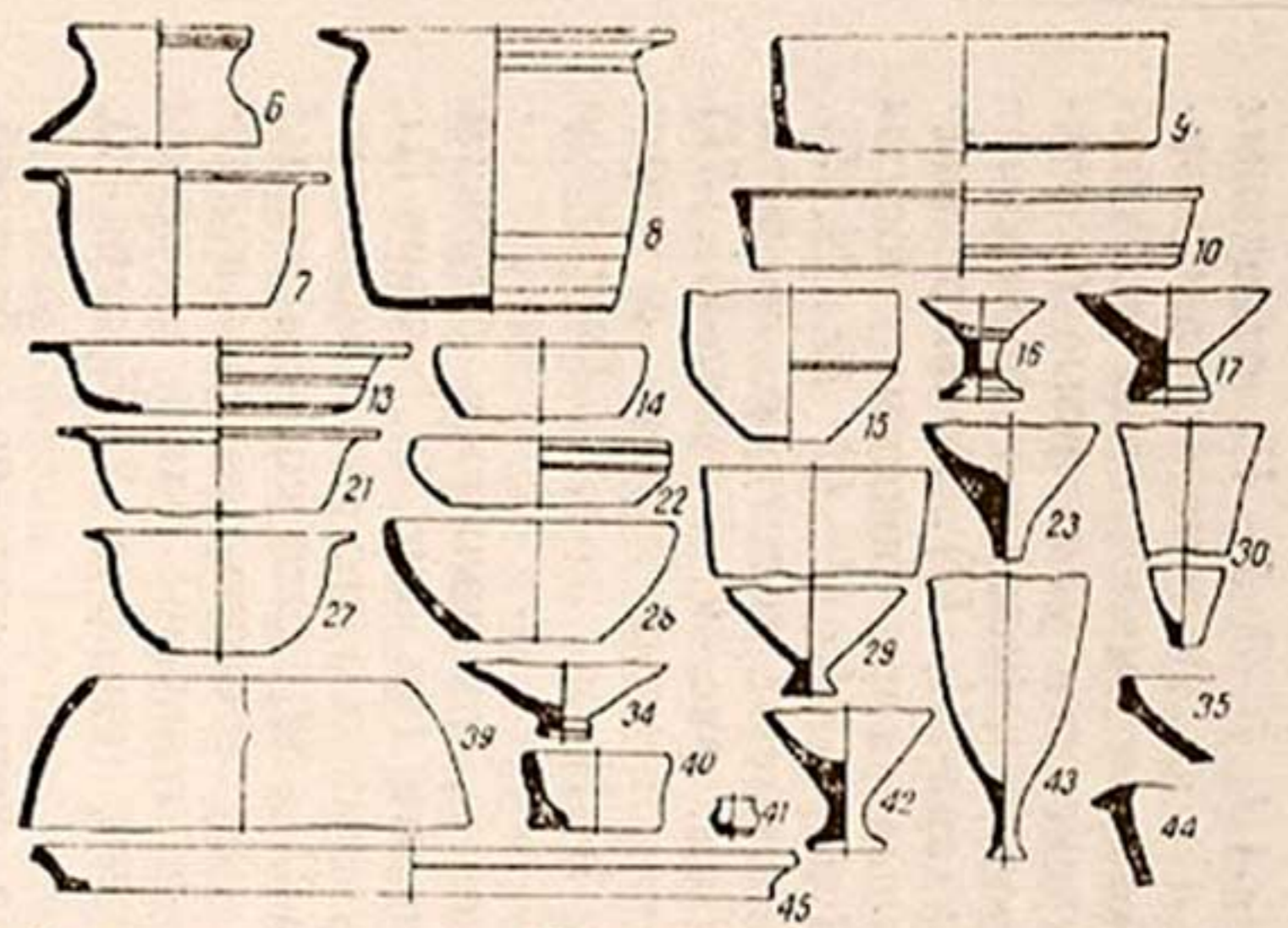
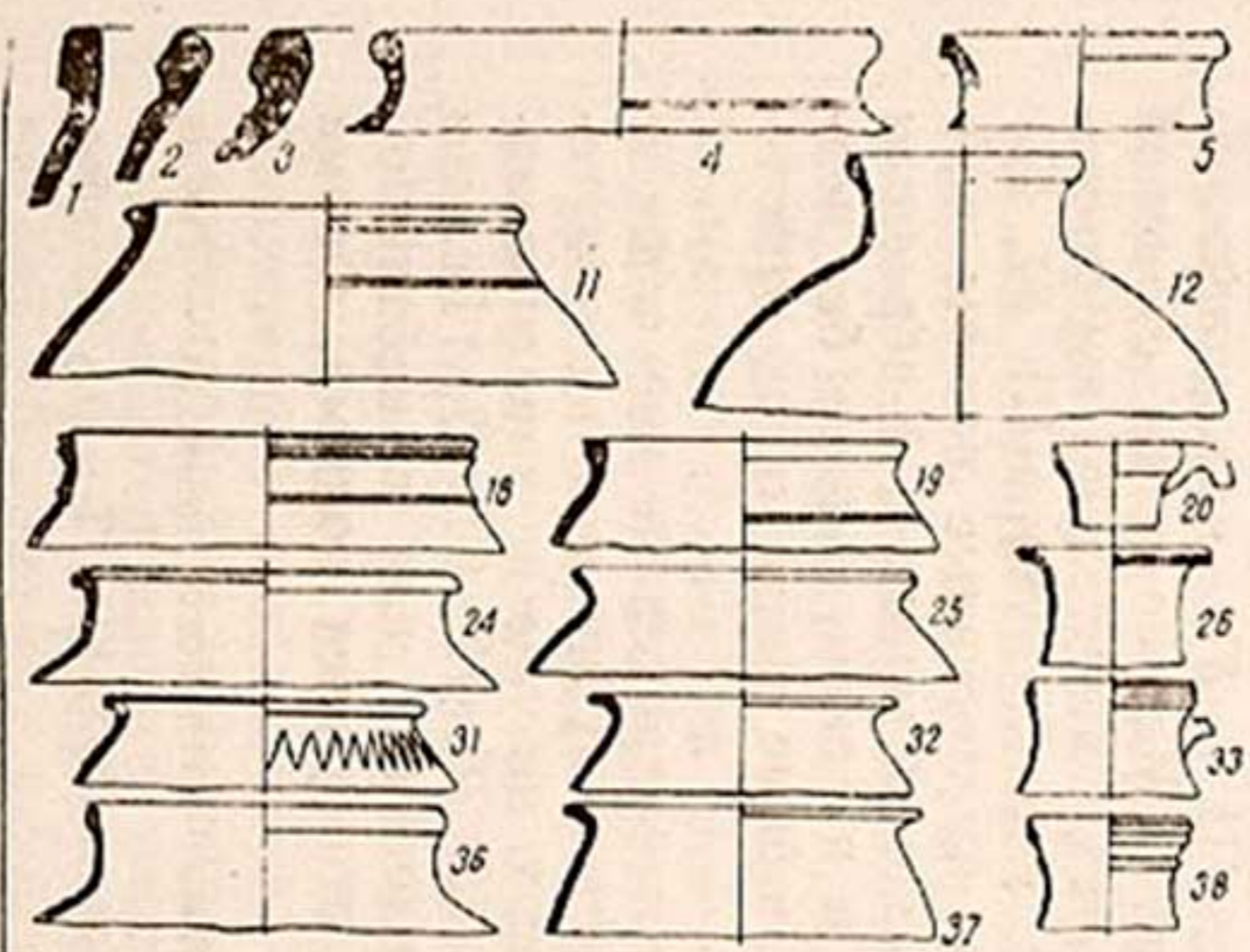
¹⁵ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — В кн.: Афрасиаб, рис. 5, 2; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, рис. 12, 3, 5.

¹⁶ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-II). — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, рис. 3, 13.

¹⁷ Крашенинникова Н. И. Два комплекса керамики II—I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба. Археология Средней Азии. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 533. Ташкент, 1977, рис. 20, 10; Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978. № 3, рис. 3, 6.

IV - 10112
- IV. 10112

Бухара - III

II - III

Бухара - IV

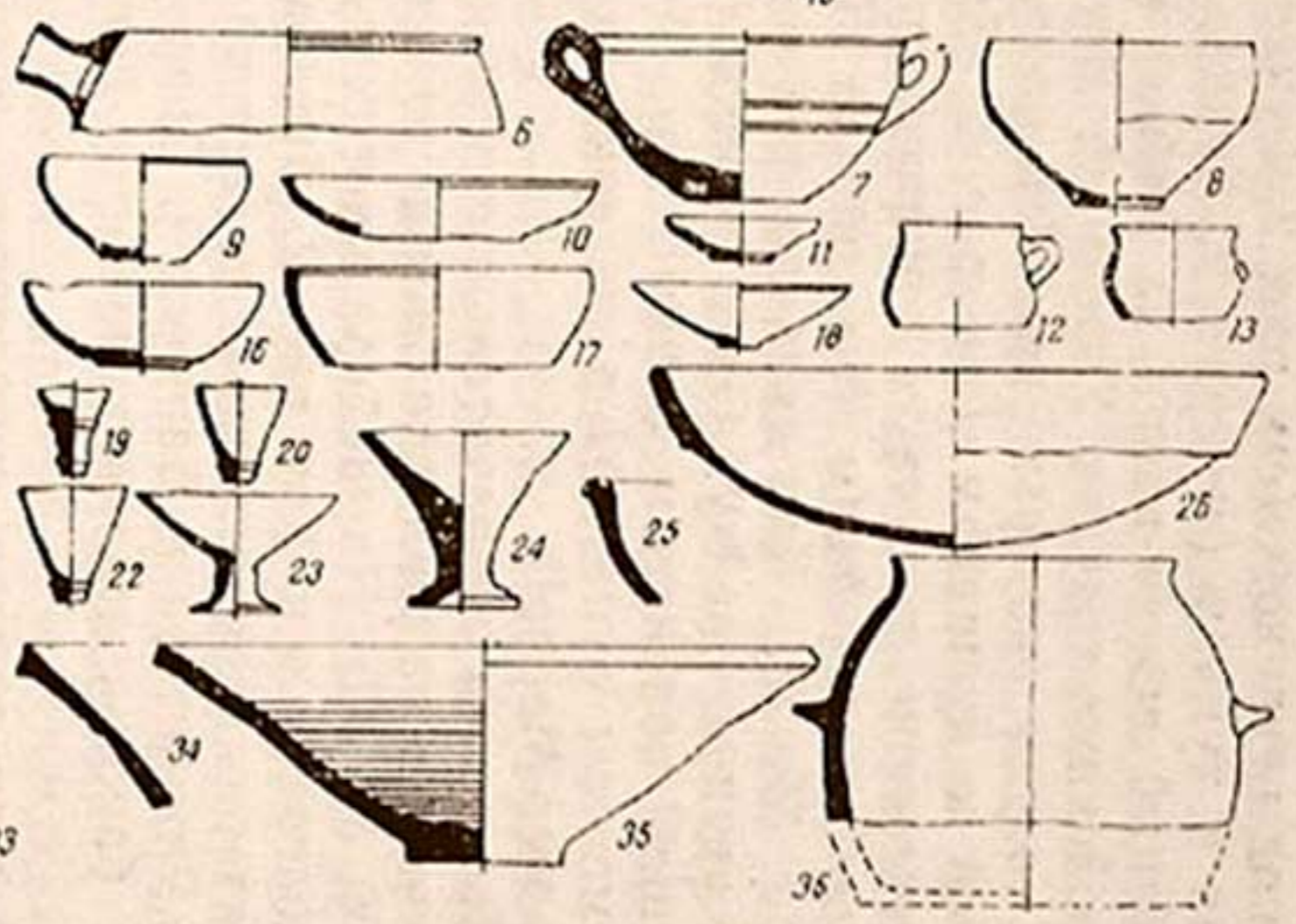
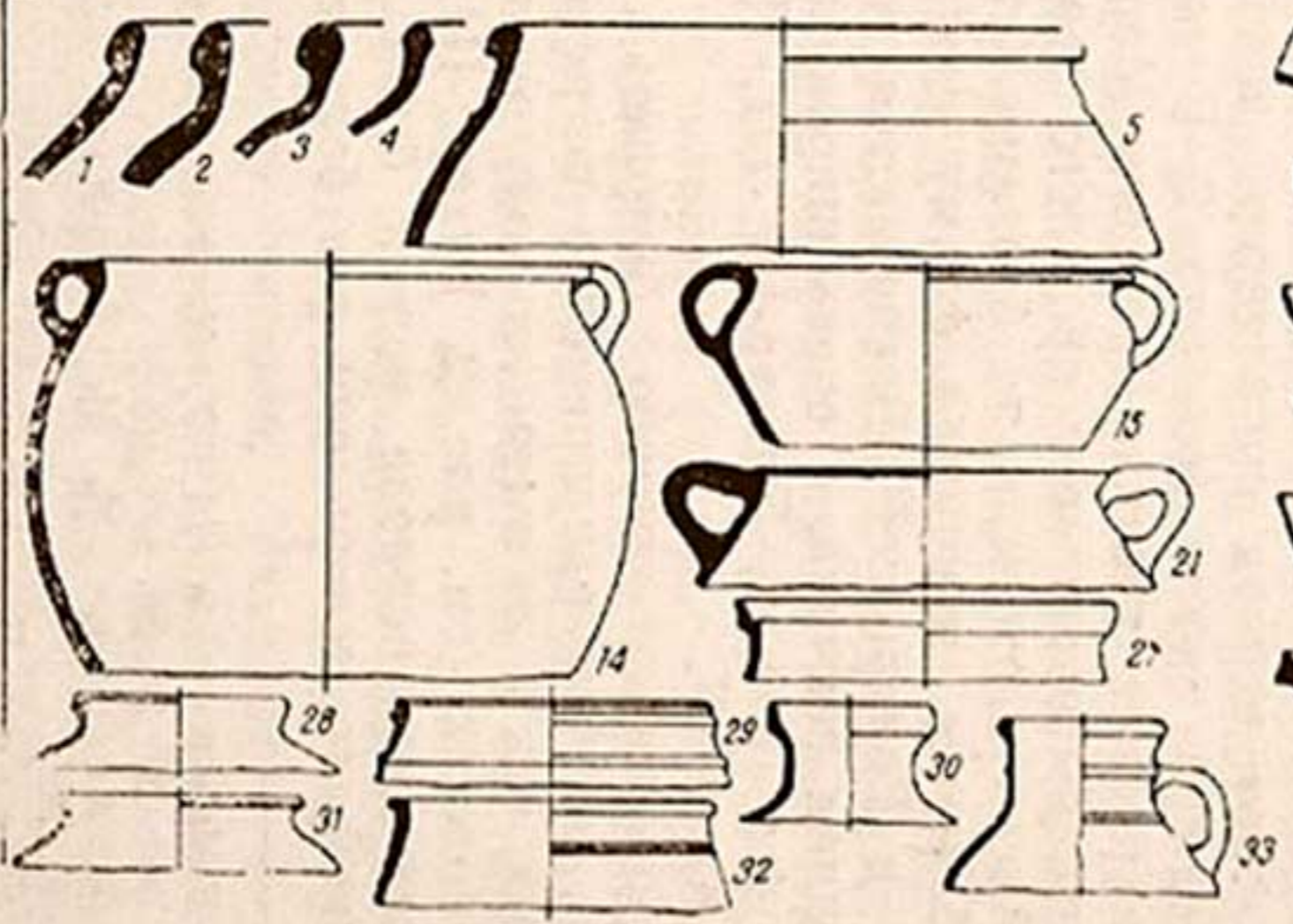

Рис. 2. Керамика периодов Бухара-III и IV.

бок под венчиком (см. рис. 2, Бухара-III, 1—3, 5). На отдельных хумах и хумчах (см. рис. 2, Бухара-III, 3, 4) заметен слабо выраженный поясок-валик на шейке, как на аналогичных «позднекангюйских» сосудах Хорезма¹⁸. Встречаются узкогорлые безручные сосуды, которые как бы являются переходной формой от хумчей к кувшинам (см. рис. 2, Бухара-III, 12). Большое распространение получают широкогорлые горшковидные сосуды разнообразных форм (см. рис. 2, Бухара-III, 11, 18, 19, 24, 25, 31, 32, 36, 37). Как правило, все они имеют короткую, но четко выраженную шейку. Один горшок (см. рис. 2, Бухара-III, 31) украшен волнистым орнаментом. Аналогичные горшки с таким орнаментом отмечены в материалах I—II вв. н. э. в Гяур-Кале Древнего Мерва¹⁹.

Претерпев незначительные изменения, продолжают бытовать кувшины с профилированными венчиками (см. рис. 2, Бухара-III, 20, 26, 33, 38). На шейках многих кувшинов этого типа появляется поясок-валик (см. рис. 2, Бухара-III, 38). Эти сосуды весьма характерны для античных поселений Бухарского оазиса, например, Рамиштепа и Баштепа²⁰. Впервые отмечены фляги и сосуды типа банок с цилиндрическими боками (см. рис. 2, Бухара-III, 6, 9).

В этот период появляется новая форма сосудов — банкообразные типа тувак (см. рис. 2, Бухара-III, 7, 8), напоминающие более ранние туваки Древнего Мерва²¹. Многие виды столовой посуды, бытовавшие с прошлого периода, значительно изменяются. Миски с отогнутыми бортами (см. рис. 2, Бухара-III, 21, 27) углубляются, принимая форму чаши. Аналогичные сосуды найдены в Еркургане²². Встречаются также и миски с Г-образным профилем венчика, с очень широким и плоским донцем без поддона (см. рис. 2, Бухара-III, 13). Подобные типы мисок отмечены в Китабе²³.

Продолжают широко бытовать цилиндрикоконические чаши и кубки, причем одновременно встречаются кубки как на конусовидных, так и на вытянуто-конусовидных, но уже не канелированных ножках (см. рис. 2, Бухара-III, 15, 16, 17, 29, 42). Если в предыдущем периоде ножки были плоскими или с небольшой выемкой, то теперь они все больше становятся полыми. Форма

¹⁸ Воробьева М. Г. Керамика Хорезма античного периода. — Труды ХАЭЭ, рис. 27, 23, 30.

¹⁹ Филанович М. И. Гяур-Кала. — Труды ЮТАКЭ. Т. 15. Ашхабад, 1974, рис. 22.

²⁰ Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, Рамиш-III, 3; Шишкин В. А. Варахша, рис. 70, 5.

²¹ Рутковская Л. М. Античная керамика Древнего Мерва. — Труды ЮТАКЭ. Т. XI, рис. 5, 8.

²² Исамидинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане, рис. 4, 28.

²³ Кабанов С. К. Керамический комплекс из наслоений древнего городища в Китабе. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, рис. 5, 5.

кубков огрубляется, все реже они покрываются красным ангобом, который постепенно сменяется светло-розовым.

Для периода характерны бокалы (см. рис. 2, Бухара-III, 23, 30, 43), вид которых существенно изменился, приняв вытянуто-рюмковидную форму. Большинство бокалов подвергалось лощению, в основном, вертикально-полосчатому. Наиболее близкие аналогии бокалам отмечены в античных материалах памятников долины р. Кашкадарьи²⁴, а также Балха²⁵. Особенно это касается бокалов с сильно утонченной нижней частью корпуса, переход к которой выполнен без закругления и перегиба путем постепенного утолщения ножки (см. рис. 2, Бухара-III, 30). Подобные бокалы отмечены только в указанных регионах.

Кубки и бокалы отличаются особенностью, хотя у кубков она проявляется не так часто, как у бокалов: сравнительно толстыми стенками (см. рис. 2, Бухара-III, 17, 23, 42), тонкими стенками (см. рис. 2, Бухара-III, 29, 43), сверхтонкими стенками, не превышающими 1,5—2 мм в толщину (см. рис. 2, Бухара-III, 16, 30). Толстостенные кубки и бокалы изготовлены несколько грубовато, покрыты светло-розовым ангобом под цвет черепка и совсем не подвергнуты лощению. Тонкостенные и сверхтонкостенные сосуды изготовлены гораздо качественнее, причем сверхтонкостенные бокалы отличаются особым изяществом. Если сравнивать между собой эти две формы, то создается впечатление, что цилиндрико-нические кубки заметно деградируют, в то время как бокалы получают дальнейшее развитие. В большинстве своем они, как и прежде, изготавливаются из хорошо промешанной и равномерно обожженной глины, покрываются плотным ангобом под цвет черепка (красным, реже светло-коричневым) и подвергаются лощению. Кроме того, бокалы явно преобладают и количественно.

Кухонная посуда представлена лепной миской, ступкой, шаровидным котлом без шейки и жаровней (см. рис. 2, Бухара-III, 28, 39, 40, 45). Облик двух последних форм почти не изменился с прошлого периода. Во фрагментарном состоянии попадались миски с вогнутыми бортами, тагара и миниатюрные сосуды (см. рис. 2, Бухара-III, 10, 14, 22, 34, 35, 41, 44).

Бухара-IV (рис. 2, Бухара-IV). С дальнейшим процессом огрубления форм сосудов заметно ухудшается и качество глины. Характерной особенностью многих сосудов, главным образом широкогорлых и толстостенных, становится недообожженность. Увеличивается примесь гипса и песка. Совсем не отмечено посуды с серым черепком, столь характерной для предыдущих периодов. На крупных изделиях преобладает ангоб светло-розового, беловатого, а иногда и черноватого цвета. На сосудах полностью отсутствуют следы лощения.

²⁴ Там же, рис. 4, 7. Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978. № 3, рис. 4, 40—42, 46.

²⁵ Gardin I. C. Ceramiques de Bactres. Paris, 1957. Planche IV. 24.

Значительную эволюцию претерпевают хумы и хумчи (см. рис. 2, Бухара-IV, 1—5). Если ранее их форма скорее напоминала бочонки, то теперь плечики более покатые, а диаметр тулова более увеличенный по отношению к диаметру венчика. Исчезает желобок под закраиной венчика, но шейка сосуда чаще всего не выражена. Поддон у многих хумов и хумчей неустойчивый, слегка подкошенный.

Широко распространены крупные горшковидные двуручные сосуды, условно названные корчагами. Встречаются два варианта этих сосудов: крупные (см. рис. 2, Бухара-IV, 14) и небольшие (см. рис. 2, Бухара-IV, 15, 21, 27), отличающиеся друг от друга также и формами. Они весьма характерны для периода Каунчи-I²⁶. Кроме того, отмечены и безручные корчаги (см. рис. 2, Бухара-IV, 28—32). Часто встречаются и крупные конические сосуды открытого типа с почти прямыми стенками (см. рис. 2, Бухара-IV, 34, 35). Эта форма обнаруживает определенное сходство с крупными крышками из слоев Афрасиаба-IV, хотя в данном случае не исключена трактовка рассматриваемых сосудов, как тагара²⁷.

В слоях Рамиш-IV отмечены прямые аналогии кувшиновидному сосуду и кувшину (см. рис. 2, Бухара-IV, 30, 33)²⁸. На ряде памятников Бухарской области²⁹ и среди керамики периода Каунчи-I³⁰ встречаются аналогии крупному чашевидному сосуду, изготовленному на матерчатой основе (см. рис. 2, Бухара-IV, 26). Совершенно новой формой являются крупные сосуды с рожком для слива, именуемые чаще всего крынками (см. рис. 2, Бухара-IV, 6).

Большим разнообразием отличается ассортимент столовой посуды, представленной чашами, мисками, блюдами, кружками, бокалами и вазами. Заслуживают внимания крупные двуручные чаши и кружки с петлевидными ручками (см. рис. 2, Бухара-IV, 7, 12, 13). Эти сосуды, а также крынки имеют заметные параллели среди керамики периода Каунчи-I³¹. Не отмечено цилиндрико-конических кубков, но по-прежнему широко бытуют цилиндрико-конические чаши (см. рис. 2, Бухара-IV, 8). Весьма распространены и бокалы, хотя и эта форма начинает деградировать (см. рис. 2, Бухара-IV, 19, 20, 22). Они изготовлены из сероватой глины и покрыты отслаивающимся ангобом темно-лилового, перехо-

²⁶ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э. М., 1971, рис. 59, 52—53.

²⁷ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб, рис. 15, 7—8.

²⁸ Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, Рамиш-IV, 19, 21.

²⁹ Ураков Б. Керамические комплексы позднеантичных поселений Кызыл-Кыр-1 и Сеталак-1. — В сб.: ИМКУ. Вып. 12. Ташкент, 1975, рис. 1, 19—20.

³⁰ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э., рис. 59, 76.

³¹ Там же, рис. 25, 30; 59, 73, 74, 79—86, 130.

дящего в черный цвета. Ствол высокой ножки бокалов имеет рельефные линии сверху и снизу, что характерно и для позднепарфянских бокалов Древнего Мерва³².

Встречена вазочка на тонкой устойчивой ножке, напоминающая сосуды на стенной росписи из Балалыктепа (см. рис. 2, Бухара-IV, 23).

Кухонная керамика представлена, прежде всего, крупными лепными котлами, у которых уже начинает намечаться шейка, мисками с вогнутыми бортами, блюдами и блюдцами, тагара с округлыми бортами и курильницами (см. рис. 2, Бухара-IV, 9—11, 16—18, 24, 25, 36).

Бухара-V (рис. 3, Бухара-V). Продолжают бытовать, изменяясь незначительно, многие формы предшествующего периода. Поэтому данный период, как впрочем и предыдущий, выделен с известной долей условности. Возможно, правильнее было бы рассматривать оба периода в совокупности, как два этапа одного периода, если бы не целый ряд новых признаков.

Следует отметить дальнейшее ухудшение качества изготовления посуды. Для хумов (см. рис. 3, Бухара-V, 1—9), которые довольно часто недообожжены, весьма характерны темные ангобные потеки по светлому фону, а для столовой посуды, прежде всего чаш и мисок, — низкокачественный, легко отслаивающийся ангоб красноватых и коричнево-серых оттенков. В целом не вызывает сомнения принадлежность значительной части керамики комплекса к «Кызыл-Кырскому кругу», условно названному нами по одноименному памятнику на территории Бухарского оазиса, где впервые отмечена керамика этого типа. В этом отношении наиболее типичны изготовленные вручную ленточным способом хумы с приостренными и вытянутыми валиками по венчикам (см. рис. 3, Бухара-V, 7—9), встречающиеся на позднеантичных памятниках указанного региона³³. Довольно часто как по внешней, так и по внутренней стороне венчиков наносился орнамент в виде вдавлений пальцами. Именно на данных хумах чаще всего отмечаются ангобные потеки.

Двуручные корчаги (см. рис. 3, Бухара-V, 16, 17, 25, 32) почти не отличаются от аналогичных сосудов предыдущего периода, разве только слегка меняются профили ручек, а у крупных сосудов на закраинах венчиков появляется ложбинка. В горшках, прежде всего двуручных (см. рис. 3, Бухара-V, 13, 33, 37—39), отчетливо проявляется продолжающееся сильное влияние каунчинской культуры, теперь уже ее второго периода³⁴. Ручка кув-

³² Рутковская Л. М. Античная керамика Древнего Мерва. — Труды ЮТАКЭ. Т. XI, рис. 11, 10—11.

³³ Шишкин В. А. Варахша, рис. 55, 26; Ураков Б. Керамические комплексы позднеантичных поселений Кызыл-Кыр-1 и Сеталак-1. — В сб.: ИМКУ. Вып. 12, рис. 1, 16, 17, 26—28; Егоян Е. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, Рамиш-V, 10.

³⁴ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э., рис. 30, 1—10; 33, 1—3; 59, 137—143.

III-VII

VI-VII

Бухара-V

Бухара-VI

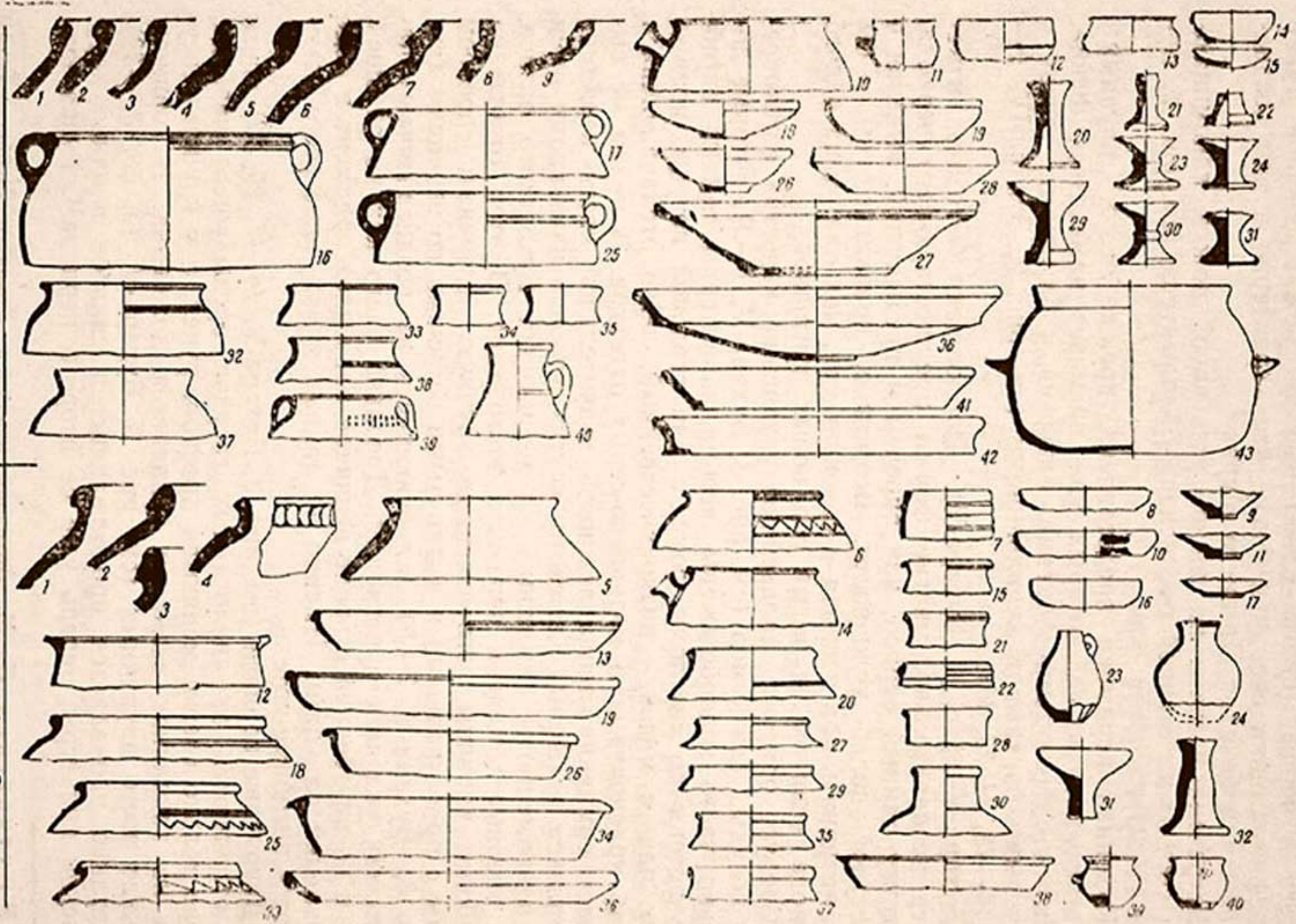

Рис. 3. Керамика периодов Бухара-V и VI,

шинов принимает петлевидный облик (см. рис. 3, Бухара-V, 40), рожок у крынок (см. рис. 3, Бухара-V, 10) уже не примыкает к закраине венчика, причем довольно четко намечается шейка. Кувшиновидные сосуды представлены фрагментарно (см. рис. 3, Бухара-V, 34, 35). Появляются и небольшие сосуды со сливом — поилки (см. рис. 3, Бухара-V, 11). Одна из наиболее характерных и массовых форм — миски (чаши) с вертикальным перегибом венчика (см. рис. 3, Бухара-V, 18, 19, 26, 28). В основном они стандартных размеров (диаметр венчика — 17—18 см, диаметр донца — 6—7 см, высота — 3—4 см) и могут быть отнесены к определяющей форме периода, так как имеют широкий ареал распространения и хорошо изучены, в частности, по материалам позднеантичных поселений Бактрии³⁵. Вазы, обнаруженные во фрагментах преимущественно в виде ножек (см. рис. 3, Бухара-V, 22—24, 30, 31), также довольно часто встречаются в данный период и известны, в частности, по материалам Афрасиаба³⁶.

У корчаг намечается шейка, у курильниц ножка еще более вытянутая (см. рис. 3, Бухара-V, 10, 20). Почти не изменяясь, продолжают бытовать цилиндроконические чаши, но бокалы еще более огрубляются и явно находятся на стадии исчезновения (см. рис. 3, Бухара-V, 12, 21, 29). Отдельные мелкие сосуды открытого типа, вероятно, являлись крышками (см. рис. 3, Бухара-V, 14, 15).

Из крупных сосудов открытого типа следует отметить блюдо и блюдообразный сосуд, изготовленный на матерчатой основе (см. рис. 3, Бухара-V, 27, 36). Его назначение не известно, однако не исключено, что он выполнял роль формы, на которой изготовлялись днища хумов, тем более, что они, в основном, неустойчивые, слегка скошенные и имеют в профиле сходные очертания. Подобные формы для выделки днищ хумов известны еще в материалах периода Афрасиаба-II³⁷.

Дальнейшую эволюцию претерпевают котлы (см. рис. 3, Бухара-V, 43), у которых появляется уже четко профилированная шейка. Их аналогии отмечены на Афрасиабе³⁸. По-прежнему не изменяется форма жаровен (см. рис. 3, Бухара-V, 41, 42).

Бухара-VI (см. рис. 3, Бухара-VI). Керамика данного периода представлена сравнительно небогатым ассортиментом посуды, большинство которой, к тому же, сохранилось в сильно фрагментарном состоянии. Отмечается некоторое повышение ка-

³⁵ Пидаев Ш. Р. Поселения кушанского времени Северной Бактрии. Ташкент, 1978, табл. IX—X.

³⁶ Немцева Н. Б. Стратиграфия южной окраины городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. I, рис. 7, 2—4; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб. — В сб.: Афрасиаб. Вып. II, рис. 15, 19—20.

³⁷ Шишкина Г. В. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб-II). — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, рис. 8, 16—17.

³⁸ Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, рис. 15, 16.

чества изготовления посуды. Шедшая на изготовление посуды глина, как правило, хорошо вымешана, равномерно обожжена и покрыта плотным ангобом светлых тонов: грязно-белым, желтоватым, светло-серым, светло-коричневым и др. На некоторых мелких сосудах (см. рис. 3, Бухара-VI, 23, 39, 40) четко просматриваются следы подрезов днищ нитью и обработки ножом придонной части. Подобное явление отмечено и на керамических изделиях из Пянджикента³⁹ и поселения Кафир-Кала⁴⁰. Полностью исчезают такие формы, как бокалы и цилиндроконические чаши.

Большинство хумов (см. рис. 3, Бухара-VI, 1—5) имеют довольно четко выраженную шейку, а у некоторых (см. рис. 3, Бухара-VI, 3) на валике венчика появляется приостренный выступ. На хумах не отмечено темных ангобных потеков. Как и прежде, на тех из них, которые изготовлены вручную (см. рис. 3, Бухара-VI, 4), отмечается орнамент в виде вдавлений пальцами, хотя в отличие от предыдущего периода чаще всего орнаментировалась шейка. Этот орнаментальный прием, получивший в данный период более широкое распространение, очень характерен для раннесредневековой керамики Хорезма, а также синхронной керамики долины р. Кашкадарьи, где и отмечены наиболее близкие аналогии хумам⁴¹.

Нам затруднительно дать характеристику целому ряду таких форм, как тагара, горшки, чаши, миски, кувшины, кувшиновидные сосуды и банки ввиду их фрагментарности (см. рис. 3, Бухара-VI, 7—13, 15—30, 33—38). Но между тем здесь налицо изменение форм. В некоторых из указанных форм, таких, например, как кувшиновидные сосуды с приостренным валиком по венчику (см. рис. 3, Бухара-VI, 21) и кувшины с цилиндрической шейкой, обнаруживается аналогия с материалами нижних слоев Пянджикента⁴², а также с керамикой периода Каунчи-III⁴³.

Наиболее типичной формой периода являются крынки (см. рис. 3, Бухара-VI, 6, 14), у которых в отличие от аналогичных сосудов предыдущих периодов слегка заужен рожок. Эта незначительная деталь отмечена и на сосудах из Пянджикента, Кафир-Калы и Афрасиаба⁴⁴.

³⁹ Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пянджикента. Известия отделения общественных наук ТаджССР, Сталинабад, 1957, с. 92.

⁴⁰ Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В сб.: ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1961, рис. 10, 1.

⁴¹ Туребеков М. Археологическое изучение оборонительных сооружений городища Калай-Захоки-Марон. — В сб.: ИМКУ. Вып. 15. Ташкент, 1979, рис. 2, 13—16.

⁴² Маршак Б. И. Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. — В сб.: МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964, рис. 23, 4.

⁴³ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э., рис. 59, 351.

⁴⁴ Маршак Б. И. Керамика нижнего слоя Пянджикента, с. 233, рис. 23, 12—13; Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В сб.: ИМКУ. Вып. 11, с. 208, рис. 9, 4, 5, 7; Кабанов С. К. Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб, с. 75, рис. 16, 4.

Кроме того, выявленные здесь сосуды-поилки⁴⁵ имеют аналогию с материалами Кафир-Калы, а курильница-светильник на вытянутой ножке — с находками раннесредневекового этапа джатыасарской и каунчинской культур⁴⁶ (см. рис. 3, Бухара-VI, 31, 39, 40). Ножка крупной курильницы по сравнению с предыдущим периодом приобретает более выпуклые очертания (см. рис. 3, Бухара-VI, 32).

Исходя из описания, мы можем для каждого периода определить следующие хронологические рамки:

Бухара-I — конец IV—II вв. до н. э. Керамика периода имеет близкие аналогии в раннекангюйских слоях Хорезма (IV—II вв. до н. э.), греко-бактрийских — Тохаристана (III—II вв. до н. э.), слоях периода Афрасиаб-II (конец IV—II вв. до н. э.) и т. д. Нижняя хронологическая грань периода выделена в известной мере условно, так как наиболее древняя керамика комплекса, представленная хумами и хумчами, весьма консервативна. Учитывая факт вхождения Бухарского оазиса, наряду с Хорезмом, в состав Кангюя и большую близость аналогий, авторы считают наиболее предпочтительным вести отсчет с конца IV в. до н. э.

Бухара-II — II—I вв. до н. э. При определении хронологических рамок этого периода за основу взята датировка А. М. Мандельштамом Тулхарского могильника, где в большом количестве найдены аналогичные кубки и бокалы⁴⁷. Точно также датируются кубки, бокалы и миски с отогнутыми бортами из нижних слоев Китаба⁴⁸. Аналогичные сосуды из нижних слоев Еркургана датируются II в. до н. э. — I в. н. э.⁴⁹

Бухара-III — I в. до н. э. — I в. н. э. Как на примере предыдущего периода, за основу взята датировка А. М. Мандельштамом могильников Бабашовского и Туп-хона⁵⁰, в материалах которых преобладают узкорезервуарные бокалы. Под эти же рамки попадают слои Рамиш-III.

Бухара-IV — II—III вв. н. э. Этому периоду синхронны слои Рамиш-IV. Кроме того, очень близкие аналогии отмечены в материалах периода Каунчи-I.

⁴⁵ Шишкина Г. В. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом. — В сб.: ИМКУ. Вып. II, рис. 10, 1.

⁴⁶ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тыс. н. э., с. 152, рис. 52, 35.

⁴⁷ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. Л., 1966, с. 156.

⁴⁸ Крашенинникова Н. И. Два комплекса керамики II—I вв. до н. э. из нижних слоев Китаба. Археология Средней Азии. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 533. Ташкент, 1977.

⁴⁹ Исамиддинов М. Х. Стратиграфия городища Еркурган в Южном Узбекистане. — СА, 1978, № 3, рис. 3.

⁵⁰ Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1975, табл. XXII—XXIV. Он же. Кочевники на пути в Индию, с. 153, рис. 55, 3, 5.

Бухара-V — III—IV вв. н. э. За основу взята датировка памятников «Кызыл-Кырского круга»⁵¹. Близкие аналогии отмечены и среди керамики периода Каунчи-II. В связи с этим некоторые сомнения может вызвать верхняя хронологическая грань. Не исключено, что ее следует несколько упозднить, в частности, в связи с наличием в комплексе таких сосудов, как крынки, облик которых напоминает хорошо известные раннесредневековые. Однако у крынок этого периода, как правило, рожок круглый, без вторичной обработки. В комплексе очень мало форм, которые с полной уверенностью можно отнести к V в., поэтому пока предпочтительнее вышеуказанная датировка периода.

Бухара-VI — V—VI вв. Эта датировка вряд ли может вызвать сомнения. В комплексе представлены типично раннесредневековые материалы. Весьма показательны в этом отношении все те же самые крынки. Возможно, что упомянутое примятие рожка — это признак, характерный именно для раннесредневековых сосудов данного типа. То же самое относится к таким приемам вторичной обработки сосудов, как подрезка днищ мелких форм нитью, обработка ножом и т. д.

Планомерные раскопки непосредственно на территории города начались сравнительно недавно, и, как нам известно, до настоящего времени не предпринималось детальных попыток систематизировать древнюю керамику Бухары. Данная периодизация нуждается в уточнениях и доработках не только по этой причине. Во-первых, в ряде случаев отсутствуют достаточно четкие границы между периодами; во-вторых, отсутствует такой важный датирующий материал, как монеты; в-третьих, у авторов нет полной уверенности в том, что город возник в конце IV в. до н. э., а не ранее, ибо стратиграфические раскопки на таком важнейшем с исторической точки зрения объекте, как цитадель Древней Бухары — Арк, к настоящему времени пока не завершены. Некоторые материалы из раскопок, проводившихся ранее экспедицией Института археологии АН УзССР под руководством И. Ахрарова с целью определения возраста Бухары, в какой-то мере позволяют предполагать это⁵².

Касаясь вопроса о стилистической принадлежности керамики нижних слоев Бухары, нельзя сказать с достаточной долей уверенности, к какому региону она более всего тяготеет. Круг аналогий очень широк, и наиболее близкие отмечены на памятниках Хорезма (особенно в ранние периоды), Восточного и Южного Согда. В меньшей степени это относится к памятникам Северной Бактрии и Маргианы. Наряду с широко распространенными сосудами, встречающимися повсеместно, в условиях Бухары иногда

⁵¹ Ураков Б. Керамика с городища Рамиштепа. — ОНУ, 1978, № 2, рис. 1, Рамиш-V; Он же. Керамические комплексы позднеантичных поселений Кызыл-Кыр-1 и Сеталак-1. — В сб.: ИМКУ. Вып. 12.

⁵² Ахраров И., Усманова З. Новые данные к истории Бухары. История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

сосуществуют формы, характерные только для определенных районов, а то и просто уникальные. Даже обилие в комплексах I-й половины I тыс. н. э. керамики «каунчинского» типа, на наш взгляд, еще не свидетельствует о масштабном вхождении Бухарского оазиса в круг памятников этой культуры. Скорее всего, в подтверждение нашего предположения, древнюю керамику Бухары следует рассматривать как продукт синтеза многих культур. Дальнейшие раскопки и исследования должны окончательно уточнить эти вопросы.

А. ГРИЦИНА

КАУНЧИНСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ ПЕРВЫХ ВЕКОВ Н. Э. В ТАШКЕНТЕ

Летом 1979 г. на массиве Ташавтомаш во время строительных работ было обнаружено захоронение. На полу погребальной камеры найдены два костяка в лежащем положении (на спине) головой на северо-восток, а вокруг них свыше десятка керамических сосудов различных форм и размеров¹.

Погребение осуществлено в естественном холме. Погребальная камера имела прямоугольную в плане форму, вытянутую с северо-востока на юго-запад. Длина ее составляла 3 м 24 см, ширина — 2 м 12 см, высота — 1 м 70 см. Она вытесана в чистом лёссе, по-видимому, металлическим орудием, следы от которого четко прослеживались на всех стенках камеры. Пол ровный, слегка приподнимающийся к краям. Потолок оформлен в виде свода. С юго-восточной стороны примерно на одном уровне с полом склепа находился вход типа дромоса, от которого сохранилась лишь часть его юго-западной стены (рис. 1).

Подобное захоронение в лёссе было обследовано Т. Агзамходжаевым в Калининском районе Ташкентской области в 1960 г. В отличие от исследуемого костяки располагались не на полу, а на суфе. В южной стене помещения была вырублена ниша, а в юго-западном углу и на суфе находились пустые оссуарии². Все это позволило автору утверждать, что данное погребение было склепом-наусом и, видимо, служило местом для захоронения одной семьи либо целого рода³. По керамическим изделиям автор датировал его IV—V вв. н. э.⁴ Л. М. Левина, несколько

¹ Три сосуда из погребения нам передали ученики школы № 35 г. Ташкента.

² Агзамходжаев Т. Погребения IV—V вв. н. э. в Катартале. — Научные работы и сообщения. Кн. III. Ташкент, 1961, с. 241, 244—245.

³ Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1966, с. 13.

⁴ Агзамходжаев Т. Погребения IV—V вв. н. э. в Катартале. — Научные работы и сообщения. Кн. III, с. 245.

уточняя эту датировку (III—IV вв. н. э.), относит погребение к каунчинской культуре⁵.

В 1971 г. погребальное сооружение аналогичной конструкции обследовано М. И. Филанович в районе массива Домбрабад, которое также датировано первыми веками н. э. Захоронения подобного типа обнаружены А. И. Тереножкиным по трассе Ташкентского канала⁶. Все это свидетельствует о том, что подобные захоронения — крупные подземные склепы-наусы, врытые в лёсс, имели довольно широкое распространение по всему Ташкентскому оазису.

Как отмечалось, нам было передано три целых сосуда (рис. 2, 1—3): чаша, фляга и кружка. Чаша превосходной ручной работы, с загнутым во внутрь округлым венчиком. Она покрыта густым коричневым ангобом. Тесто тщательно промешано и хорошо

обожжено. Как внешняя, так и внутренняя поверхность залощены, причем последняя залощена небрежнее. Дно плоское, со следами песчаной подсыпки. Диаметр венчика 14 см, дна — 8,5 см, высота — 7,5 см.

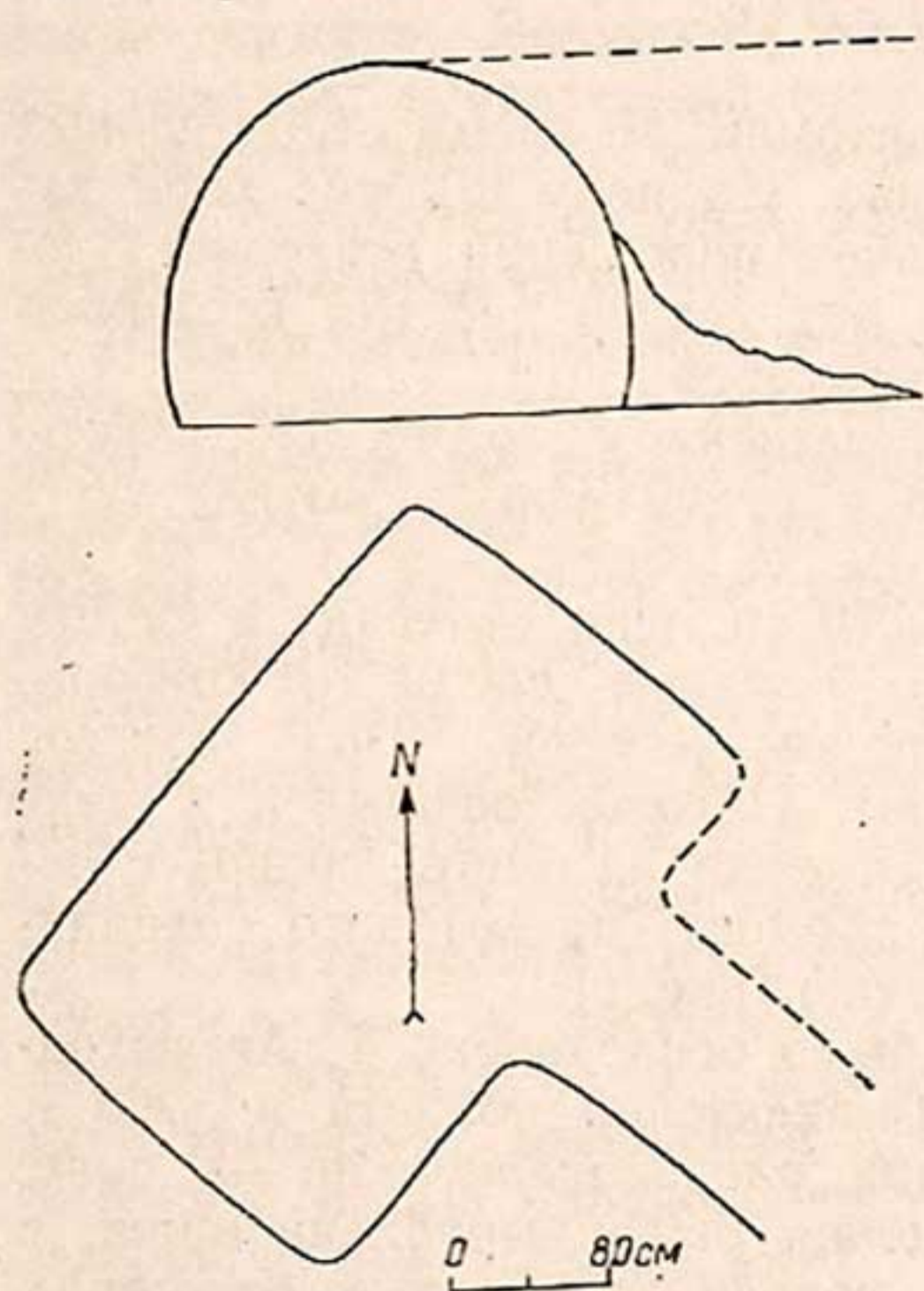

Рис. 1. План склепа.

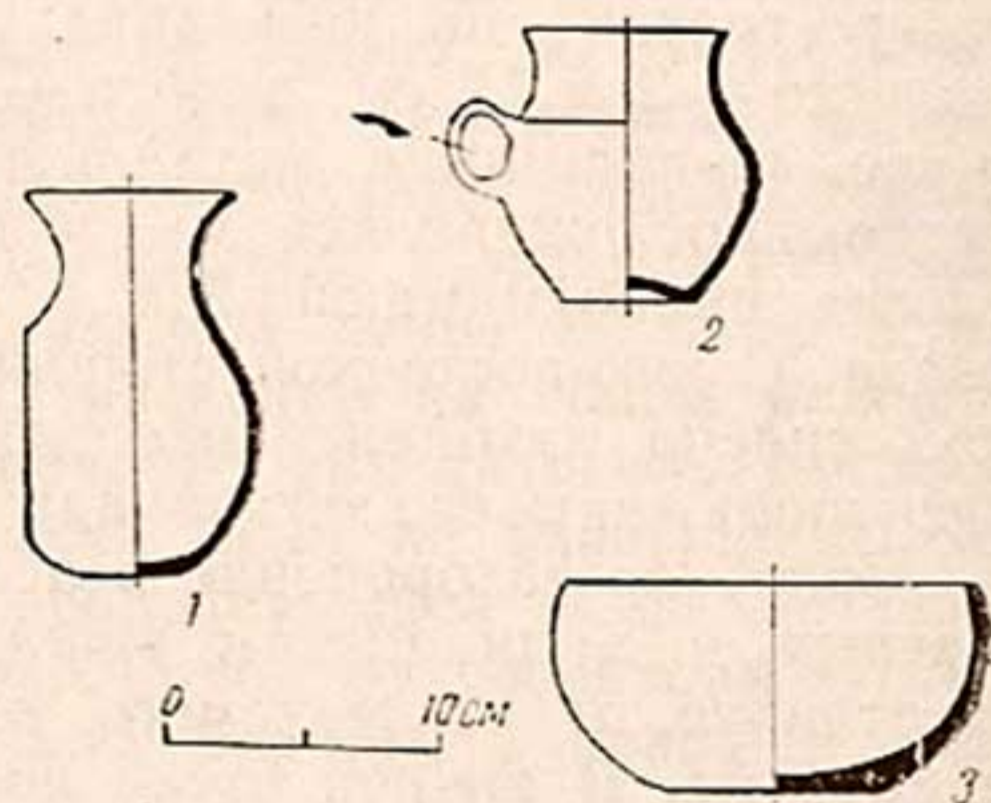

Рис. 2. Сосуды из погребения.

Фляга ручной работы с шаровидным туловом и одним плоским боком со следами песчаной подсыпки. Венчик простой формы, он отогнут наружу. Черепок плотный, равномерного обжига. Ангоб густо коричневого цвета. Вся поверхность, а также выступающая

⁵ Левина Л. М. *Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э.* М., 1971, с. 172.

⁶ Тереножкин А. И. *Памятники материальной культуры на Ташкентском канале.* — «Известия УзФАН СССР». Ташкент, 1940, № 9.

внутренняя часть горлышка залощены. Диаметр венчика 7,5 см, дна — около 5 см, боковой плоскости — около 9 см, высота — 14,5 см.

Кружка сформована на гончарном круге и покрыта ангобом коричневого цвета. Глина хорошо отмучена и равномерно обожжена. Венчик как бы продолжает горлышко и слегка отогнут наружу. Верхняя часть кружки отделяется от тулова небольшим выступом. Ручка с выступающими наружу краями, имеет петле-видную форму. Придонная часть — со следами затирки. Дно вогнутое, неровное. Диаметр венчика около 7,5 см, дна — около 5 см, высота — 10 см. На всех сосудах следы копоти. Видимо, прежде чем попасть в погребальную камеру, их использовали в быту. Однако следует отметить, что посуда подобного качества почти не встречается на поселениях этого же времени.

Наиболее близкие по форме аналогии наша керамика находит среди сосудов из могильников, расположенных к востоку от сел. Беш-бай и Ореховское⁷, в Северном Таджикистане⁸ и в 6,5 км от Ташкента⁹. При раскопках кургана № 1 могильника Акджартепа¹⁰ обнаружена фляга, подобная нашей находке. Несколько более отдаленные аналогии отмечаются на поселениях Ак-тобе-2¹¹ и в слоях, относящихся ко времени Каунчи-II¹². Таким образом, погребение можно отнести к каунчинской культуре и датировать не позднее III—IV вв. н. э.

С IV в. н. э. одновременно с катакомбными захоронениями появляются подземные склепы-наусы. Это связано с распространением зороастризма и ассуарного способа захоронения среди местных племен. Появляется тенденция к увеличению размеров погребальной камеры и превращению ее в родовой или семейный склеп¹³. В дальнейшем она стала совершенствоваться, расширяться, обкладываться каменными плитами¹⁴, а затем и сооружаться

⁷ Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., с. 164, рис. 55, 27, 41.

⁸ Литвинский Б. А. Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973, табл. 25, 2—4; 45, 24; Он же. Изучение курумов северо-восточной части Ленинабадской области в 1957 г. — В сб.: Труды АН ТаджССР. Т. 103. Душанбе, 1959, с. 123, рис. 11.

⁹ Крашениникова Н. И. К вопросу об изучении древних могильников Ташкентского оазиса. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 72; Археология Средней Азии. Вып. VII. Ташкент, 1966, с. 29, рис. 3, 1, 3.

¹⁰ Обельченко О. В. Могильник Акджартепе. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 67, рис. 5.

¹¹ Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Поселение Ак-тобе-2 (I — начало IV вв. н. э.). — В кн.: Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 50, рис. 20, 38, 41; 25, 17.

¹² Григорьев Г. В. Келесская степь в археологическом отношении. — «Известия АН КазССР». Серия археологическая. Вып. I. Алма-Ата, 1948, № 46, с. 55—56, рис. 27; с. 59—60, рис. 122.

¹³ Агзамходжаев Т. Погребальные сооружения Чирчик-Ангренской долины I—VIII вв. н. э., с. 16.

¹⁴ Агзамходжаев Т. Подземные каменные наусы около г. Ангрена. — ИМКУ. Вып. 7. Ташкент, 1966, с. 101—111.

на поверхности¹⁵. Последующее археологическое изучение данного региона позволит уточнить ареал и время распространения исследуемого способа погребения.

А. Р. БАТИРОВ

КОСТНЫЕ ОСТАНКИ ЖИВОТНЫХ ИЗ РАМИШТЕПА

Определение и статистическая обработка остеологического материала дает возможность осветить важнейшие стороны хозяйственной жизни древнего поселения, развития скотоводства, установить приемы и методы охотничьего промысла, его значение¹. Материалами данной работы послужили костные останки, обнаруженные при раскопках поселения Рамиштепа, расположенного в северной части селения Рамиш Бухарской области Ромитанского района. По данным археологических материалов, поселение Рамиштепа датируется концом IV — началом III в. до н. э. вплоть до V в. н. э. В результате раскопок выявлено 23 слоя. Наряду с археологическими находками обнаружено большое количество остеологического материала. Видовой состав домашних и диких животных определен по слоям. Всего найдено и определено 1442 кости от 145 особей:

<i>Вид животных</i>	<i>Количество</i>	
	<i>особей</i>	<i>костей</i>
Собака	2	3
Лошадь	6	30
Осел	13	23
Свинья	17	77
Мелкий рогатый скот	60	856
Крупный рогатый скот	38	393
Кулан	5	22
Кабан	1	3
Баран	1	1
Туркестанская крыса	1	1
Черепаша	1	1
Фрагменты трубчатых костей	—	32
Всего	145	1442

¹⁵ Агзамходжаев Т. Туябугузские наусы. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 71—79.

¹ См.: Громова В. И. Материалы к изучению древнейших животных Средней Азии. Ташкент, 1940; Цалкин В. И. Фауна античного и раннесредневекового Хорезма. — В сб.: Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Вып. 1. Ташкент, 1952; Шевченко А. И. К истории домашних животных Южного Туркменистана. — В сб.: Труды ЮТАКЕ. Т. 10. Ашхабад, 1960; Батыров Б. Х. Фауна млекопитающих поселения Кучук-тепа юга Узбекистана. — В кн.: Материалы XXIII научной конференции профессорско-преподавательского состава биологического факультета СамГУ. Ташкент, 1966; Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии. — МИА. Вып. 135. Л., 1966; Ермолова Н. М. Костные останки млекопитающих из

Основная масса обнаруженных костей принадлежит 6 видам домашних животных. Они составляют 93,7% от общего числа определенных особей. Среди них преобладает мелкий рогатый скот — 58% по количеству найденных костей и 42% — по количеству особей. По фрагментам роговых стержней и метоподиальных костей удалось установить, что в стаде мелкого рогатого скота 77,5% составляют овцы, 22,5% — козы. Преобладание в стаде овец объясняется, во-первых, тем, что в биологическом отношении она была более приспособленной к степным и полупустынным условиям жизни, во-вторых, от них получали не только мясо, но и высококачественную шерсть и смушку.

Судя по морфологическим признакам, возрастной состав мелкого рогатого скота был различным: из 28 исследуемых нижних челюстей 42,9% принадлежали 3—12-месячным особям и в меньшей мере — 12—24-месячным:

Состояние системы коренных зубов нижних челюстей	Возраст, месяц	Количество нижних челюстей	
		абс.	%
Отсутствует M_1	До—3	2	7,1
Есть M_1 —отсутствует M_2	3—12	12	42,9
Есть M_2 —отсутствует M_3	12—24	9	32,2
Есть M_3	Старше 24	5	17,8
Всего		28	100,0

Это говорит о том, что жители Рамиштепа в пищу использовали в основном одно- и двухлетних животных. Взрослых особей (старше двух лет), составлявших 17,8%, содержали, главным образом, для репродукции.

На поселении обнаружены также зубы, нижние челюсти, позвонки, ребра, пяточные и метоподиальные кости крупного рогатого скота. Все найденные кости сильно раздроблены, что свидетельствует об использовании мяса и костного мозга в пищу. Однако не исключено содержание крупного рогатого скота для использования в различных хозяйственных работах. Морфологические признаки указывают на наличие в стаде скота среднего размера, аналогичного найденному в древнем Хорезме².

В Рамиштепа обнаружены также кости свиньи, лошади и осла. Их количество сравнительно велико в верхних слоях (1—14). Возможно, свинью содержали для использования ее мяса в пищу. Осел и лошадь, вероятно, использовались, в основном, в транспортных и военных целях.

поселений эпохи энеолита и бронзы Южного Туркменистана.— В сб.: Каракумские древности. Вып. I. Ашхабад, 1968; Цалкин В. И. Древнейшие домашние животные Средней Азии.— Бюлл. МОИП. Стд. биологии. Т. 75. Вып. I. М., 1970; Батыров Б. Х. Фауна поселения Сапаллитепа.— ИМКУ. Вып. 11. Ташкент, 1974 и др.

² Цалкин В. И. Фауна древнего Хорезма в свете данных археологии.— МИА. Вып. 135. Л., 1966.

В нижних слоях наряду с костями домашних животных обнаружены костные останки охотничье-промысловых и диких (кулана, кабана и др.).

Остатки дикой фауны были незначительны — 6,3% от общего числа определяемых особей. Это говорит о том, что с разведением домашних животных охота отодвигалась на второй план.

Послойные определения обнаруженных костей показали, что в верхних слоях (1—14) кости домашних животных составляли 98%, кости диких животных — 2%, в нижних — соответственно 96 и 4%.

Как показало изучение костных останков в слоях памятника Рамиштепа, охота потеряла свое прежнее, превалирующее значение в экономической жизни поселения, уступив место животноводству, которое составляло основу мясного хозяйства.

Физико-географический облик окрестности поселения Рамиштепа по составу обнаруженных фаунистических комплексов можно охарактеризовать следующим образом: основу ландшафта составляли степные и полустепные участки, местами шли овраги, покрытые небольшими кустарниковыми зарослями, где можно было встретить лисиц, барсука и кабана. Для открытых местностей характерны такие животные, как кулан, баран и черепаха.

Э. В. РТВЕЛАДЗЕ

К ХАРАКТЕРИСТИКЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ЧАГАНИАНА

Раннесредневековый Чаганиан изучен крайне недостаточно в археологическом плане. Характерно, что те ученые, которые в той или иной мере затрагивали историю этой области в ранне средневековье, использовали только письменные источники¹, освещающие, в основном, лишь отдельные стороны политической истории Чаганиана. Между тем археологическое изучение раннесредневековых памятников Чаганиана является весьма важной проблемой.

Археологическое изучение раннесредневековых памятников Чаганиана начато в конце 50-х — начале 60-х годов. В результате раскопок, проведенных Л. И. Альбаумом и Б. Я. Ставским на месте будущего Сурхандарьинского водохранилища, были частично вскрыты два поселения — Чуянчитепа и Яхшибайтепа². В те же годы Г. А. Пугаченковой было обнаружено и обследовано городище Будрач, сопоставленное ею со столицей Чаганиана.

¹ См., например: Бартольд В. В. Чаганиан. — Избр. соч. Т. III. М.—Л., 1965, с. 558—559; Мандельштам А. М. Средняя Азия в VI—VII вв. — В кн.: Очерки по истории СССР. III—IX вв. М., 1958, с. 352—353; Schrieber G. Saghistan, The Encyclopaedia of Islam. V. II. Fas 23, London.

² Нильсен В. А. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. Ташкент, 1966, с. 173—177.

на³, а позже Б. А. Тургуновым и Д. Г. Сидоровым частично изучен раннесредневековый слой цитадели Дальверзинтепа⁴. В последующем Узбекистанская искусствоведческая экспедиция поставила перед собой задачу — провести широкие исследования раннесредневекового Чаганиана. На первых этапах проводилось сплошное изучение археологических памятников и составление

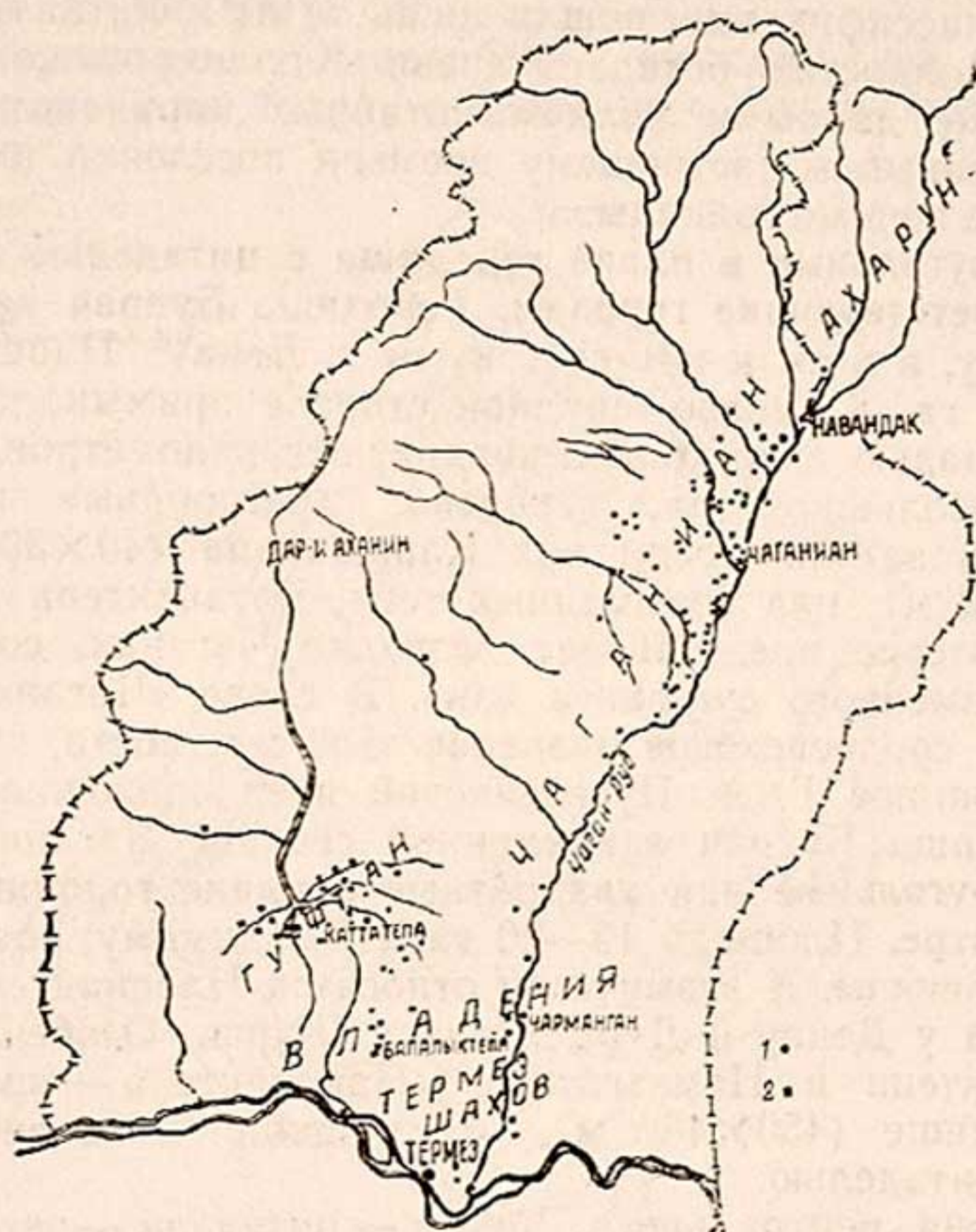

Рис. 1. Карта. Юг Узбекистана в раннем средневековье:

1 — кушанские поселения, обживаемые в раннее средневековье;
2 — раннесредневековые поселения.

на их основе историко-археологической карты Чаганиана той поры (рис. 1).

В настоящее время эта работа завершена. На территории области зафиксировано около семидесяти археологических памятников. В этот список входят также памятники, которые частично заняли территорию бывших поселений кушанского времени. К таковым относятся Дальверзинтепа, где на цитадели выявлен ран-

³ Пугаченкова Г. А. К исторической географии Чаганиана. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии. Ташкент, 1963, с. 49—65.

⁴ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966, с. 23—24.

несредневековый слой мощностью более 2 м, Культепа, Халчаян, а также ряд тепа вдоль Тентексая и в районе Миршаде.

Многие же раннесредневековые поселения, как представляется на начальном этапе их изучения, основаны на новом месте вне связи с античными поселениями. На основе визуальных наблюдений они могут быть подразделены на несколько типов, причем в данную классификацию вошли лишь те из них, от которых частично или полностью осталась древняя планировка. Мы пользовались также данными мелкомасштабных карт съемки 1950 г., где разрушенные к настоящему времени поселения имели значительно более точные границы.

1. Прямоугольные в плане городища с цитаделью в одном из углов, соответствующие городам. Городище Будрач на левом берегу Кзыл-су, в 6 км к юго-востоку от г. Денау⁵. Площадь внутри стен 50—60 га. К северо-западной стороне примыкала обширная округа площадью в несколько квадратных километров, в которую входили небольшие тепа, вероятно, пригородные и сельские усадьбы или замки. Среди них Каракезтепа (40×30 м), Культепа (50×50 м), ряд безымянных тепа, Чаганактепа (90×80 м). Большой интерес представляет название Чаганак, состоящее из «Чаган» и именного суффикса «ак». В слове «Чаган», вероятно, сохранилось средневековое название этой местности, что подкрепляет высказанное Г. А. Пугаченковой предположение о соответствии городища Будрач одноименной столице Чаганиана⁶.

2. Прямоугольные или квадратные в плане городища с цитаделью в центре. Площадь 10—20 га. По-видимому, соответствуют крупным селениям. К этому типу относятся Наванактепа у Узуна, Намазгатепа у Денау и Дурментепа у Шурчи. Особенно интересны Наванактепа и Намазгатепа. Наванактепа — квадратное в плане городище (450×450 м), с мощной и очень высокой (+17,6 м) цитаделью.

Топография центрального бугра — цитадели — четко прослеживается в Намазгатепе. В плане оно подквадратное (110×90 м), в северном углу находится холм конической формы (30×20 м) высотой до 17 м, видимо, замок. Рядом с ним с юго-восточной и юго-западной сторон располагалась ровная без всхолмлений площадь двора. Юго-западный участок тепа за двором, судя по микрорельефу, был занят жилыми или казарменными постройками. Ворота имелись одни — у замка. Цитадель обнесена мощной стеной, по углам и в центре стен фланкирована округлыми в плане башнями (рис. 2).

3. Одиночные квадратные или прямоугольные в плане тепа, возможно, кешки, имеющие обведенный рвом замок или донжон, которые обнесены стеной с башнями. Вокруг или с одной сторо-

⁵ Подробнее см.: Пугаченкова Г. А. К исторической географии Чаганиана. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 200, с. 23—24.

⁶ Там же, с. 49—65.

ны располагается неопределенного плана поселение. Площадь 0,7—1 га. (Бульбульта — 80×80 м (рис. 3, в), Сары-Мазар и Кокайтета у Шурчи — 72×72 м и др.) (см. рис. 3, г). Большой интерес вызывает Сары-Мазартепа — оно в плане прямоугольное (45×25 м), высота его более 10 м, по четырем углам — сложенные из пахсовых блоков хорошо сохранившиеся прямоугольные в плане башни (10×6 м).

4. Прямоугольные в плане тепа, состоящие из округлого в плане возвышенного бугра, соединенного узким «перешейком» с

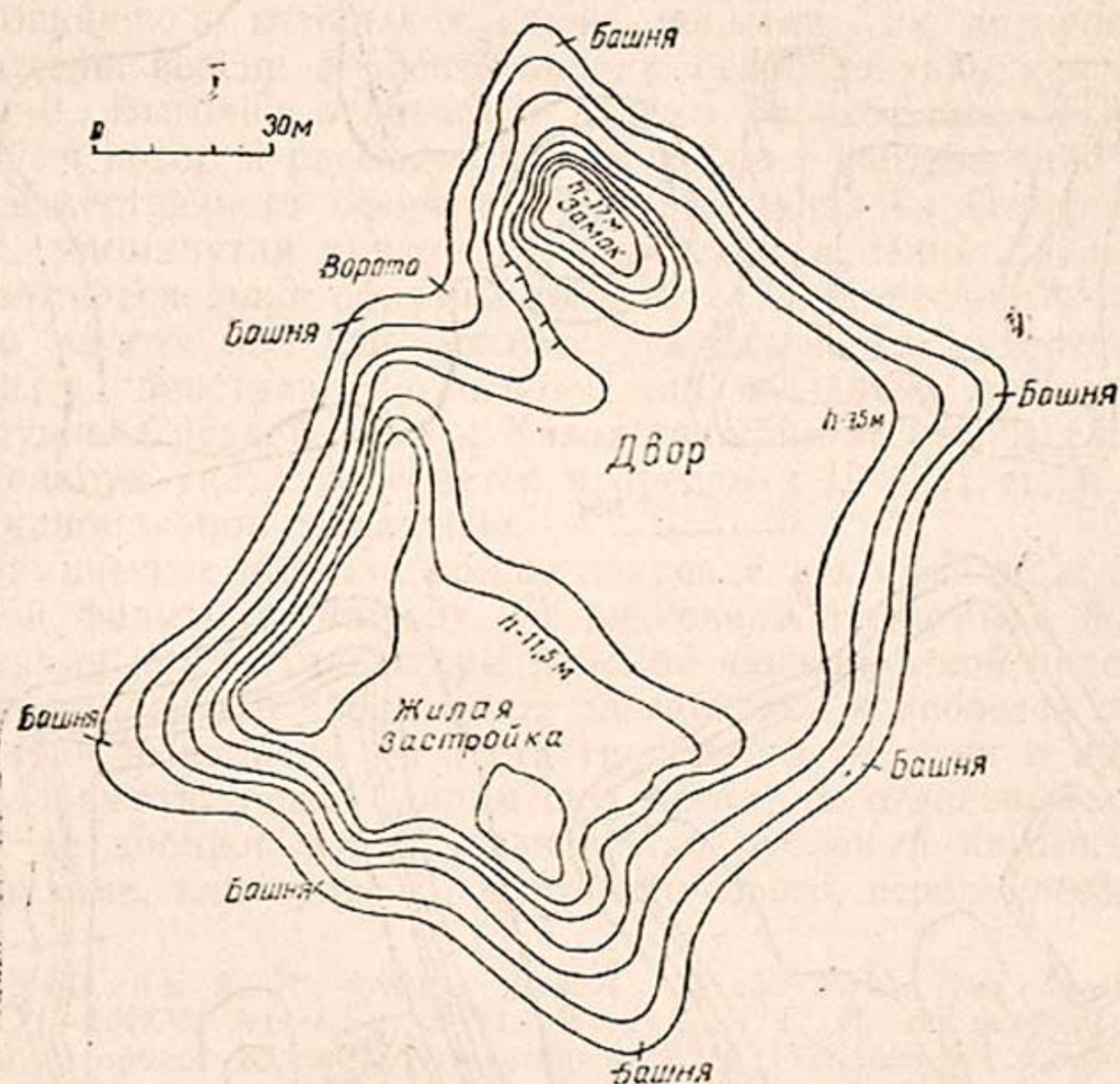

Рис. 2. План Намазгатепы.

прямоугольным или квадратным участком основного массива застройки. Площадь 0,5—0,7 га. Игризтепа (100×60 м), Сасыктепа у Шурчи соответствуют, вероятно, сельским усадьбам (см. рис. 3, б).

5. Здания специального назначения. Одно из них — Чор-гультепа II на левом берегу Тентексая — квадратное в плане (40×40 м). Оно обнесено стеной, сложенной комбинированной кладкой из сырцового кирпича размером $52 \times 26 \times 10$ см и пахсовых блоков. По четырем углам — башни. Вероятно, это был караван-сарай или рабат. Аналогичное по плану сооружение данного времени зафиксировано у городища Бабатепы в Шерабадском районе (см. рис. 3, а).

6. Культурные здания. Особый интерес вызывает Чор-Дингак, представляющий собой монолитную башню цилиндрической формы, видимо, целиком сложенную из прямоугольного сырцового кирпича размером $48 \times 24 \times 10$ см. Диаметр башни около 15 м, сохранившаяся высота 11,5 м. Конструктивные особенности позволяют считать памятник остатками буддийской ступы, так как трактовка ее как оборонительной или сторожевой башни будет

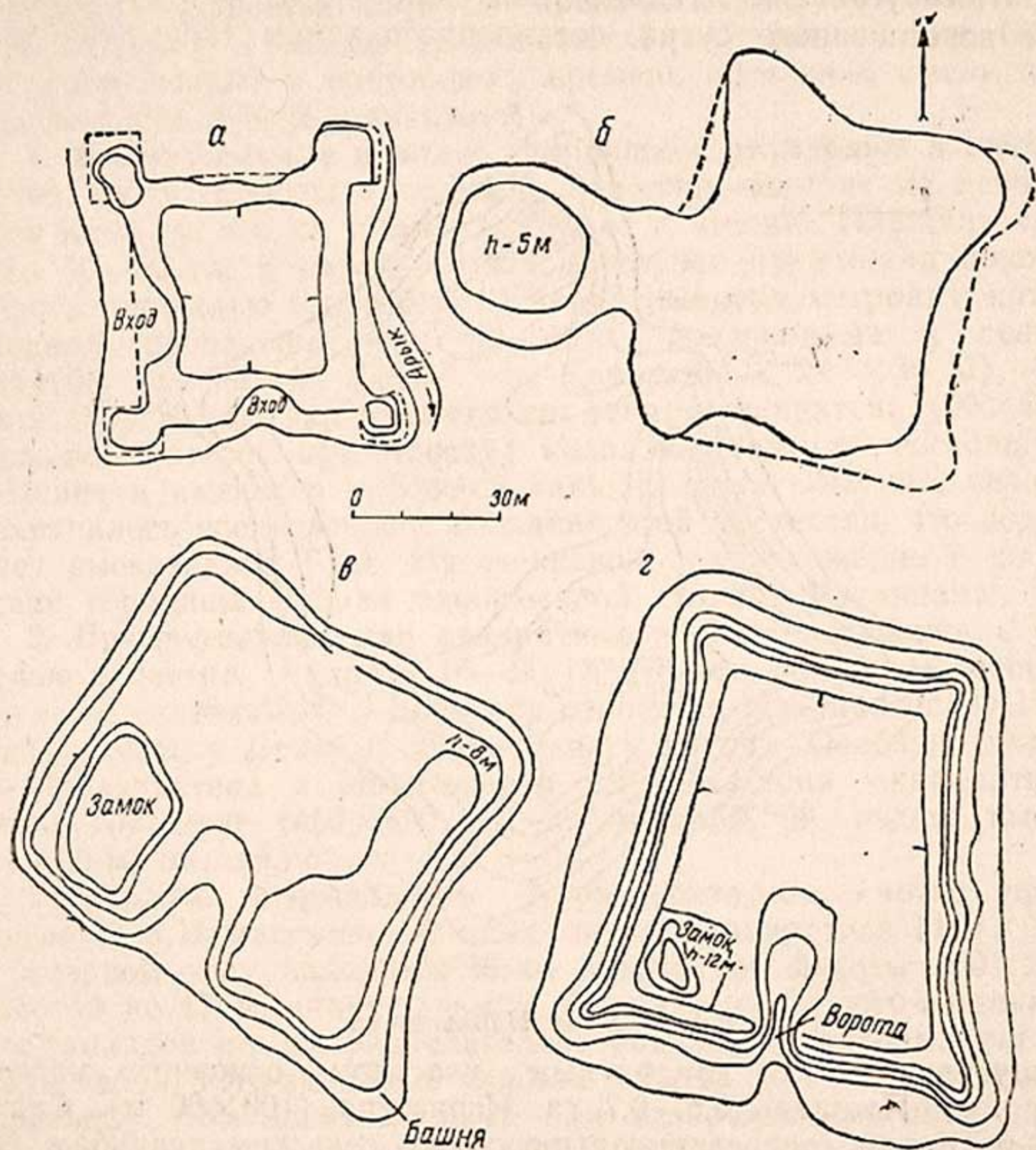

Рис. 3. План поселений Чоргультапа (а), Игризтепа (б), Бульбультапа (в) и Кокайттепа (з).

неверной, поскольку здесь отсутствуют бойницы, внутрибашенные помещения и площадки для осмотра.

Настоящая классификация не претендует на окончательное решение сложного вопроса о характере поселений раннесредневекового Чаганиана. При дальнейших исследованиях она, несомненно, будет уточнена.

О ДАСТАРХАНАХ

В археологической среде известна серия керамических приземистых столиков под названием «дастарханы». Они являются частыми находками на средневековых городищах Средней Азии и Казахстана. Однако, к сожалению, до последнего времени им не уделялось достаточного внимания: можно назвать небольшое число работ, в которых упоминается о дастарханах, и два-три исследования, в которых сделаны попытки их датировки или предложены версии относительно их использования древним населением¹. Выгодно отличается в этом плане работа Н. И. Синенькой, в которой рассматривается процесс изготовления и приемы художественного оформления дастарханов из Отрара². Между тем, упомянутая группа керамических изделий представляет собой интереснейшие образцы творчества средневековых керамистов. Во многом они еще остаются загадкой. Так, не установлен ареал их распространения, и, возможно, связанные с ним этнические группы Средней Азии и Казахстана: не выяснены ни период их бытования (дата колеблется в пределах II—XII вв. н. э.), ни их функциональное назначение.

Керамические поделки можно подразделить на 2 типа: 1) дисковидной формы на ножках; 2) дисковидной формы с бортиком по нижнему краю столешницы и полый чашеобразной подставкой. Диаметр столешниц обоих типов дастарханов колеблется от 35 до 80 см. Они выполнены из теста грубоватой отмучки с примесью дресвы, шамота, реже с примесью песка³, в отдельных случаях в качестве добавок использован мелко рубленый камыш⁴. Черепок в изломе, как правило, желтовато-серого, серого и краснова-

¹ Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14. М., 1950, табл. LXXI—LXXV; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5. Алма-Ата, 1958; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959; Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины. Фрунзе, 1963; Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе. — В сб.: ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969, с. 105—115; Левина Л. М. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. — В сб.: ТХАЭЭ. Т. VII. М., 1971; Древний Отрар. Алма-Ата, 1972; Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам. Алма-Ата, 1972; Сенигова Т. И. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972; Кабанов С. К., Филанович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. — В сб.: Афрасиаб. Вып. III. Ташкент, 1974; и т. д.

² Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 122—129.

³ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 92.

⁴ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5, с. 184.

того оттенков. Обжиг хороший, хотя иногда встречаются фрагменты со следами переобожженности или непрокаленности черепка.

Дастарханы первого типа имели три-четыре ножки высотой от 5 до 15 см, чаще конической формы, реже шаровидной или цилиндрической⁵ (рис. 1, 2). Располагались ножки либо под центром столешницы, либо у края. В основании ножек делались углубления, а поверхность покрывалась канелюрами (как, например, на дастарханах Чуйской и Таласской долин)⁶. Нижние по-

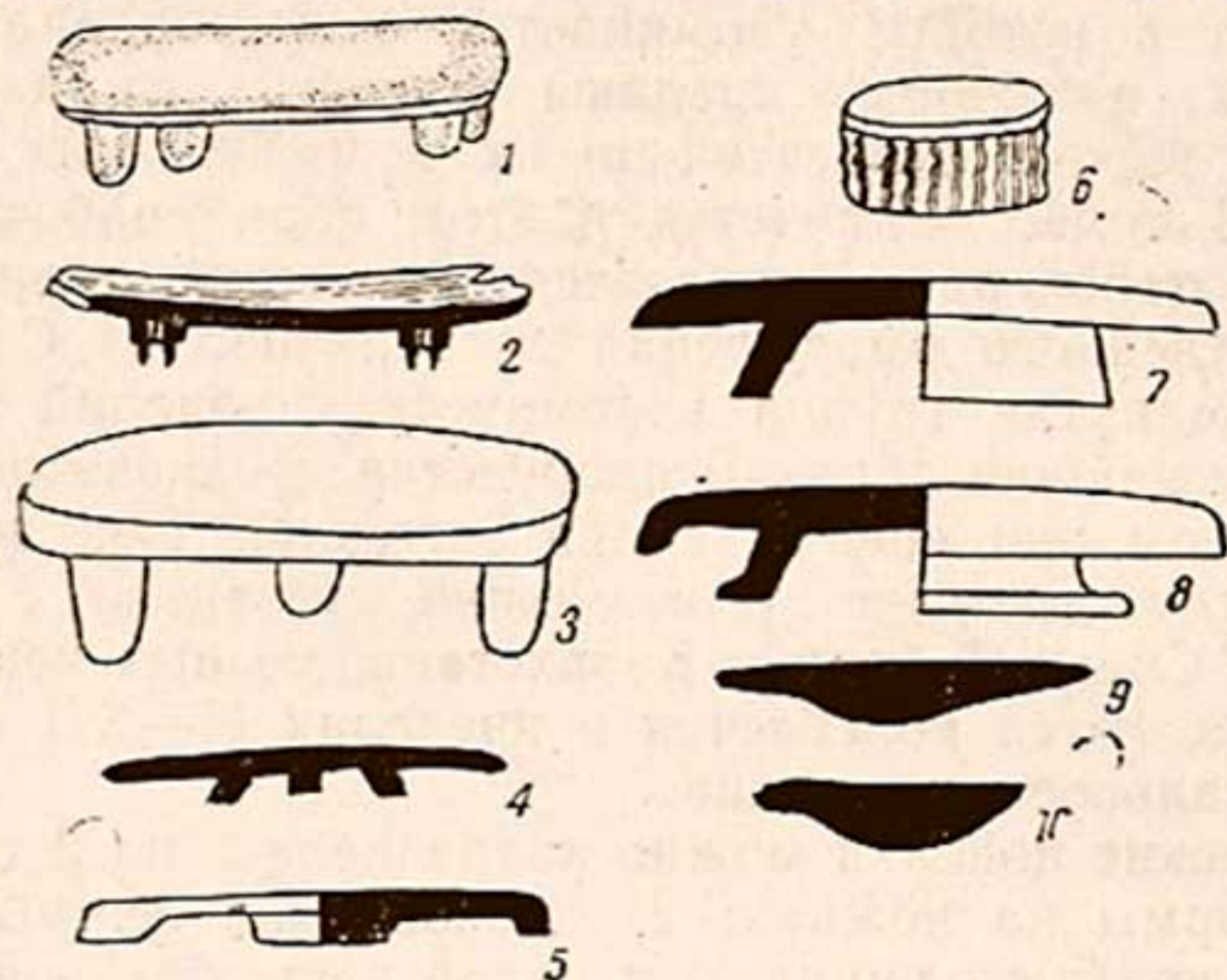

Рис. 1. Типы дастарханов:

1—каменный столбик, II—I в. до н. э., Чуйская долина; 2—деревянный столбик, I—IV в. н. э., Кенкоя, Семиречье, Кашкадарья; 3—алебастровый и керамический столбик, VI—VII в., Тараз, Согд; 4—керамический столбик, IV—VIII в., Ташкентская обл.; 5—керамический столбик, IX в., Кашкадарья; 6—керамический столбик, VII—X в., Джикель; 7—керамический столбик, VII—XI в., Киргизия, Кашкадарья, Согд, Ташкентская обл., Южный Казахстан, Фергана; 8—керамический столбик, XI—XII в., Киргизия, Кашкадарья, Согд, Ташкентская обл., Южный Казахстан, Фергана; 9—10—алебастровые дастарханы XI—XII вв., Ташкентская обл., Фергана, Кашкадарья.

верхности столешниц некоторых дастарханов украшались процарапанным орнаментом⁷. Технология производства этого типа дастарханов очень проста. Сначала на гончарном круге делали диск, затем декорировали нижнюю поверхность и перед обжигом к нему прикрепляли ножки, после чего ангобировали. О подоб-

⁵ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента. — В сб.: МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964, с. 291; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с. 42; Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса. Ташкент, 1978; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 96—98; Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14, табл. LXXIII; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — В сб.: ТКАЭЭ. Т. IV. М., 1960, с. 161; и т. д.

⁶ Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14, табл. LXXIII; Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — В сб.: ТКАЭЭ. Т. IV, с. 161; Кожемяко П. Н. Оседлые поселения Таласской долины.

⁷ Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе. — В сб.: ИМКУ. Вып. 8, с. 111.

ной технологии изготовления дастарханов свидетельствуют находки на Афрасиабе при раскопках жилого массива IX — начала XI вв., где в слое, датирующемся стратиграфическими и нумизматическими данными концом X — началом XI в., обнаружено несколько необожженных дисков — заготовок для дастарханов на ножках, лежавших на специальной глиняной площадке. Диаметр одного из дисков составил 45 см⁸.

Дастарханы на ножках были широко распространены в Таласской и Чуйской долинах, сравнительно долго бытовали там

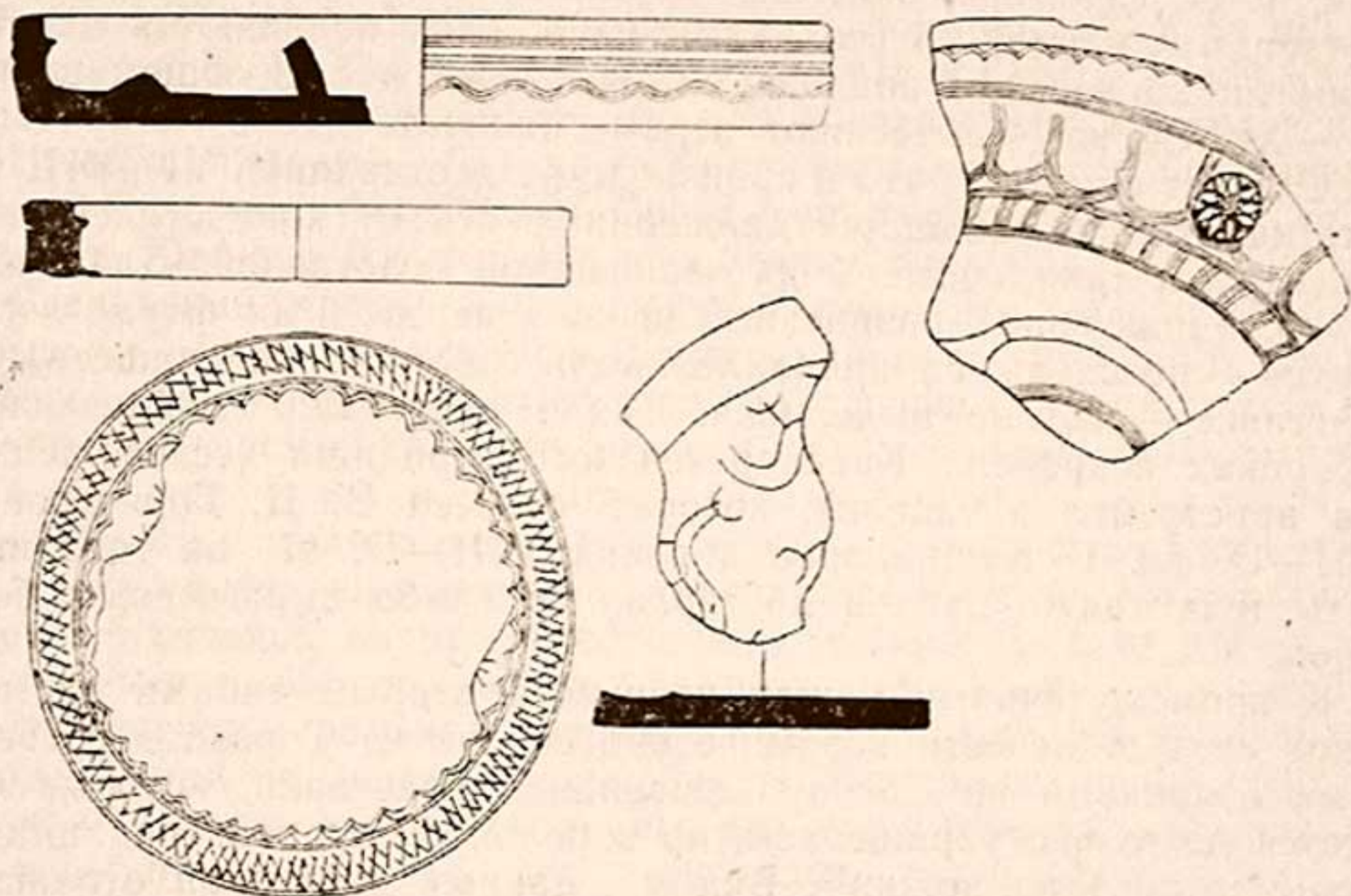

Рис. 2. Дастарханы на чашевидной подставке из Кашкадарьи X (снизу) и XII вв. (сверху).

и датируются П. Н. Кожемяко и А. Н. Бернштамом VIII—X вв.⁹ Причем, для упомянутого региона более характерны столики крупных размеров диаметром до 80 см. Образцы дастарханов на ножках известны и в Кашкадарье. Так, У. Алимов датировал культепинские дастарханы VII—VIII вв., на Алтынтепа и в Кеше они встречаются в слоях VIII—IX вв.¹⁰ В Шаш-Илакском регионе (гор. Кавардан, Бенакет), по мнению Ю. Ф. Бурякова, они появляются в III—IV вв. и особенно широко распространяются

⁸ Кабанов С. К., Филанович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, с. 68.

⁹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины; Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14, табл. LXXIII.

¹⁰ Алимов У. Раскопки на Культепа в Каршинском оазисе. — В сб.: ИМКУ. Вып. 8, с. III.

в X—XI вв.¹¹ Дастарханы этого типа встречаются в материалах с Ташкентского канала и датируются VI—VIII вв. (они имеются в собрании кафедры археологии ТашГУ им. В. И. Ленина).

В датировке дастарханов на ножках можно выделить две грани: нижнюю — III—IV вв. (именно так датируют дастарханы на ножках Т. Н. Сенигова и Ю. Ф. Буряков¹²) и верхнюю — XI в.¹³ Наибольшее распространение такие дастарханы получили в VIII—XI вв., а в IX—XI вв. они существуют одновременно с дастарханами второго типа и постепенно уступают последним. Так, Т. Н. Сенигова, описывая керамику Тараза VIII—X вв., отмечает, что наряду со столиками на ножках появляются дастарханы на коническом поддоне, которые уже в следующем периоде — X—XII вв. — вытесняют первые окончательно¹⁴.

Следует отметить, что в производстве дастарханов VI—VIII вв. уже наметилась тенденция движения ножек от края столешницы к центру, а также замены их чашевидной подставкой. Для VII—IX вв. характерно появление первых переходных форм, когда бортик — необходимая принадлежность столика на чашевидной подставке — еще не выделился. Такой дастархан найден при раскопках некрополя Краснореченского городища (северо-западная пристройка цитадели), который отнесен В. Д. Горячевой к VIII—IX вв. В Кашкадарье в слоях VIII—IX вв. на городище Алтынтепа также найден дастархан со слабо выраженным бортиком.

К промежуточному между первым и вторым типами дастарханов следует отнести керамический столик из Тараза с рельефными колонками по фасаду чашевидной подставки, которые являются не только украшением, но и реликтом старой традиции — опоры столика на ножки¹⁵. Видимо, данный дастархан отражает общую для районов Средней Азии и Казахстана тенденцию перехода от ножек к подставке.

Дастарханы второго типа чаще делались на гончарном круге и лишь изредка лепились из толстых полос глиняного теста на присыпке из мелкого речного песка¹⁶. Размер столешницы, видимо, соответствовал размеру гончарного круга, обычно не превышающего 70 см. По мнению Н. И. Синенькой, для формовки,

¹¹ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан. — В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 81.

¹² Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 97; Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан. — В сб.: ИМКУ. Вып. 13, с. 81.

¹³ Агеева Е. И., Пацевич П. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5, с. 184; Касанов С. К., Филанович М. И., Урманова М. Х. Раскопки части жилого массива IX—XI вв. — В сб.: Афрасиаб. Вып. III, с. 68; Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса, с. 25.

¹⁴ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 96—97.

¹⁵ Там же, с. 97, табл. IV, 94.

¹⁶ Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5, с. 184.

возможно, применялись специальные диски, которые накладывались сверху на гончарный круг¹⁷. Предварительная сушка, вероятно, также осуществлялась на дисках, что подтверждается этнографическими наблюдениями Е. М. Пещеровой¹⁸.

Ряд авторов считает, что столешница и подставка выполнялись отдельно¹⁹. Однако, это не бесспорно. Как показали исследования дастарханов из районов среднего течения Кашкадарьи, Северной Ферганы (Ахсыкет), Согда (Афрасиаб), чашевидную подставку могли делать непосредственно при изготовлении столешницы, для этого в центр уже почти готового диска бросали добавочный ком глины, из которого ее и формовали²⁰. Этот прием признает и Н. И. Синенькая, описывая технику изготовления дастарханов из Отрара²⁰. Вероятно, для изготовления керамических столиков применяли оба способа, но если для районов Кашкадарьи, Северной Ферганы и Согда характерен последний, то в районах Южного Казахстана преобладал первый²¹.

Следующий процесс — нанесение декора. Эту операцию продолжали перед тем, как снять дастарханы с гончарного круга. Нижняя поверхность дастарханов на чашевидной подставке в отличие от дастарханов на ножках была богато орнаментирована. Обычно декор располагался вдоль бортика и внутри подставки. Затем столики покрывали ангобом светло-серого или кремового оттенков, но, возможно, поверхность изделия приобретала подобный оттенок во время обжига, т. е. происходило высветление черепка и образовывался так называемый «ложный ангоб». После просушки рабочая сторона столика подшлифовывалась и, наконец, изделие подвергалось обжигу. Возможно, после обжига рабочая сторона дастарханов еще раз подшлифовывалась, однако, хорошо заглаженной она становилась значительно позже в процессе ее многократного использования.

Хотелось бы остановиться еще на одном обстоятельстве. Иногда к дастарханам на полой чашевидной подставке относят фрагменты крупных крышек²². Во избежание этого предлагаем

¹⁷ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 123.

¹⁸ Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 47.

¹⁹ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане, с. 92; Агеева Е. И., Пацевич Г. И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. — В сб.: ТИИАЭ АН КазССР. Т. 5, с. 184.

²⁰ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 125.

²¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с. 44.

²² Акишев К. А., Байпаков К. М., Ерзакович Л. Б. Древний Отрар. Алма-Ата, 1972, рис. 48 (3), 49(4), 59(14, 16)); Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 124, табл. 1, 5.

обращать внимание на следующие признаки: 1) рабочая поверхность столика обычно гладкая; 2) фактура черепка дастархана плотная, тесто хорошо промешанное и резко отличается от рыхлой структуры крышек; 3) диаметр чашевидной подставки не бывает менее 15 см; 4) по внешнему краю бортика нет желобка, столь характерного для крышек.

Что касается датировки дастарханов второго типа, то она занимает довольно широкий исторический промежуток — VIII—XIII вв. Так, по Т. Н. Сениговой, столики на чашевидной подставке были широко распространены в VIII—X вв., соседствуя со столиками на ножках, однако уже к X—XII вв. они начинают полностью господствовать и в керамике Тараза²³. Аналогичный процесс наблюдается и в Семиречье²⁴. Широко распространяются дастарханы этого типа в XI—XII вв. на территории Кашкадарьи, занимая значительное место в керамике²⁵. На Афрасиабе они встречаются в слоях X—XI вв., диаметр их столешниц составляет 35—45 см²⁶. В Северной Фергане, на городище Ахсыкет они фиксируются в слоях XI в. По наблюдению в средневековом Кулане в IX—X вв. дастарханы вместе с крышками составляют 10—12% всей посуды, сделанной от руки, но в XI—XII вв. происходит резкое сокращение их производства — до 2%²⁷.

Отдельную группу дастарханов составляют алебастровые столики. Их также можно подразделить на два вида: на ножках и на полый чашевидной подставке²⁸. И. Б. Бентович отмечает в обзоре керамики верхнего слоя Пянджикента наличие большого количества упомянутых дастарханов, более массивная верхняя часть которых опирается на тяжелые ножки высотой 10—12 см²⁹.

Как уже отмечалось, оборотные стороны столешниц дастарханов богато орнаментировались. Они представляют собой интересные образцы творчества средневековых мастеров.

По технике нанесения можно выделить три основных типа орнамента: 1) процарапанный; 2) штампованный; 3) сочетающий

²³ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 152.

²⁴ Агеева Е. И. Общий обзор находок. — В сб.: Археологические исследования на северных склонах Каратау. Алма-Ата, 1972, с. 193; Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14, табл. LXXI, LXXII, LXXIV, 1, 6.

²⁵ Столярова Н. П. К характеристике керамического материала XII—XIII вв. ряда памятников долины Кашкадарьи. — В сб.: Труды ТашГУ, с. 33.

²⁶ См.: Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979, табл. XXVIII.

²⁷ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане, с. 97.

²⁸ Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — В сб.: ТКАЭЭ. Т. IV. М., 1960, с. 154 (рис. 5); Давидович Е. А., Литвинский Б. А. Археологический очерк Исфаринского района. — В сб.: Труды АН ТаджССР. Т. XXXV, Сталинабад, 1955, с. 151; Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 96.

²⁹ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента. — В сб.: МИА. Вып. 124, с. 291.

штампованный и процарапанный. Кроме того, иногда любой из перечисленных орнаментов дополнялся декором в виде поясов с защипами вдоль внутреннего края бортика или подставки, а также вдавлениями от пальцев³⁰.

Процарапанный орнамент. Чаще всего это несложный линейно-геометрический орнамент, сочетающий прямые или волнистые линии, проведенные заостренной палочкой или зубчатой гребенкой. Декор располагается вдоль внешнего края бортика вокруг чашевидной подставки и внутри ее, а иногда сочетается с поясами защипов³¹. Реже его мотивами бывают растительные и зооморфные сюжеты³².

Штампованный орнамент. В основном он имеет концентрическую композицию, построенную на ритмичном повторении оттисков штампов, которые чаще выполнены техникой углубленного рельефа и реже — с вогнутым штампом³³.

Сочетание процарапанного и штампованного орнаментов. Обычно это ритмичное сочетание секторов с процарапанным орнаментом со штампом либо геометрическая композиция, выполненная процарапанным орнаментом и украшенная отдельными штампами³⁴.

Вопрос о функциональном назначении дастарханов тесно связан с временем их появления. Мнения исследователей об их функциональном назначении не едины. Как полагает А. П. Бернштам, дастарханы использовались в качестве столиков для еды, причем пищу помещали в центр полой чашевидной подставки³⁵. П. Н. Кожемяко возражает против этого предположения, так как, по его мнению, в данном случае трудно объяснить целесообразность украшения плоскости столика глубоким процарапанным или штампованным орнаментом, ибо это затрудняет выемку пищи. Кроме того, данное предположение не объясняет существования

³⁰ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 127; Максимова А. Г., Мершиев М. С., Вайнберг Б. И., Левина Л. М. Древности Чардары. Алма-Ата, 1968, с. 169.

³¹ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 127, табл. I (3); Столярова Н. П. К характеристике керамического материала XII—XIII вв. ряда памятников долины Кашкадарьи. — В сб.: Труды ТашГУ, с. 33.

³² Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 126.

³³ Там же, табл. I (2); Буряков Ю. Ф. По древним караванным путям Ташкентского оазиса, с. 25.

³⁴ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, табл. I (6); Столярова Н. П. К характеристике керамического материала XII—XIII вв. ряда памятников долины Кашкадарьи. — В сб.: Труды ТашГУ, с. 33.

³⁵ Бернштам А. Н. Чуйская долина — В сб.: МИА. Вып. 14, с. 129—130.

керамических столиков на ножках. Исходя из этого исследователь предлагает поставить столик на ножки или полую чашевидную подставку, по существу ничего не меняя в вопросе о функциональном назначении дастарханов³⁶.

Как считает ряд исследователей, помимо основной функции — трапезной, столики выполняли еще одну. Они служили украшением интерьера, выставлялись недекорированной стороной к стене³⁷, возможно, их специально помещали в ниши³⁸.

Происхождение дастарханов до настоящего времени остается неясным. Первой по данному вопросу высказалась В. И. Распопова, отмечая, что столики на трех ножках, многочисленные на городищах Согда и Семиречья в VI—VIII вв., несомненно, происходят от треногих столиков сарматского времени³⁹. Исследуя керамику верхнего слоя Тараза (II—IV вв.), Т. Н. Сенигова, подтверждая мысль В. И. Распоповой, высказывает предположение о генетической связи с предшествующей культурой⁴⁰ и о появлении дастарханов от овальных сакских каменных столиков и деревянных столиков усуней (I—V вв.)⁴¹.

Действительно, как подтверждают материалы могильников Кенкола, Западной Ферганы, Памира, довольно часты находки деревянных столиков. Так, А. Н. Бернштам выделяет два типа деревянных столиков. Первый сохранился фрагментарно и представляет собой плоскую деревянную столешницу с едва заметным бортиком, на оборотной стороне которой имеются призматические выпуклости для шипов ножек стола. Автор отмечает большую конструктивную близость описанного фрагмента со столиками из Ноинулинских курганов⁴². Ко второму типу относится столик, изготовленный из одного куска дерева. Он представляет собой эллипсовидную столешницу со слегка выгнутым верхом, поддерживаемую четырьмя массивными ножками. Внутренняя сторона столика гладко отделана. По мнению А. Н. Бернштама, он использовался при изготовлении мучных изделий и носит на себе следы соскабливания ножом приставшего теста⁴³. Для этой цели служили и деревянные столики с гладкой поверхностью и желобком по краю из могильников Западной Ферганы⁴⁴.

³⁶ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с. 42.

³⁷ Байпаков К. М. Керамика средневекового Кулана. — В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане, с. 92.

³⁸ Так поступали с парадной посудой XV—XVI вв. См.: Пугаченкова Г. А. Самаркандская керамика XV в. — В сб.: Труды САГУ. Вып. XI. Ташкент, 1950, с. 48.

³⁹ Распопова В. И. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины. — В сб.: ТКАЭЭ, Т. IV, с. 153.

⁴⁰ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз, с. 97.

⁴¹ Там же.

⁴² Бернштам А. Н. Кенкольский могильник. — В сб.: Труды Государственного Эрмитажа. Вып. II. Л., 1940, с. 19.

⁴³ Там же, с. 19.

⁴⁴ Горбунова Н. В древней Фергане. Ташкент, 1972, с. 22.

В первые века новой эры, наряду с деревянными, начинают появляться керамические и алебастровые столики, что, возможно, было попыткой заменить дерево более доступным материалом. Так, II—I веками до н. э. датируется каменный столик на четырех ножках из Чуйской долины⁴⁵, а I—II веками н. э. — керамический дастархан на трех конусовидных ножках, найденный в верхнем слое сельского поселения античного периода близ Китаба. Повсеместно же они стали появляться лишь в раннем средневековье.

Использование деревянных столиков для приготовления мучных изделий наталкивает на мысль об аналогичном функциональном назначении керамических дастарханов, а, возможно, и алебастровых. Если допустить, что дастарханы использовались для еды — трапезы, то возникает ряд вопросов: почему они низкие? На сколько персон рассчитаны? Для чего так хорошо отшлифована рабочая поверхность? Для чего рабочая поверхность дастархана была покатой, ведь фрукты или керамическая посуда могли легко упасть при малейшем неосторожном движении? Не объясняются ли эти особенности другим предназначением подделок, в частности, на наш взгляд, в результате использования дастарханов как столиков для приготовления и раскатки теста, шедшего на выделку лепешек, самсы, чучвары и прочих мучных изделий. Именно для этого нужна гладкая рабочая поверхность, которая после неоднократного использования еще более заглаживалась. Высота столиков не превышает 20 см, что создает условия для выполнения работы на корточках — факт, который подтверждается и этнографическими наблюдениями⁴⁶. Дисковидность формы, ее покатость от центра к краю — тоже не случайность, это удобно для получения тонкого слоя теста при раскатке от центра к краю, что требует минимум усилий. Все это подтверждается и тем, что дастарханы чаще всего обнаруживаются в жилых помещениях наряду с кухонной посудой и, почти как правило, у очагов⁴⁷.

Поскольку столики по назначению использовались лишь какой-то промежуток времени, то после работы они могли ставиться гладкой поверхностью к стене, что экономило место в помещении, а с другой стороны обратная орнаментированная часть столика служила в качестве декоративного элемента интерьера средневекового дома⁴⁸. Красивый столик составлял предмет гордости каждой хозяйки, видимо, этим объяснялось стремление украсить узором их обратную сторону.

⁴⁵ Бернштам А. Н. Чуйская долина. — В сб.: МИА. Вып. 14, табл. 109.

⁴⁶ Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1866, с. 86.

⁴⁷ Брыкина Г. А. Карабулак, М., 1974, с. 98.

⁴⁸ Синенькая Н. И. К вопросу о технике изготовления и приемах оформления дастарханов из Отрара. — В сб.: Прошлое Казахстана по археологическим источникам, с. 125; Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины, с. 41—44.

Этнографическими наблюдениями зафиксированы деревянные столики на низких ножках для приготовления и раскатки теста. Такие столики до настоящего времени используются в сельских районах Наманганской области, в частности, в Туракурганском районе в быту находят применение низкие деревянные столики с округлой и прямоугольной столешницей, сбитые из отдельных, но хорошо пригнанных друг к другу досок. Столешницы имеют покатуемую поверхность, образующуюся в результате их неоднократного использования. По свидетельству В. Наливкина и М. Наливкиной⁴⁹, аналогичный столик, распространенный среди ферганских узбеков, назывался «аш тахта» и служил для раскатывания теста. Такие же столики имеются в быту горных таджиков. Они предназначены для раскатывания теста при приготовлении лапши и называются «тахтан ош» либо «ош тахта»⁵⁰. Аналогичные столики под названием «хамыр тахта» бытуют и по сей день в Ташкенте и Ташкентской области.

В дореволюционной Армении также использовались подобные столики, служившие для промеса и раскатки теста на тончайшие листы. Они низкие и имели прямоугольную либо округлую поверхность⁵¹. Работа выполнялась на корточках. После использования столик ставился на бок для экономии места в жилище.

Мы не ставили перед собой цель рассмотреть эволюцию дастарханов и их орнаментики по локальным вариантам, так как, на наш взгляд, имеющийся в настоящее время опубликованный материал, касающийся серии этих предметов, недостаточен для такого исследования. Предложенная версия относительно функционального назначения и происхождения керамических и алебастровых столиков не претендует на окончательное объяснение. Дальнейшие археологические исследования позволят более полно ответить на все вопросы, связанные с группой упомянутых керамических столиков.

О. В. КИРИЛЛОВА

КАМЕННАЯ ГИРЯ С ГОРОДИЩА АФРАСИАБ

В 1959 г. на городище Афрасиаб в зольнике раскопа 9 Г. В. Шишкиной была найдена каменная гиря¹. Связанные с этой находкой слои перемещены, сопутствующий материал относится к IX в.

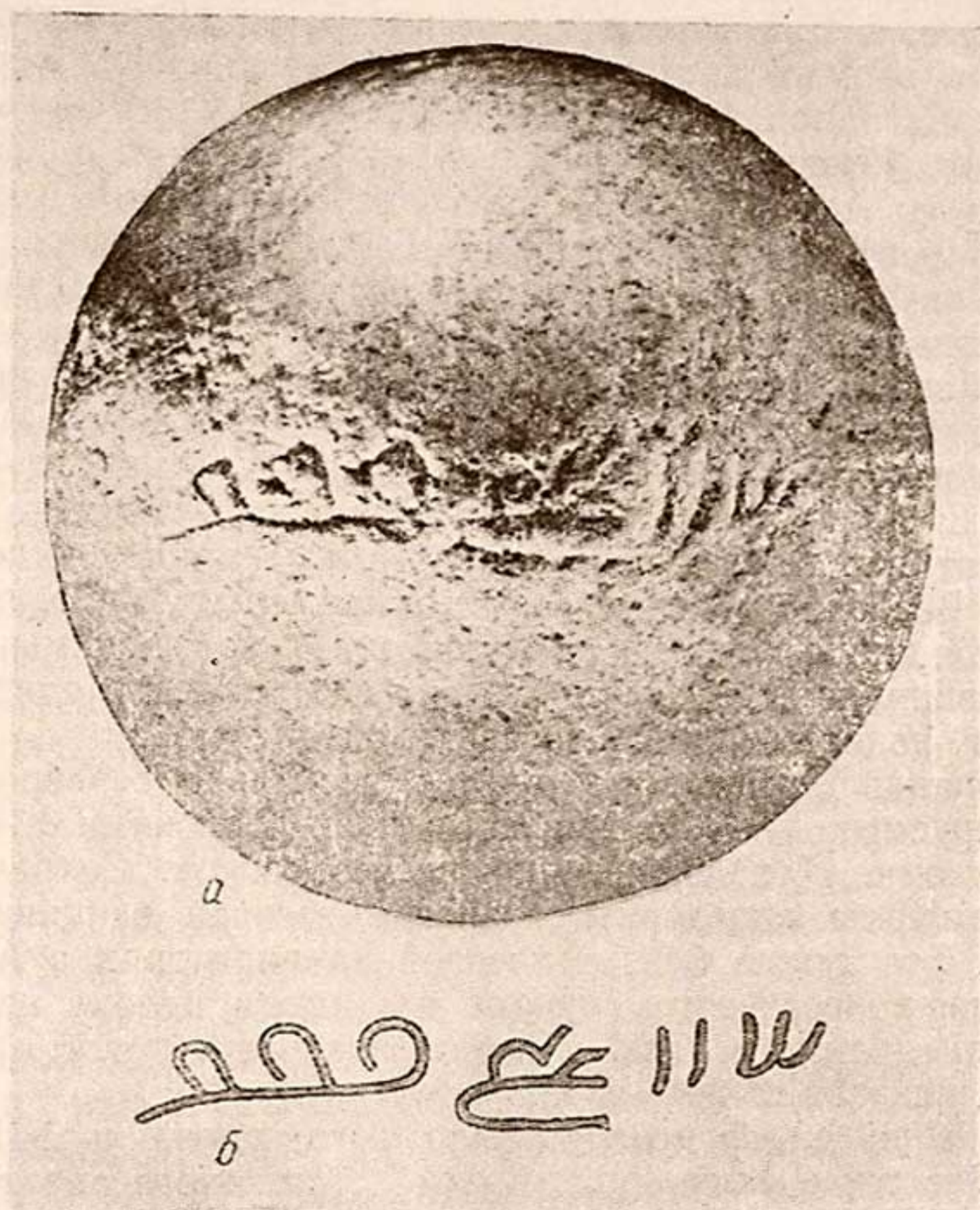
⁴⁹ См.: Наливкин В., Наливкина М. Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1866.

⁵⁰ Таджики Каратегина и Дарваза. Вып. I. Душанбе, 1966, с. 269, рис. 61, 5, 19; 70, 5—6.

⁵¹ Музей прикладного искусства в Дилижане. Дом-музей поэта Туманяна в селении Туманян Армянской ССР.

¹ Шишкина Г. В. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба. Автореферат канд. дисс. Ташкент, 1968.

Гиря (рисунок, а), изготовленная из гранитной гальки светло-серого цвета, представляет собой почти правильной формы шар (диаметр 123 мм). Галька специально отшлифована, возможно, для того, чтобы подогнать вес, который равен 2484,8 г. Незначи-

Каменная гиря с Афрасиаба.

тельные выбоинки, появившиеся на поверхности гири в результате длительного употребления, существенно не меняют ее веса.

На камне выгравирована надпись, состоящая из согдийских знаков, обозначающих вес: 5 (II III) — 100—20—20—20, т. е. 560^2 (рисунок, б). По характеру начертания цифры 20 В. А. Лившиц предполагает, что гиря может быть датирована VII—началом VIII в. Весовое значение единицы определяется отношением $2484,8 : 560$ и равно приблизительно 4,437 г.

Близкую величину весовой единицы имеют некоторые гири с городища в Пянджикенте. А. И. Исаковым на цитадели древнего

² Здесь и далее надписи прочитаны и прокомментированы В. А. Лившицем.

Пянджикента были найдены две гири³. Вес одной 200,081 г, надпись читается как 20—20—4, т. е. 44 весовые единицы, вес другой — 1530 г, надпись читается как 3—100—20—20, т. е. 340 весовых единиц. Весовая единица соответственно в первом случае равна 4,5 (4,545) г, во втором — 4,5.

В 1952 г. в Пянджикенте в одном из хозяйственных помещений ограды второго храма была найдена небольшая черная галька-гиря яйцевидной формы (вес 276,5 г)⁴ с надписью согдийскими знаками, обозначающими вес: 20—20—20—2, т. е. 62 (надпись прочитана В. А. Лившицем). Здесь же нанесены 3 горизонтальных и 16 вертикальных насечек. Гире сопутствовал материал VI—VIII вв., так она и была датирована В. А. Давидович и Б. И. Маршаком. В. А. Лившиц уточняет датировку, считая, что судя по начертанию цифры 20, гирия более ранняя, нежели все известные другие гири из Пянджикента, как и гирия с Афрасиаба. Наиболее вероятная дата ее — не позднее V — начала VI вв. По мнению Е. А. Давидович и Б. И. Маршака, надпись и насечки обозначают вес гири в разных весовых единицах — денариях и драхмах. Вес одного денария равен примерно 4,46 г, что близко весовой единице гири с Афрасиаба, вес драхмы — 3,14 г⁵. В. А. Лившиц предполагает, что весовое значение единицы, равное 4,46 г, является весовой согдийской драхмой.

В собрании Эрмитажа хранится несколько серебряных сосудов, датируемых V—VIII вв., со среднеперсидскими и согдийскими надписями. В надписях указан вес сосуда. Сохранность сосудов позволила определить значение весовой единицы: от 4,19 до 4,7 г⁶. Это также близко весовой единице гири с Афрасиаба.

Видимо, во всех этих случаях мы имеем дело с весовой или «денарской драхмой». Такое выражение встречается в трех мугских юридических документах⁷.

Итак, гирия с Афрасиаба была изготовлена в VII — начале VIII в. Вес гири, выгравированный согдийскими знаками, равен 560 «денарским драхмам».

Б. Р. АБИШЕВА

СРЕДНЕВЕКОВАЯ КЕРАМИКА ИЗ ПОЗДНИХ НАСЛОЕНИЙ ЦИТАДЕЛИ АФРАСИАБА

В 1976 г. в ходе раскопочных работ на цитадели городища Афрасиаб в ее центре был расчищен бадраб. Он выкопан в сплош-

³ Исаков А. И. Цитадель древнего Пянджикента. Душанбе, 1977, с. 153, рис. 56.

⁴ Давидович Е. А. и Маршак Б. И. Уникальная гирия VI—VIII вв. из Пянджикента. — КСИЭ. Вып. XXX. М., 1958, с. 81.

⁵ Там же, с. 84.

⁶ Лившиц В. А., Луконин В. Г. Среднеперсидские и согдийские надписи на серебряных сосудах. — ВДИ, 1964, № 3, с. 176, рис. 1—3, 8, 19.

⁷ Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. М., 1962, с. 21, 22, 31—32, 47.

ном пахсовом массиве (диаметр его 60 см) до глубины 2,5 м. Из бадраба извлечено большое количество керамики и стекла и обнаружен фрагмент изделия из кости. Наиболее многочисленный материал — глазурованная и неглазурованная керамика.

Глазурованная керамика. Большой интерес вызывает блюдо эллипсоидальной формы, с бортиком высотой 1,8—2 см. По внешней и внутренней сторонам оно покрыто желтоватой глазурью по белому ангобу. Глазурь с некоторой шероховатостью. Тыльная сторона сосуда сплошь покрыта ангобом без нанесения глазури (рисунок, 12, I. 1. ZД. а. у, 03)¹.

Наружный контур другого блюда округлый, с внутренней стороны выделен вертикальный бортик (см. рисунок, 18). К этой же группе можно отнести блюдо, отличающееся дисковидным, сильно вогнутым поддоном с кольцевым вырезом. Внутри блюдо покрыто желтоватой глазурью по белому ангобу, с наружной стороны видны пятна белого ангоба, вокруг поддона — полоса жидкого красного ангоба (теплого, нефioletового оттенка, I. 1. ZД. а. у. ф). Здесь же найдены чаша кашинная на высоком поддоне с черной росписью под голубой глазурью (III. 0. SG. ол.) (см. рисунок, 20). Изредка встречается сочетание черного цвета с синим. Утверждение Э. В. Сайко со ссылкой на В. Л. Вяткина² о существовании в Самарканде полихромной росписи подщелочной глазурью в XII в. вызвано недоразумением. В. Л. Вяткин упоминает «единственно черный цвет», употреблявшийся для росписи под голубой глазурью³, и только этот тип росписи под прозрачной бесцветной и голубой глазуриями мы находим на Афрасиабе в слоях предмонгольского времени⁴.

Найдены пиалы с высоким коническим туловом на плоском слегка выделяющемся поддоне с дисковидным вырезом. На донце одной из них следы отделения нитью. С внутренней стороны пиалы покрыты сплошь ангобом белого цвета, с внешней — только потеки ангоба. Такого типа пиалы были очень распространены в Средней Азии, особенно часто они встречались в конце IX — начале X в.⁵ (I. 1. ZA. g. y00) (см. рисунок, 1, 2).

Обнаруженные в бадрабе чираги подразделяются на три группы. Первую составляют плосковидные чираги с петлевидной ручкой, коротким примятым носиком. С внешней и внутренней сторон они покрыты светло-зеленой глазурью по белому ангобу

¹ Кодовые описания даны по кн.: Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда. Ташкент, 1979, с. 9—15.

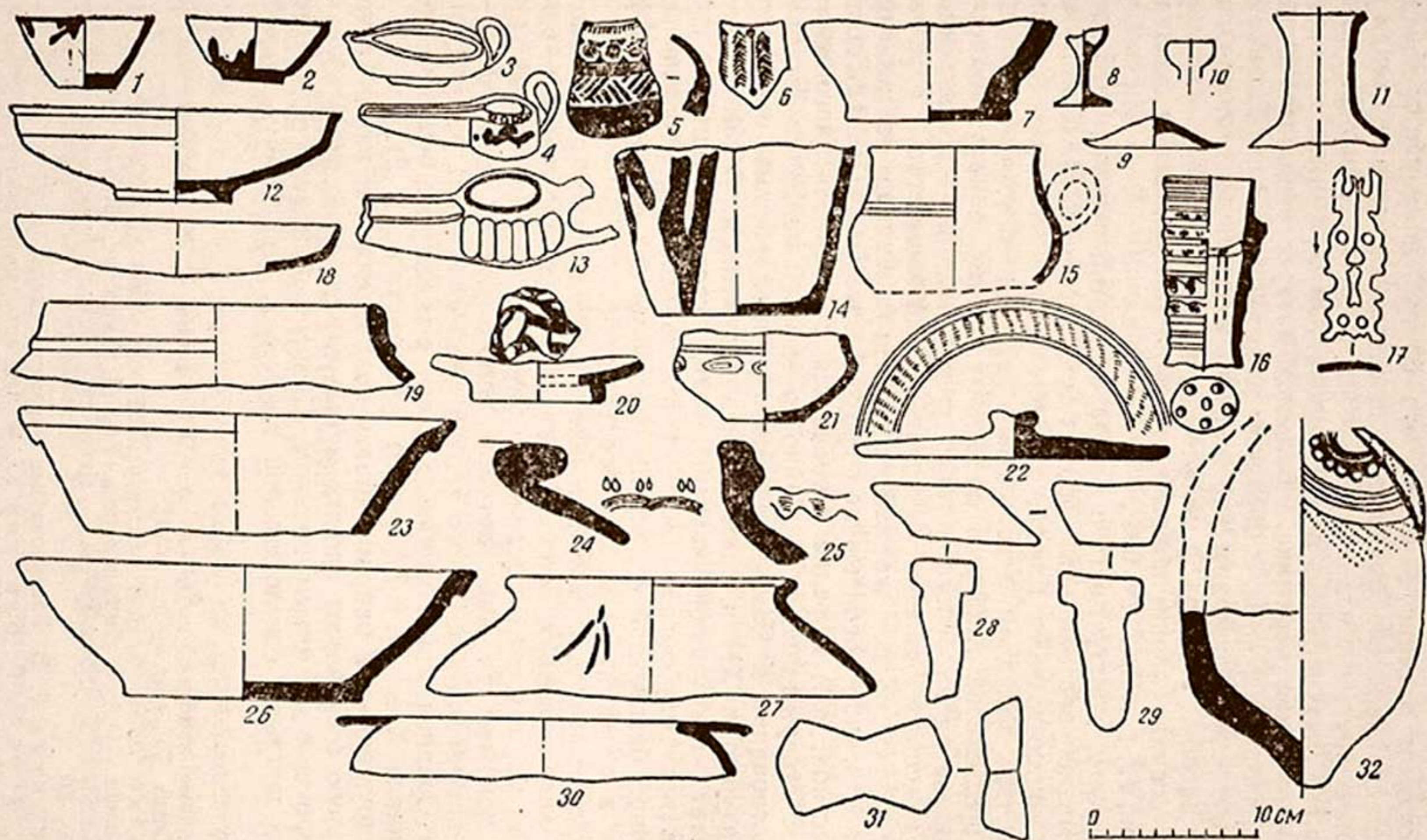
² Сайко Э. В. Краски глазурованной керамики XII—XV вв. — В сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. I. Душанбе, 1968, с. 181.

³ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда. Ташкент, 1927, с. 49—50.

⁴ Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда, с. 62.

⁵ Гулямов Я. Г., Буряков Ю. Ф. Об археологических исследованиях на городище Афрасиаб в 1967—1968 гг. — В сб.: Афрасиаб. Вып. I. Ташкент, 1969, с. 278.

Находки из бадраба.

(I. 1. ZB. a) (см. рисунок, 3). Подобные чираги могут быть датированы концом IX в. Они применялись на протяжении X в.⁶

Ко второй группе относятся чираги с цилиндрическим корпусом, удлиненным носиком и петлевидной ручкой. С внешней и внутренней сторон они покрыты прозрачной глазурью по белому ангобу (см. рисунок, 4). На плечиках темно-коричневые пятна, корпус украшает псевдоэпиграфический орнамент (I. 1. ZA. g л. б). Святильники с цилиндрическим корпусом датируются X — первой половиной XI в.⁷

Третью группу составляют чираги с граненым корпусом и удлиненным носиком. С внешней и внутренней сторон они покрыты полупрозрачной зеленой глазурью по белому ангобу (I. 0. NG. a). Встречены также чираги с желтоватой глазурью по красному ангобу (I. 2. ZD. a) (см. рисунок, 13). Чираги датированы XII в. и существовали до начала XIII в.⁸

Неглазурованная и хозяйственная керамика. Найдена тагара с резко отогнутым наружу манжетовидным венчиком, черепок в изломе красноватого цвета из хорошо отмученной глины, с обеих сторон покрыта ангобом серого цвета; на внешней стороне следы копоти. На стенке другой тагары прослежены остатки белого ганча. Вероятно, сосуд использовался при строительстве (см. рисунок, 26).

Тагары подобного типа с коническими стенками, резко отогнутым вниз манжетовидным венчиком (см. рисунок, 23) встречаются на памятниках Чача, Пенджикента и Самарканда⁹. Они датируются IX—XIII вв.

В бадрабе найдено несколько толстостенных фрагментов хумов с сильно отогнутым венчиком, покрытых ангобом белого цвета. Обжиг равномерный, красного цвета. На тулово нанесен орнамент в виде вырезанных лепестков и процарапанных волн, выполненных зубчатым инструментом, «гребешком» по сырой глине во время вращения сосуда на гончарном круге¹⁰ (см. рисунок, 24). Встречен хум с горизонтально плоским срезанным венчиком, изготовленный из теста без примесей, обжиг неравномерный, по устью нанесен фестончатый орнамент. Такие крупные хумы (диаметр 26—28 см) с орнаментированной поверхностью часто встречаются в Согде, Чаче, Хорезме. Они датируются VII—VIII вв.¹¹ (см. рисунок, 25).

⁶ Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда, с. 19, табл. XVII, рис. 73.

⁷ Там же, табл. XVII, рис. 8.

⁸ Мережин Л. Н. Керамика XII—начала XIII вв. из Старого Термеза. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. V. Ташкент, 1960, с. 185.

⁹ Лунина С. Б., Усманова З. И. Керамика с поселения Ногай-Курган близ Ташкента. — В сб.: Труды ТашГУ. Вып. 5. Ташкент, 1960, с. 168.

¹⁰ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан. — В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 77.

¹¹ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.). — В сб.: МИА. Вып. 124. М.—Л., 1964, с. 266.

Найден котел округлой формы, изготовленный из серой глины на гончарном круге с примесью дресвы. Вокруг широкого устья венчик с плоской верхней поверхностью и большим полукруглым выступом-ручкой (см. рисунок, 30)¹². Второй тип котла также выполнен из серой глины с примесью кварца. Он отличается сильно выделяющимся венчиком. По тулову — простой орнамент (несколько штрихов), нанесенный острым ножом (см. рисунок, 25)¹³.

В комплексе встречены фрагменты тонкостенных кружек с округлым туловом, завершенным почти вертикальным, слегка изогнутым бортиком (см. рисунок, 15). По верхней части тулова некоторых сосудов нанесены овальные срезы (см. рисунок, 21). Дно иногда подрезано ножом. Глина хорошего обжига, до придания ей красноватого цвета, поверхность высветлена до сероватого либо беловатого цвета. Кружки со срезами по тулову характерны для VIII в., а с гладким округлым туловом — для IX—X вв.¹⁴ Найденны отдельные фрагменты горшков, один из них в изломе красного цвета, диаметром 12 см, венчик изогнутый, валикообразный (см. рисунок, 19). Другой в изломе светловато-желтоватый, сверху вдоль устья полоса ангоба слабого коричневого цвета, в тесте — блестки слюды.

В Чаче, Самарканде и Пянджикенте нередко встречаются сосуды для процеживания с большим количеством маленьких отверстий на дне и стенках. В небольших вариантах они представляют собой неглубокую миску на подставке или на высоких ножках, либо высокий кувшин с отверстиями по всей поверхности тулова¹⁵.

В исследованном комплексе обнаружен фрагмент сосуда своеобразной, уникальной формы. Горловина кувшина высокая, внутри перегородка. Сосуд имеет шесть отверстий диаметром в 0,5 см, просверленных до обжига палочкой. Кувшин тонкостенный, сероглиняный, наружная поверхность украшена круговыми валиками, между которыми инструментом типа «гребенки» нанесен орнамент в виде волнистых линий и штрихов (см. рисунок, 16). Кувшин служил для процеживания жидкостей. В комплексе найдено несколько фрагментов кувшинов с плоским донцем и четко выделенными внутри следами гончарного круга; с внешней стороны — потеки ангоба (см. рисунок, 14, 22).

Кроме того, встречен почти целый кувшин на трех ножках с высокой горловиной. Ручка и венчик отбиты. Кувшин шаровидной формы, составлен как бы из двух полусферических частей, отдельно изготовленных в особой форме (колыб) и затем скрепленных. Место соединения обозначено валиком. Поверхность

¹² Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, с. 36, рис. 44.

¹³ Бентович И. Б. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), с. 273.

¹⁴ Шишкина Г. В. Глазурованная керамика Согда, табл. XXXV, рис. 19.

¹⁵ Пещерова Е. М. Гончарное производство Средней Азии. М.—Л., 1959, с. 254, рис. 71, 3.

сплошь украшена выпуклыми оттисками в виде звездочек. Горловина изготовлена отдельно. Она украшена круговыми бороздками, между которыми гребенчатым инструментом нанесены дуговидные штрихи. Обнаружено также несколько фрагментов, видимо, от стенок кувшина, со штампованным и процарапанным орнаментом в виде многолепестковых цветов, елочек, кружков¹⁶ (см. рисунок, 5, 6).

Встречена крышка, плоская, с цилиндрической ручкой в центре. На внешней стороне прочерченный зубчатым «гребешком» орнамент (см. рисунок, 22)¹⁷. Найден крупный фрагмент сфероконического остродонного сосуда для хранения жидкостей, масел, ртути (см. рисунок, 32). Плечики украшены орнаментом в виде концентрических кругов, в свою очередь окруженных кругами в виде мелких колечек, выполненных пунсоном. На расширенную часть горлышка нанесена полоса из косых коротких линий, также выполненных «гребенкой». Орнаментальные полосы перекрывают выступ в виде удлиненного валика, поверхность которого, как и горлышко, украшена косыми насечками.

Кроме перечисленных видов керамики, в комплекс входит несколько предметов архитектурного декора: плитки, вырезанные из жженого кирпича бантикообразной, трапециевидной, ромбообразной и четырехугольной форм, возможно, находившего применение в XI в. как декоративный материал при постройке монументальных зданий цитаделей (см. рисунок, 28, 29, 31). находка архитектурного декора в описываемом бадрабе еще раз подтверждает предположение о существовании здесь монументальных сооружений.

В бадрабе, кроме керамических изделий, найдено небольшое количество стекла: фрагменты от банкообразных стеклянных сосудов с вогнутым донцем, тонкостенное, пузырчатое, с полусферическим венчиком горлышко сосуда светло-зеленого цвета, горлышко графина с отогнутым наружу венчиком, деформированная рюмочка (см. рисунок, 8—11). Аналогичные горлышки графинов, а также сосуды с полусферическим венчиком обнаружены в слоях X—XII вв. Эти формы собраны в Самаркандском и Ташкентском музеях¹⁸.

Большой интерес вызывает фрагмент резного изделия из кости с орнаментом в виде симметрично расположенных кружков и выступов (см. рисунок, 17). Видимо, оно использовалось в качестве обкладки какого-то предмета. Поверхность оборотной стороны слегка вогнута, заглажена, местами с зеркальным блеском и

¹⁶ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве X—начале XIII вв.— В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962, с. 302, рис. 47.

¹⁷ Брыкина П. А. Карабулак. М., 1974, с. 50, рис. 32, 2.

¹⁸ Амнджанова М. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда.— В сб.: ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1962, с. 92, рис. 1, 12; с. 95, рис. 3, 24.

мелкими трещинами, это дает основание предположить о покрытии ее клеем.

Время заполнения бадраба определяется такими находками, как фрагмент кашинной керамики, конические пиалы, ангобированные с внешней и внутренней сторон и характерные для XII—начала XIII вв. Как видно из описаний, в комплексе содержатся и более ранние материалы — конца VIII в., вплоть до XII в., что свидетельствует об интенсивном обживании цитадели в эти периоды. Тот факт, что в бадрабе оказался смешанный, разновременный материал, говорит об интенсивном освоении цитадели в последний период жизни городища, т. е. в XII — начале XIII вв., когда при интенсивных земляных работах нарушались более ранние слои.

Л. Г. БРУСЕНКО, З. С. ГАЛИЕВА

МАТЕРИАЛЫ РАСКОПОК КВАРТАЛА X — НАЧАЛА XI вв. НА ГОРОДИЩЕ КАНКА

В 1976—1977 гг. на городище Канка в Шахристане III нами были произведены раскопки, в результате чего на площади около 2000 м² вскрыт жилой квартал. Он расположен рядом с улицей, ведущей от южных ворот к цитадели. В квартале выявлено до восьми хозяйств, состоящих из нескольких помещений, которые явно принадлежали мастерским по изготовлению стеклянных изделий, гончарной продукции и обработке металла¹.

Вскрытие квартала производили по одному строительному горизонту, четко датированному найденными здесь монетами в количестве до 30 в пределах второй половины X — первой половины XI вв.²

Большой интерес вызывают археологические материалы квартала: бытовая керамика, изделия из стекла, кости, металлические находки (рис. 1, 2). Разнообразна и многочисленна бытовая керамика, обнаруженная на полу и в заполнении помещений. Из сосудов, предназначенных для хранения больших емкостей, встречаются хумы, как в фрагментарном состоянии, так и целые экземпляры. Они больших размеров, изготовлены из глины с примесью шамота, сформованы в несколько приемов: сначала на шаблоне изготавливалась нижняя часть, затем наращивалась боковыми стенками и горлом. По форме горла и тулова выделяются несколько типов изделий. Первый включает сосуды с горизонтально вытянутым наружу прямоугольным венчиком и отчетливо выделенным горлом высотой 10 см, переходящим в слегка вытянутое сфероидное тулво. В нижней части сосуда выпуклый тщательно

¹ Брусенко Л. Г., Галиева З. Раскопки в шахристане III. — В сб.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 93—110.

² Определение монет произведено Б. Д. Кочневым.

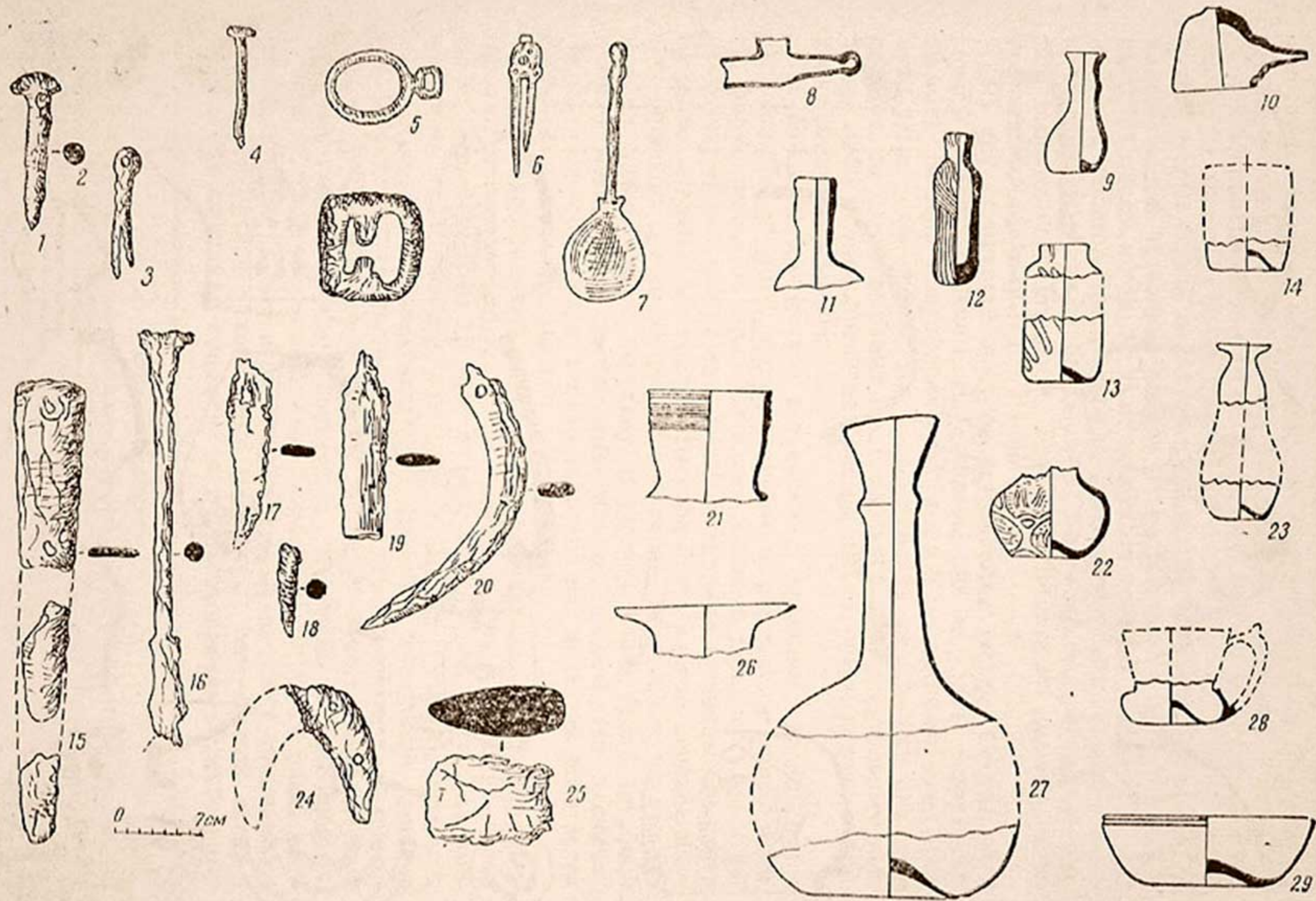
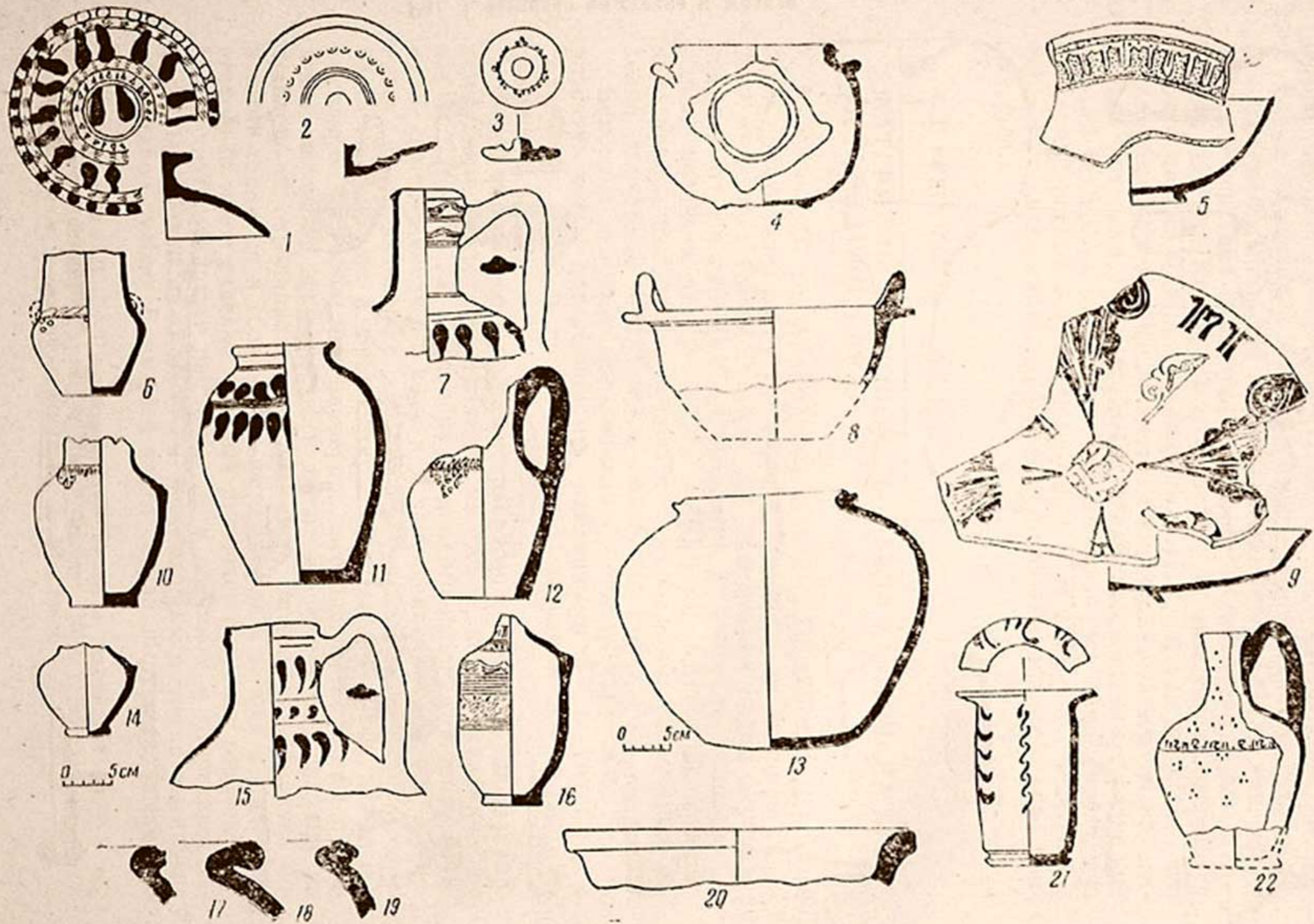

Рис. 1. Изделия из стекла и железа.

заглаженный шов, соединяющий дно с туловом. Ко второму типу относятся хумы без четко выделенной горловины с яйцевидным туловом, который завершается уплощенным широким венчиком с острой закраиной. Диаметр горла сосудов варьирует от 38 до 50 см, высота их достигает 80—100 см.

Некоторые хумы отличаются пышным богатым орнаментом, нанесенным в несколько поясов на их плечики и тулово, причем часто на одном и том же хуме сочетался резной орнамент в виде изящных побегов трилистников и лепные полосы с пальцевыми вдавлениями, а также бордюры из полос многолепестковых цветов, выполненных штампом. Эти хумы бытовали довольно продолжительное время — с VIII по XI в.

Из других крупных сосудов встречаются тагара. Сосуды этой группы немногочисленны. Изготовлены они из глины с примесью шамота, обычно полусферической формы на плоском дне. Диаметр устья — 40—42 см. По форме венчика выделяются два типа сосудов: со слабо выраженной горловиной и прямоугольным венчиком либо валикообразным краем венчика, ниже которого проходит рельефный выступ.

В большом количестве встречаются кувшины, разнообразно украшенные резным процарапанным и расписным орнаментом. По форме тулова и горла выделяются шесть типов сосудов. Охарактеризуем каждый из них. Тип I составляют кувшины без ручек со слабо выраженным горлом высотой 3 см, плавно переходящим в яйцевидное тулово на плоском поддоне. Венчик слегка отогнут наружу, имеет острую закраину. В верхней части бурой ангобной краской четко нанесены орнаментальные полосы. На плечиках сосуда роспись в виде горизонтальных рядов пятен сочетается с резными горизонтальными линиями (рис. 2, 11).

Тип II представляют одноручные кувшины с широким прямым горлом, плавно переходящим в пологие плечики высотой около 1/3 от общей высоты сосуда. Тулово яйцевидной формы на дисковидном либо плоском поддонах. Снаружи кувшины покрыты розовым ангобом, поверх которого нанесено полосчатое лощение (см. рис. 2, 10). Плечики обычно украшены резным орнаментом в виде концентрических кругов, которые иногда сочетаются с прямыми параллельными линиями и треугольными вдавлениями.

Тип III включает одноручные кувшины с широким расширяющимся горлом, плавно переходящим в приземистое с массивными стенками округлое тулово. Дно плоское с шероховатой поверхностью. На плечиках орнамент в виде скопления треугольных

Рис. 2. Керамика:

1—крышка выпуклая с ручкой-стерженьком, расписанная красной ангобной краской; 2—крышка вогнутая с резным орнаментом; 3—крышка плоская; 4, 8, 13—котлы; 5—9, 21, 22—глазурированная керамика; 6, 10—12, 14—горшки; 7—кувшин узкогорлый с ангобной росписью; 15—кувшин широкогорлый со снятым сливом; 16—кувшин с резным орнаментом, выполненным пятизубчатой гребенкой; 17—19—венчики хумов; 20—тагара; 21—тузак; 22—узкогорлый кувшин с псевдоэпиграфическим орнаментом.

вдавлений, которые сочетаются с горизонтальными полосами, состоящими из косых насечек (см. рис. 2, 12). Особый интерес вызывают кувшины со смятым венчиком — сливом и невысоким горлом, переходящим в яйцевидное тулово на плоском дне. Ребристая коленчатая ручка верхним концом прикреплена к краю венчика, нижним — к плечикам. Горло и верхняя часть сосуда орнаментированы поясами мазков, выполненных ангобной краской бурого цвета. Первый в виде запятых нанесен на плечики, выше, между врезными линиями, крапины того же цвета. Горло украшено вертикальными мазками. Кувшины аналогичной формы находили широкое распространение с VII в. в Согде, Шаше и Семиречье. По мнению В. И. Распоповой, они согдийского происхождения³. В Шаше кувшины подобного типа продолжают бытовать и позднее — в IX в., так как встречены в комплексе с раннеглазурированной керамикой⁴. В нашем комплексе они обнаружены в слое второй половины X — начала XI в. (см. рис. 2, 15).

Тип IV представляют одноручные сосуды узкогорлые либо широкогорлые, тулово цилиндрическое на плоском или дисковидном поддонах. Верхняя половина кувшинов насыщена орнаментом в виде прямых волнистых полос, прочерченных пятизубчатой гребенкой по сырой глине (см. рис. 2, 16).

Тип V составляют узкогорлые сосуды с широким яйцевидным туловом и коленчатой ручкой. Верхняя часть их украшена прочерченным линейным орнаментом, а на нижней — красные пятна с потеками. Узкое цилиндрическое горло завершается загнутым вовнутрь венчиком. Верх горла орнаментирован сочетанием волнистых и прямых линий, выполненных шестизубчатой гребенкой. Отмечается большое сходство этих кувшинов с керамическими изделиями Ферганы, лишь несколько отличающихся формой ручки: она более вертикальна, чем у ферганских кувшинов⁵ (см. рис. 2, 7).

Тип VI представляют кувшины небольших размеров с широким цилиндрическим горлом, почти сливающимся с коническим туловом. Высота тулова равна высоте горла. На плечиках кувшина маленькие петлевидные ручки. Место перехода горла в тулово орнаментировано жгутом, выполненным точечными вдавлениями (см. рис. 2, 6).

Другая распространенная форма сосудов — горшки. Обычно встречается два типа сосудов: с четко выраженным небольшим горлом высотой от 2,5 до 5 см и без горла. Диаметр устья варьирует в пределах 14—18 см. Высота горшков равна ширине горла, на плечиках прикреплялись вытянутые вверх небольшие симметричные ручки. Интересно технологическое изготовление горшков:

³ Распопова В. И. Гончарные изделия Чуйской долины. — В сб.: Труды КАЭЭ. Т. IV. М., 1960, рис. 3.

⁴ Древности Ташкента. Ташкент, 1976, с. 85, рис. 31, 10.

⁵ Брыкина Г. А. Карабулак. М., 1974, с. 46, рис. 26, 3.

они формовались в два приема. В нижней половине сосудов видны тщательно заглаженные швы. Самые близкие аналогии горшкам первого типа отмечены среди ферганской кухонной керамики⁶.

Другая многочисленная группа сосудов — котлы, употреблявшиеся для приготовления пищи. Они изготовлены из глины с большими примесями кварцевого песка либо включений известковых частиц. Некоторые котлы формовались из хорошо промытой глины без примесей.

По форме тулова и горла сосуды подразделяются на следующие группы:

Котлы с уплощенным вытянутым наружу венчиком, округлым туловом, слегка сжатым с боков. Нижняя часть сосудов изготовлена на шаблоне и имеет валик в виде кольцевого поддона. Плечики украшены волнистым процарапанным орнаментом. Аналогичные котлы обнаружены на Ахсикете: на дне одного из них изображено два выпуклых круга, вписанных один в другой⁷ (см. рис. 2, 4). В Карабулаке обнаружены котлы других вариантов оформления. Так, в центре уплощенного дна изображена тамга в виде круга, в который вписаны три валика, расходящиеся из одной точки⁸.

Котлы с прямостоящим прямоугольным в сечении венчиком, слегка отогнутым наружу и плавно переходящим в сферическое тулово. Ручки двух вариантов: либо в виде налепов с пальцевыми вмятинами у корня, либо серповидные. Подобные котлы широко распространялись в XI в. по всей Средней Азии.

Котлы с полусферическим туловом и широким горизонтально вытянутым венчиком, на котором расположены вертикально стоящие круглые ручки. Ближайшие аналогии вышеописанным типам отмечаются в Фергане⁹.

В раскопе в большом количестве встречены крышки, которые по форме можно подразделить на следующие типы:

Крышки выпуклой формы в центре, ручка — стерженек с грибовидным навершием. Изготовлены на шаблоне с песчаной подсыпкой, следы которой видны на внутренней стороне. Поверхность крышки богато украшена прочерченным орнаментом в виде концентрически расположенных полос, между которыми выполнены семизубчатой гребенкой косые вдавления и роспись красным ангобом в виде мазков (см. рис. 2, 1).

Вогнутые крышки с цилиндрической ручкой, которую обрамляет рельефный круг. Поля вогнутых крышек украшает орнамент, отличающийся многообразием. Однако почти во всех вариантах присутствовал прочерченный линейный рисунок с косы-

⁶ Там же, с. 51, 26, 2.

⁷ Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв. — В сб.: ИМКУ. Вып. 8. Ташкент, 1969, с. 149.

⁸ Брыкина Г. А. Карабулак, с. 57.

⁹ Ахраров И. Кухонная керамика Ферганы XI—XII вв., с. 147, рис. 11.

ми гребенчатыми вдавлениями и росписью мазками красным ангобом (см. рис. 2, 2).

Плоские массивные крышки. Их диаметр — 40 см. Ручки двух вариантов: либо в виде стерженька, либо петлевидная, расположенная в центре. Края крышек оформлены бортиком. Навершие и поля орнаментированы волнистой полосой, прочерченной гребенчатым инструментом. Такие крышки широко распространялись с IX по XII в. по всей территории Средней Азии.

В одном из помещений в завале обнаружено до пятидесяти сфероконических сосудов обычной формы. Валикообразное узкое горлышко переходит в удлиненное резко суживающееся тулово, которое завершается заостренным неустойчивым дном. Верхняя часть некоторых сосудов украшена горизонтальными врезными полосами. Тулово орнаментировано концентрическими кругами. Иногда рисунок выполнен в виде треугольников в сочетании с косыми вдавлениями гребенкой. В изломе сфероконусы имеют плотный мелкодисперсный черепок, который стал зеленовато-серого цвета в результате клинкерного обжига сосуда. Особый интерес представляет нижняя часть сфероконуса на плоском днище. На тулове — четыре вертикально расположенных валика. Врезной орнамент нанесен поясами: нижний состоит из треугольных и точечных вдавлений, средний заполнен в виде процарапанной волнистой линии с тройными фестонами, верхний украшала надпись на арабском языке¹⁰, которая обозначает имя, возможно, мастера, изготовившего сфероконус. Под надписью шла полоса горизонтального рифления. Судя по сохранившейся части, высота сосуда могла достигать 30 см. Такой же формы крупные сфероконусы с поддоном находили в Туркмении¹¹, а сфероконусы меньших размеров с плоским донцем — на городище Карабулак в Фергане¹².

Из лепной посуды нами обнаружены лишь два фрагмента от горшков. Черепок у них рыхлый, с большими примесями мелкого песка. Снаружи один из фрагментов покрыт густым слоем ангоба, другой — ярко-красным, поверх которого тщательно нанесено сплошное лощение.

Среди бытовых керамических находок часто встречаются жаровни полукруглой формы с невысоким бортиком. В большом количестве найдены керамические столики-дастарханы, обычно дисковидной формы диаметром 50 см, толщиной 4 см. Внешняя сторона их гладко заглажена, а с другой внутренней стороны располагались конусовидные ножки. Нижняя поверхность столика украшена штампованным орнаментом в виде кругов, заполненных трилистниками. Край столика оформлен невысоким бор-

¹⁰ В переводе означает «Бу Али Дад (Как?) ал-Фуккаи». Надпись прочтена Б. Д. Кочневым.

¹¹ Лунина С. Б. Гончарное производство в Мерве в X — начале XIII вв. — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962.

¹² Брыкина Г. А. Карабулак, с. 69, рис. 43, 1.

тиком. Этот вид изделий бытует в Шаше с III—IV вв.¹³, причем особенно широко распространялся в X—XII вв.

Интересны находки глазурованной керамики, в количественном отношении уступающие лишь неполивной посуде. Изготовлена она из хорошо промешанной глины. Черепок изделий розового цвета, равномерного обжига. Все изделия, включая и поддон, сплошь покрыты светлым ангобом. Роспись полихромная, обычно выполнена по светлому ангобу, однако встречаются фрагменты красноангобированной керамики с росписью белым ангобом под бесцветной глазурью.

По функциональному назначению поливные сосуды подразделяются на чаши, кувшины, чираги, туваки.

Чаши по форме корпуса и венчика в свою очередь подразделяются на следующие типы:

I — с полусферическим корпусом и заостренным прямым венчиком на кольцевом поддоне. Размеры устья варьируют от 10 до 34 см, высоты — от 8 до 11 см. Встречаются варианты с плавно выгнутым наружу венчиком;

II — с прямыми конически расходящимися стенками на кольцевом поддоне. Существуют варианты с резко отогнутым венчиком;

III — с изломом профиля стенки корпуса, образующие бортик высотой 4—6 см. Поддон кольцевой, вогнутый;

IV — уплощенной формы с коленчатым профилем, стенки с широким трехцветным бортиком. Изнутри поверхность чаш обычно украшена трехцветной росписью оливкового, охристо-красного и черного цветов по светлому ангобу.

Стилистические особенности орнаментов позволяют выделить несколько вариантов росписи.

Эпиграфический орнамент. Он наносится обычно в виде бордюра по краю чаши. В его основе предельно стилизованная надпись «алйумн» по двуцветной полосе. Стволы букв светлые с обводкой контура темной краской (см. рис. 2, 5). Встречаются чаши с надписью в виде прерывающихся отрезков. Буквы выполнены по светлому ангобу темной краской. Иногда светлая надпись наносилась на красный фон под прозрачной бесцветной глазурью. Поздние варианты эпиграфического орнамента представлены в виде полосы из квадратиков с ажурным рисунком, отдаленно напоминающим надпись «алйумн».

Растительный орнамент. Он характеризуется двумя видами росписи. Один представлен пышными букетами из строенных миндалевидных картушей, выполненных красным и черным цветом по белому ангобу. Букеты в центре чаш соединялись узлом. Поверх росписи нанесен процарапанный до ангоба рисунок (см. рис. 2, 9). Другой вариант представлен многолепестковыми

¹³ Буряков Ю. Ф. Археологические материалы городища Кавардан.— В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 81.

пальметтами, заполняющими все поле чаш. Они выполнены оливковым цветом по светлому фону.

Геометрический орнамент. Обычно это сложные переплетения, образованные резервированием фона. Свободное от орнамента место заполнялось точками. Роспись выполнена оливковым цветом по белому фону. В других вариантах орнамент украшен вихревой розеткой (в центре иногда в сочетании с эпиграфическим орнаментом).

В раскопе обнаружены кувшины одного типа: одноручные с узким горлом, плавно переходящим в яйцевидное тулово на четко выделенном поддоне. Верхняя половина одного из сосудов украшена оливковой росписью по светлому ангобу. Орнамент в виде лент со сложными переплетениями, образующими круги, в которые помещены трехчастные пальметты. Свободное пространство фона заполнено точками.

Другой кувшин орнаментирован более сдержанно: разбросанными строеными крапинами красного и черного цвета по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью (см. рис. 2, 22).

Туваки. Обычно они с цилиндрическим туловом и горизонтально отогнутым наружу венчиком. Корпус орнаментировался в виде несложных вертикально расположенных завитков (см. рис. 2, 21).

Чираги. Встречаются двух типов. Первый представлен полусферическим граненым корпусом, длинным прямым носиком и круглой ручкой, завершающейся листовидным навершием. Сосуды покрывались ангобом коричневого цвета под прозрачной бесцветной глазурью. Щиток ручки украшался штампованным орнаментом. Второй тип отличался темной псевдоэпиграфической надписью, нанесенной на белый фон под прозрачной бесцветной глазурью.

При раскопках квартала обнаружено два терракотовых изделия. Одно из них представляет собой фигурку человека без одежды. Сохранился лишь торс: руки, ноги, голова — отбиты. Фигурка уплощенной формы шириной в 1,5 см, высотой 5 см. В нижней части овальное углубление. Возможно, эта фигура изображала всадника.

Второе изделие в виде предельно стилизованной фигурки лошади. Общая высота ее достигает 12 см, длина 10 см. Морда коня моделирована схематически. Глаза в виде налипных уплощенных кругляшков. Маленькие уши покрыты черной ангобной краской. Круто изогнутая грива плавно переходит в туловище животного на широко расставленных конических ножках. Видны следы от некогда прикрепленной фигуры всадника. На крупе лошади сохранилось тщательно вылепленное седло из четырех округлых пластинок. В различных видах прикладного искусства у народов Средней Азии с глубокой древности находил яркое отражение образ всадника на коне, что означало почитание солнца¹⁴. Г. А. Пугаченкова на примере коропластики Мерва просле-

¹⁴ Кой Крылган Кала. — Труды ТХАЭЭ. Т. V. М., 1967, с. 203 (6), 214.

дила эволюцию этого образа от ранних, выполненных более реалистично, до поздних схематизированных примитивных фигурок¹⁵.

Самая многочисленная группа находок после керамики — изделия из железа. Из них наибольшее распространение имели черешковые ножи. Встречено три варианта таких орудий. Первый представлен однолезвийным с прямым лезвием. Сохранившаяся часть его имеет длину 12 см, ширина черешка 3 см (см. рис. 1, 19). Ко второму типу относится двухлезвийный нож небольших размеров, в сечении овальной формы. Общая длина 12 см, ширина 1,5 см, черешок не сохранился. Третий тип представлен двухлезвийным ножом длиной 35 см, шириной лезвия 3 см. В верхней части металлические стерженьки, к которым крепилась ручка. Острие ножа закругленной формы (см. рис. 1, 15). Аналогичные ножи были распространены в X—XI вв. в быту у населения во многих областях Средней Азии.

Из сельскохозяйственных орудий труда встречены серпы, обычно полукруглой формы с заостренным концом, длина их 20 см. Сохранились заклепки, которыми прикреплялись деревянная ручка к одному из концов серпа (см. рис. 1, 20).

Из других металлических изделий обнаружены топор и капкыр. Первый имеет массивный прямоугольный контур, клиновидный в сечении, длиной 9, шириной 6, толщиной 3,5 см (см. рис. 1, 25). От капкыра сохранилась ручка длиной 32 см. В нижней части она слегка приплюснута, верхний конец имеет горизонтальное утолщенное навершие¹⁶ (см. рис. 1, 16).

Из мелких железных изделий встречена подкова, изготовленная из тонкой пластины шириной 9 см, с остатками шипов на ее заоваленных краях, а также гвозди, крючки и кольца (см. рис. 1, 2, 24). Гвозди самых различных размеров — от 4 до 12 см. Стержни в сечении четырехгранной формы, навершие в виде круглой шляпки. Среди других находок металлических изделий встречаются круглые по форме кольца, представляющие собой остатки железной цепи.

Из железных украшений найдена одна пряжка, изготовленная из плоской пластины. Она квадратной формы, с двумя сообщающимися между собой овальными вырезами. Один край пряжки, к которому крепилась перегородка, несколько уплощен, другой в сечении круглый.

Кроме изделий из железа, изредка встречаются бронзовые предметы. Обнаружены игла, гвоздь, два кольца: одно круглое, диаметром 1,5 см, другое овальное, слегка вытянутое, имеющее диаметр 2,5 см. К одной из сторон припаян небольшой четырехугольник. Возможно, это изделие служило ручкой для какого-то предмета, либо являлось деталью конской сбруи (см. рис. 1, 5).

¹⁵ Пугаченкова Г. А. Коропластика Древнего Мерва. — В сб.: Труды ЮТАКЭ. Т. XI. Ашхабад, 1962, с. 160—161.

¹⁶ О подобном капкыре см.: Брыкина Г. А. Карабулак, рис. 59, 27.

Другим предметом, представленным в этой группе находок, является ручка от какого-то сосуда. Она круглая, с небольшим отростком в верхней части. Ее корень украшен врезными линиями.

Представляет интерес украшение в виде двухстержневой шпильки с полукруглым навершием и полукруглый перепончатый стерженек и ложечка (см. рис. 1, 6, 7).

Из находок предметов украшения следует отметить бусы, изготовленные из цветного непрозрачного стекла, сердолика и кашина. Форма их самая разнообразная. Преобладают бусы, изготовленные из стекла, они шаровидной формы с глазчатым орнаментом, выполненным серым и желтоватым цветом. Встречаются бусы конической и цилиндрической форм, а также с ребристой поверхностью, изготовленные из кашина. Среди украшений особенно эффектна раковина каури необычных размеров: ее длина 5, ширина 3 см. Она слегка кремоватого цвета с расплывчатыми пятнами золотисто-бежевого цвета с глянцеви́то-блестящей поверхностью.

Изделия из кости представлены гребнем и двумя шпильками. Гребень двусторонний шириной 8 см. Средняя часть его украшена врезными концентрическими кругами, высота зубцов 3 см. Высота костяных шпилек 10 см, средняя часть их украшена врезными вертикально расположенными ромбиками со сквозным отверстием. Навершие одной из шпилек оформлено в виде сжатого кулачка.

Кроме керамики, металлических изделий и предметов украшения, при раскопках жилых кварталов на городище Канка обнаружено большое число стеклянных изделий. Оттенки стекла, из которого они изготовлены, голубоватые, зеленоватые и бесцветные. В большинстве своем стекло сильно иризировано, но встречается и прозрачное хорошей сохранности.

Обнаружены остатки стеклоделательного производства: кусок шихты, деформированные изделия, кусок пенистой стеклянной массы с включением кусочков серы и кремния.

Основная масса находок — это горловины и донца от самых разнообразных сосудов. В основном преобладают донца сильно вогнутой формы, но встречаются и массивные дисковидные с закраинной поддоны с выпуклой поверхностью.

Бытовая посуда на городище Канка представлена многочисленными находками стаканов с цилиндрическим корпусом и вогнутым дном. Некоторые экземпляры украшены выпуклыми рельефными нитями. Обнаружены чаши, изготовленные из стекла темно-коричневого цвета (см. рис. 1, 29). Обычно они полусферической формы со слегка вогнутым дном с диаметром устья 12 см, высотой 7 см.

Аналогичные чаши с различными вариантами венчиков встречаются довольно часто в различных районах Средней Азии. На

Узгенском городище встречен подобный сосуд, венчик которого украшен волнистыми рядами рельефных нитей¹⁷.

Несколькими экземплярами от верхней части изделий представлены графины. Узкое горло по краю венчика сосудов обычно украшено горизонтальным рифлением. Толщина стенок изделий достигает 4 мм. Сосуды изготовлены из темно-зеленого стекла. Горловины встречаются двух форм: цилиндрической и воронкообразной (см. рис. 1, 11).

Особый интерес представляет фрагмент чернильницы темно-зеленого цвета. Сохранилась верхняя часть устья, украшенная фигурным налепом. По краю сосуда располагался бордюр из волнистых и прямых нитей.

Из других находок следует отметить кружки с уплощенным корпусом и расширяющимся широким горлом с одной ручкой, а также фрагмент плоской тарелки из прозрачного с зеленоватым оттенком стекла, дно которой украшено рельефными концентрическими кругами (см. рис. 1, 28).

В большом количестве на Канке встречены фрагменты мочевыводящих трубочек «сумак», изготовленных из светло-зеленого стекла (см. рис. 1, 8). Сохранилась лишь верхняя часть с завершением в виде шарика. Подобные изделия представлены находками с городища Афрасиаб в собрании Ташкентского музея¹⁸.

Парфюмерно-аптекарская посуда состоит из различных миниатюрных флаконов. Они представлены двумя типами. К первому относятся флаконы с узким цилиндрическим слегка вогнутым туловом, резко переходящим в прямое горло, ко второму — с грушевидным корпусом и воронкообразной горловиной (см. рис. 1, 9, 11—13, 23). Корпус флаконов первого типа богато украшен косым рифлением. Подобный сосуд, только с более расширенным корпусом, найден на Афрасиабе¹⁹. Несколько форм представлено в коллекции собрания Ташкентского музея²⁰. Второй тип часто встречается в коллекциях археологического материала XI в. с городища Ахсикет.

Химическая посуда представлена колбами различной высоты — от 6 до 30 см. Обычно это шарообразный сосуд с вогнутым дном и высоким узким горлом, заканчивающимся воронкообразным венчиком, один край которого завышен. Диаметр горла от 2 до 4 см, высота занимает 1/2 общей высоты сосуда. Под венчиком валикообразные утолщения (см. рис. 1, 27). Точно такая

¹⁷ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963, с. 103, рис. 10, 2.

¹⁸ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда. Ташкент, 1926, рис. 77—79; Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье, рис. 29.

¹⁹ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище былого Самарканда, рис. 75.

²⁰ Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье, рис. 26.

же колба опубликована В. Л. Вяткиным²¹. Подобные сосуды с различными вариантами венчиков широко распространены в различных районах Средней Азии²². На городище часто встречаются сосуды формы «аламбик». Они изготовлены из светло-зеленого пузырчатого стекла и имеют форму стаканов с отводом в виде трубки. Аналогичные сосуды описаны М. Аминджановой (см. рис. 1, 10)²³.

Как показывает анализ археологического материала, несмотря на то, что в квартале стратиграфически просматриваются два строительных периода, относящихся ко времени возведения жилых построек, а также ремонтных сооружений и периода запустения квартала, особых различий в комплексах керамики, добытой с уровней полов и слоя заполнения, не отмечено.

Археологические находки остатков производственной деятельности жителей квартала указывают на его ремесленный характер.

Л. Ю. МАНЬКОВСКАЯ

ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРХИТЕКТУРЫ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Как показывает обзор исследований в области истории средневековой архитектуры Средней Азии, накоплена обширнейшая информация, позволяющая проследить целый ряд факторов так или иначе связанных с формообразованием (местные ресурсы строительных материалов, конструкции, влияние научного познания законов геометрии и механики, генетические и миграционные моменты, и пр.), не проясняя системы его в целом. Кроме того, к настоящему моменту образовался огромный фонд фиксаций сохранившихся памятников Средней Азии, изученных сотрудниками многочисленных архитектурных и археологических экспедиций, учреждений охраны и реставрации памятников, а также нами в ходе практической работы над составлением свода памятников художественной культуры, осуществляемой Институтом искусствоведения имени Хамзы, который требует систематизации и осмысления.

Очевидно, что в изучении архитектурного наследия Средней Азии наступил момент, характерный для многих отраслей знания: «взрыв информации» и осознание необходимости сквозного теоретического анализа, воссоединяющего разрозненные явления в систему, которая позволила бы реконструировать теорию фор-

²¹ Вяткин В. Л. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, рис. 72.

²² Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие в Средней Азии в древности и средневековье, рис. 10, 1.

²³ Аминджанова М. Средневековые сосуды из музеев Ташкента, Самарканда. — ИМКУ. Вып. 3. Ташкент, 1963, с. 103, рис. 10, 2.

мообразования средневекового зодчества. Толчок к изучению системы дает, как правило, поток массового материала, в котором методы изучения отдельных объектов оказываются бессильными, что характерно для многих наук на сегодняшнем этапе. Условия массового изучения архитектурных памятников к Своду требуют исследования теоретических основ наследия и разработки его классификации. Предпосылкой к этому является также опыт системного анализа в других науках.

Архитектура — сложное материально-художественное единство, которое достигается маневрированием ограниченным числом типизированных форм. Поэтому изучение специфических законов развития формы в архитектуре лежит через общие закономерности образования систем из ограниченного числа элементов. Однако существовала ли подобная теория в средневековой архитектурной науке Средней Азии? Без прояснения этого вопроса наши попытки классификации могут показаться искусственно привнесенными из современности. Несмотря на то, что специальных трудов в области архитектуры не обнаружено, изучение философских воззрений ученых-энциклопедистов Ибн Сины, Абу Райхана Беруни и др. свидетельствуют о том, что общая теория классификации разрабатывалась; наиболее полное ее выражение имеется в философских трудах аль-Фараби.

Фараби предлагает два метода классификации при изучении предмета: «Анализ вынуждает нас классифицировать элементы в порядке, в котором эти элементы нам известны. Синтез, наоборот, классифицирует элементы согласно порядку, в котором они действительно существуют...»¹. Анализ — первая стадия изучения — ведется, по Фараби, на основе взаимосвязи и соподчинения явлений: «Из двух универсалий более общая служит родом, а более частная — видом. Самая общая универсалия, выше которой нет (других универсалий), есть их высший род, а самая частная, ниже которой нет (других универсалий), — последний вид»².

Основанием классификации, по Фараби, служат качественные отличия: «...Система и порядок, коих должен придерживаться отвечающий на вопрос «какой» — должны соблюдаться тем, кто делит на его виды до тех пор, пока он не дойдет до вида, определения которого мы ищем...»³ Категории классификации обозначались терминами «джинс» — род, «нау» — вид, «дарб» — тип⁴. Особый интерес представляет внутривидовое деление: «Род делится посредством различающих признаков..., (при этом) с необходимостью доходят до видов... Деление же рода посредством

¹ Аль-Фараби. Трактат о музыке. — В кн.: Математические трактаты. Алма-Ата, 1972, с. 263, прим. 9.

² Аль-Фараби. Книга Эйсагоге. — В кн.: Логические трактаты. Алма-Ата, 1975, с. 126.

³ Там же, с. 142.

⁴ Там же, с. 591, прим. 8; с. 593.

случайных признаков не приводит с необходимостью к искомым видам»⁵.

Исключительно важным представляется учение Фараби о положении тел в пространстве по отношению друг к другу, устанавливающее поистине глобальную классификацию естественной и искусственной среды: человек «находится в известном помещении данного дома, и в известном доме данного города, и в известной стране, образующей часть обитаемого мира, и в обитаемой части земли, являющейся частью Вселенной»⁶. «...Тела в мире, сходясь или расходясь друг с другом, как бы образуют части этого мира, как целого...»⁷ Объясняя категории претерпевания действия, Фараби прямо обращается к процессу строительства дома, который «...постепенно, мало по малу, часть за частью непрерывно воздвигается, пока (наконец) не становится домом»⁸. Эта часть философского учения была доступна сословию, составляющему слой интеллигенции, в числе которых были и «мухандисы» (т. е. инженеры и архитекторы), и могла найти приложение в теории средневековой архитектуры⁹.

В эпоху научно-технической революции количественный фактор — накопление информации — привел к качественному пере рождению наук, которые одна за другой переходят на новый методологический уровень — системного анализа. В исследованиях различаются два этапа:

а) семиотический, который изучает качественный — статический аспект любой системы, причем его задачей является изучение структур и структурных закономерностей явлений; исследование структур и их систем сейчас — характерная черта и частных наук, и их общего ядра — марксистско-ленинской философии¹⁰;

б) кибернетический, изучающий внутренние связи системы и динамику эволюции, что ведет к управлению системами¹¹. Общая теория систем формулирует этапность познания предмета так: 1) представить предмет в виде единства, образованного элементами, связанными взаимодействиями; 2) получить систему объектов данного рода, то есть классификацию; 3) обнаружить в системе-классификации способы порождения подсистем, изо- и полиморфизм, симметрию и асимметрию; 4) установить связь с другими системами; 5) решать задачи, делать предсказания и открытия, объяснять явления. Эти основные методические прин-

⁵ Там же, с. 147.

⁶ Аль-Фараби. Книга «Катагурийас». — В кн.: Логические трактаты. Алма-Ата, 1975, с. 200.

⁷ Там же, с. 202—203.

⁸ Там же, с. 207.

⁹ Булатов М. С. Геометрическая гармонизация в архитектуре Средней Азии X—XV вв. М., 1978.

¹⁰ Горский Д. П., Уёмов А. Н. Предисловие к сб. «Системный анализ и научное знание». М., 1978, с. 5.

¹¹ Степанов Ю. С. Семiotика. М., 1971, с. 1.

ципы по-разному приемлемы в изучении различных отраслей знания. Наибольшую разработку система-классификация получила в биологии. Деление первоначально производилось по морфологическому признаку, различию и сходству форм организмов. Современная систематика в биологии вскрывает механизм видообразования сочетанием сравнительной анатомии (по форме) и способов функционирования организмов.

В археологии в основу классификации в соответствии с задачами исследования кладется один из ведущих принципов расположения материала: хронологический, территориальный или, чаще всего, формально-типологический. Общей теории классификации в археологии при этом пока не разработано, но эмпирическая, интуитивная классификация выполняется путем членения материала на равноценные группы — «типы», присутствуя в каждом исследовании, как его субъективный инструмент¹². Существенными признаками для выделения типов остаются функциональный и морфологический, образующие устойчивые сочетания.

В современной архитектуре системы классификации зданий и сооружений исторически менялись. С начала 1970-х годов в се основу было положено органическое единство утилитарной и художественной функций, а с ним — комплексное проектирование города, микрорайона, здания, как системы, что приводит к перестройке и совершенствованию самой теории проектирования. Методика системного анализа уже вошла в программу архитектурного образования¹³. Исследуемая система дифференцируется по системообразующему признаку (структура) с установлением порядка соподчинения элементов, что позволяет глубоко проникнуть в сущность изучаемого объекта, создать его теоретическую модель. Средством анализа является «структурный граф» (или матрица), выделяющий уровни логических категорий от общих к частным¹⁴.

В основу классификации современной архитектуры кладется функциональный признак, учитывающий многообразие жизненных процессов развитого социалистического общества и типизацию форм зданий. В области архитектуры Востока первая попытка классификации была предпринята Д. Уилбером по отношению к памятникам XIII—XIV в. в Иране¹⁵. Он выделяет среди памятников ильханидского Ирана как классы культовые и гражданские здания, а типами называет функциональные подразделения внутри классов (медресе, мечети, мавзолеи и пр.). Среди них различаются виды — по архитектурному признаку («стан-

¹² Каменецкий И. С., Маршак Б. И., Шер Я. А. Анализ археологических источников. М., 1975, с. 78.

¹³ Авдоткин Л. Н. Применение вычислительной техники и моделирования в архитектурном проектировании (Учебное пособие для студентов вузов по специальности «Архитектура»). М., 1978, с. 58.

¹⁴ Там же, с. 69.

¹⁵ Wilber D. The architecture of Inlami Iran. The Il-khanid period. Princeton, 1955.

дартный» или нестандартный план). При всей схематичности этой классификации следует отметить ее основной принцип: крупные и средние градации имеют функциональный, а мелкие — композиционно-типологический характер. Так же принято располагать памятники в трудах по среднеазиатскому и азербайджанскому зодчеству, хотя единообразие и последовательность функциональных членений не соблюдается: культовые здания могут отделяться от мемориальных (также явно культовых), общественные здания рассматриваются отдельно от культовых, хотя среди культовых преобладают именно общественные здания¹⁶. На уровне архитектурных типов зачастую соединяются понятия функциональных и композиционных градаций. Так, тип джумамечети ассоциируется с дворовой композицией, в то время как практически эти функции могли обслуживаться другими формами зданий.

Была предпринята также попытка чисто формальной классификации, обусловленная задачей исследования искусства композиции в архитектуре Азербайджана¹⁷, в которой в одну и ту же типологическую категорию (линейные, центрические или комбинированные здания) попали объекты совершенно различного назначения (например, мечети и бани). Этот подход в приложении к исторической архитектуре неправомерен: при одинаковом принципе организации, например дворовом, дворцы, мечети, медресе, караван-сарай обладают специфическими различиями, связанными с исполнением разных функций. Подобный подход допустим лишь как этап осмысления формальной типологии.

Принципы классификации памятников архитектуры, предложенной Научно-методическим Советом СССР для свода памятников, в настоящее время строятся по функциональному признаку, отражающему социальные процессы в жизни общества и современную направленность теории архитектуры: понимание архитектуры как комплексной искусственной среды, создаваемой человеком в городах и за их пределами, в области архитектурно-художественного и инженерного творчества, что и обеспечивает выполнение задачи тотального учета недвижимых памятников всех категорий. Все многообразие памятников истории и культуры классифицируется, исходя из основного положения: все памятники есть явление социальное и, следовательно, должны рассматриваться в соответствии с процессом общественного развития¹⁸.

---

¹⁶ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана. М., 1965; Усейнов М. А., Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В. Архитектура Азербайджана. Всеобщая история архитектуры (ВИА). В 12-ти т. Т. 8. М., 1969, с. 365—427.

¹⁷ Мамиконов Л. Г. Искусство композиции в архитектуре Азербайджана. Автореферат докт. дисс. Л., 1975.

¹⁸ Методические рекомендации по подготовке свода памятников истории и культуры СССР. Вып. 3. М., 1972, с. 91.

Однако названия групп и архитектурная типология РСФСР не соответствуют специфике среднеазиатского региона, особенно в более мелких градациях, связанных с конкретным содержа-

Таблица 1

Формообразование как система

Факторы формообразования и их составляющие			
Природа — ста- бильный фактор	Освоение естест- венной среды	Выбор участков строительства Природные ре- сурсы	Ориентация Ландшафт Свойства вод Свойства материалов
	Конструкции	Монолитные Каркас	Стены + купола Стены + балки Столпно-купольный Столбно-балочный
	Геометрические тела и фигуры. Способы члене- ния простран- ства	Научное позна- ния объектив- ных свойств тел Образно-мифоло- гическая симво- лика	Математика Механика Философия Числовые суеверия, культовая образ- ность
Общество — отно- сительно стабиль- ный фактор (в пределах исто- рической фор- мации)	Социальные функции архи- тектуры	Градостроитель- ство Гражданские зда- ния и сооруже- ния Культовые зда- ния	Комплексы, ансамбли, города Жилые Общественные Общественные Мемориальные
	Эстетические функции архи- тектуры	Идеология обще- ства: система об- разных средств	Выразительность: ти- пологическая и об- разная Традиции, школы, стиль, знаковые сис- темы
Человек — пере- менный фактор	Мировоззрение, как члена об- щества	Общественное по- ложение	Общее образование Социальные уста- новки Одаренность
		Свойства лич- ности	Нравственные ка- чества Специальное образо- вание
		Творческий метод	Рабочие методы про- ектирования Кредо, новаторство, традиции

нием архитектурного наследия; стоит задача разработки систе-
мы-классификации для среднеазиатского региона. Она выпол-
няется нами, исходя из конкретного состава изученного насле-
дия, на уровне семиотическом, поскольку попытка общей систе-

матизации архитектурного наследия Средней Азии предпринимается впервые.

Выявлено, что области разработки типов зданий лежат, главным образом, в сфере общества и природы (конструкции, геометрии форм и пространства, социальные функции архитектуры). Данные табл. 1 дают возможность установить основные признаки деления в классификации зданий — по функциям и форме — в их общем виде. Очевидно, что установление развернутой архитектурной типологии требует детальной разработки объекта композиции, как системы. Представим ее также в виде логической схемы (см. на стр. 143).

В свете поставленной задачи — найти комплекс средств, слагающих архитектурный тип здания, к существенным признакам (различительным, диагностическим) можно отнести весь состав компонентов композиции, связанных с внутренней формой, обслуживающей жизненные процессы, которая образует устойчивые объемно-пространственные структуры. Несущественными показателями при этом оказываются: количественные — тип здания сохраняется независимо от его абсолютных размеров; хронологические — тип проходит, нередко, сквозь века не только в пределах одной общественной формации, но и кочуя из одной в другую; стилевые особенности — тектоническая разработка, набор средств выразительности, характерных для данной эпохи, школы, почерк мастера. Эти свойства сочетаются с устойчивым типом здания в зависимости от переменных факторов (конкретная ситуация застройки, индивидуальность заказчика или мастера), образуя виды и разновидности.

Таким образом, внутри функциональной классификации должно лежать членение по признаку архитектурной типологии, т. е. по типам объемно-пространственных структур. Сопоставление объектов при этом пойдет на едином уровне — крупного пространственного образования, введенного в систему объектов данного рода.

На основе изученных нами памятников, зафиксированных в натуре, известных по литературным или архивным источникам, общим количеством до 2000, стало возможным составление общей системы — классификации зданий и сооружений средневековой архитектуры Средней Азии. Осветить подробно каждый из классов, типов, родов и видов зданий не позволяет объем настоящей статьи, поэтому ограничимся лишь приведением сводных классификационных табл. 2, 3¹⁹.

Принятый нами принцип содержательно-формальной классификации, учитывающий жизненные функции зданий, и отвечающие им типы объемно-пространственных структур позволяют выявить закономерности формообразования в средневековой

¹⁹ См. более подробно: Маньковская Л. Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX — начала XX в.). Ташкент, 1980.

Класс I. Гражданская архитектура

Отдел	Род функций	Тип			Виды, разновидности
		функций	пространственных структур	форм зданий	
1	2	3	4	5	6
Жилище:	Сельские жилые усадьбы и дома	Жилище крестьян	Однокамерные	Отдельно-стоящие Блокированные	Локальные и индивидуальные особенности
			Многокамерные: компактные	Геометрические формы или конгломераты	Коридорно-гребенчатой планировки С центральным залом: симметричные и асимметричные С Т-образным ядром композиции
			протяженные	Анфиладные Секционные	Локальные и индивидуальные особенности
	Загородные дворцы	Жилые усадьбы и дома феодалов	дворовые	Региональные особенности в связи с климатом	
			Многокамерные: с геометрическим контуром, конгломераты	Центрические	Локальные и индивидуальные особенности решений
			Дворовые	Фронтальные Глубинные Т-обр. членение плана Четырехайванные Диванные Сочетания видов	"
		Резиденции (касар, кушк, рабат)	Многодворовые	Центрические Фронтальные Глубинные	"
			Многодворовые	"	"
			Однокамерные	Башенные с айванами вверху	"
			Однокамерные	Башенные одноэтажные	этажность, летние помещения
Городские жилые дома	Жилище горожан	Многокамерные	Секционные	"	
		Дворовые	Компактные Айванные Безайванные перистиль*	крытый двор, открытый двор, типы секций по периметру и пр.	

1	2	3	4	5	6
	Дворцы правителей	Дома знати	Многокамерные Одно-и многодворовые	Секционные Компактные Типы дворов	Варианты внутреннего членения Локальные и индивидуальные варианты
		Крепости	Многокамерные	Башенные (донжоны) Многокамерные комплексы	Основной вариант-центрический
		Резиденции	Дворовые	Айванные Диванные	Локальные и индивидуальные особенности
		Диваны (управления)	Многодворовые (курниш-хана, гарем, арз, ишрат-хана и др.) Многокамерные Многодворовые	С разделительной стеной коридором улицей Центрические Глубинные Фронтальные Геометрической формы конгломераты	Геометрически правильной планировки, конгломераты. Индивидуальные особенности Отдельно стоящие Секционные
Общественные здания	Торговые здания	Городские	Дукканы Крытые улицы Чорсу Так (торговый купол)	Отдельно стоящие Блокированные, секционные Многокамерная линейная структура Многокамерные, центрические композиции	Варианты с летним помещением наверху Айван, помещение с айваном Соединение 1—2-х камерных 1—2-х этажных секций В монументальном строительстве—комната и арочная ниша Варианты конструкций Варианты многогранников, варианты состава с галереей или без нее

1	2	3	4	5	6
			Тим (пассаж)	Композиции многокамерные: фасадные, центрические, линейные; дворовые	Гибкое приспособление к ситуации
Торговые здания	Городские и придорожные гостиницы	Караван-сарай и рабаты	Многокамерные	Одноворовые	Центрические С Т-образным членением внутри Сочетание кешка с двором
				Двухдворовые	Секционные Галерейные Секционно-галерейные Галерейно-секционные
				Многодворовые	Продольноосевые Асимметричные С центральным двором С Т-образным членением
Общественное обслуживание	Гигиена и благоустройство	Бани Дарваза и чортаки	Многокамерные Фронтальные однокамерные	Многокамерные 2-х-пролетные	Подземные наземные Башни и проезд
	Наука и просвещение	Академия, дом знаний Библиотека	Многокамерные		Варианты наращивания числа камер Коридорно-ребенчатые Центрально-зальные С Т-образной планировкой Цилиндр с крестообразным расчленением плана
		Обсерватория			
Учебные здания	Мактаб	Однокамерные	С айваном встроенные		Варианты конструкций этажности
		Многокамерные Дворовые	Центрально-купольные в медресе		Двор
	Медресе	Одноворовые секционной планировки	Без выделения осей двора		квадратный, продольноосевой, поперечноосевой

1	2	3	4	5	6
				С выделением продольной оси (2-хайданный) С крестообразным членением (4-хайданный)	Квадратный, продольноосевой, поперечноосевой этажность - 1,2,3, состав общественных залов, разработка вестибюля, углов двора, контуров, размеров, пропорций
			Двухдворовые („хурджум“)	Фронтальной асимметричной композиции	Варианты конфигурации участков
	Медицина	Больницы карахана		Дворовые типа жилища	Секционные
	Гидротехническое строительство	Плотины		Линейные структуры	Варианты размеров
		Мосты		Проездные Акведуки Вододелители	Варианты размеров, числа опор, арок, ограждения, застройки
		Водоохранилища		Сардоба, яхтанги, обхона	Крытые, портално-купольные, подземные и наземные
	Оборонительные сооружения			Хаузы, шлюзы, дюкеры	Открытые, варианты геометрических объемов
		Оазисы города кварталы дома		Рвы, стены Башни, крепостные ворота	Варианты конструкций и форм

* Двор, окруженный колоннадой (греч.)

Класс II. Культовая архитектура

Отдел	Род функций	Тип			Виды, разновидности
		функций	пространственных структур	форм зданий	
1	2	3	4	5	6
Общественные здания	Организация богослужения	Намазгох		Многоколонный айван Фронтальный айван с зимним залом на оси Стена (линейная структура)	1—2-3-рядная; 3—22-хнефтяная; с выделением и без выделения центра
		Джума	Дворовая	Без выделения осей С выделением продольной оси С крестообразным расчленением двора Гипостильные*	Варианты локальные и индивидуальные
			Мечеть-айван	Полуоткрытое пространство	Вариации числа нефов
		Гузарные, махаллинские	Киоск однокупольный, киоск с айваном	Монументальная галерея, легкий айван	Айван 1—2—3—4-хсторонний
			Столпно-купольные	1—2—3—4—6-столпные	"
			Колонные с плоской кровлей	1—2—3—4-х-колонные	"
		Поминальные	Мечеть-айван	Портальные Галерея без центра, колонные айваны	1—2-хпортальные Число куполов, 1—2—3-хколонные. 1—2—3-рядные
			Киоск	Фасадные, открытые, портално-купольные	Симметричные, асимметричные, геометрические
			Порталы	Безобъемные сооружения, объемные сооружения	Варианты разработки
			Встроенные залы	Объем в объеме	1—2—3—4—5-пролетные
	Мечети-ханака	Многокамерные здания	Портально-купольные, центрические		

1	2	3	4	5	6
Утили- тарно- образные ориенти- ры	Минаре- ты	С айванами	2-хкамерные, фронтальные 3-хкамерные с худжрами при михрабе 5-икамерные с худжрами в углах	С опорами, без опор Варианты айва- нов	
		Однозвенные с цилиндричес- ким стволом	Фонарь нависающий Фонарь в теле ствола Фонарь отсту- пает	Варианты про- порций, разме- ров, членений ствола (верти- кальные, гори- зонтальные)	
		Триумфальный столп	Двухзвенные отдельносто- ящие; встро- енные по уг- лам пештаков	Варианты разме- ров, пропорций, членений	
	Ханака (завия такия)	Однокамер- ные	Утилитарные строения (каркас, сырец)	Утилитарные строения (каркас, сырец)	
		Многокамер- ные	Блокирован- ные	Блокирован- ные	
			С коридорной связью С изоляцией угловых по- мещений от зала	Центрические фасадные Продольноосе- вые, 1—2-хпор- тальные, фрон- тальные	
Дворовые	Геометризиро- ванной схемы Произвольной композиции	Состав помеще- ний, configura- ции			
Многодворо- вые	Правильной геометричес- кой формы или конгло- мераты	Варианты числа дворов, помеще- ний, архитекту- ры			
Мемо- риальные здания и сооруже- ния	Мавзо- леи	Однокамер- ные	Центрические: квадратные, граненые, круглые, куб в восьмигран- нике, восьми- гранник в ку- бе	Открытые: зам- кнутые, 1—2— 3—4 проема и более	
		Фасадные	Открытые, замк- нутые		

1	2	3	4	5	6
				<p>Портально-купольные: призматические</p> <p>с выступающим порталом</p> <p>двухпортальные</p> <p>Конгломераты: разновременные, единовременные</p> <p>Анфиладные („дашкуча“)</p> <p>Продольноосевые: двухкамерные</p> <p>трехкупольные</p> <p>Фронтальной композиции: 2-хкамерные спаренные („кошмазар“) асимметричные</p> <p>Мавзолей-комплексы: квадрат с Т-образным расчленением; с</p>	<p>Открытые, замкнутые; с квадратной восьмигранной камерой; вариации пропорций и разработки</p> <p>С граненым, круглым, кубическим корпусом и интерьером в сочетаниях геометрических тел; открытые, замкнутые</p> <p>Варианты состава, размеров</p> <p>Функции, число блоков, размеры, расположение</p> <p>С порталом, без портала; в призматическом корпусе; в ступенчатом корпусе; с граненой зиярет-ханой</p> <p>с одной длинной усыпальницей; с двумя разобщенными усыпальницами</p> <p>Варианты размеров, конструкций, декора</p>
			Многокамерные		

1	2	3	4	5	6
		Хазира- комплекс	Пространственные от- крытые	Т-образным корпусом Продольно- осевые; центрические; фронтальные; асимметрич- ные	В призматическом корпусе: в куби- ческом корпусе. с выступающим порталом; двух- портальные ва- рианты разме- ров, пропорций, состава, разра- ботки
			Пространст- венные дво- ровые	Зиарет-хана: айван с захо- ронением; од- нокамерная зиарет-хана, захоронение за ней, на оси; однокамерная зиарет-хана, захоронение сбоку; то же—с мно- гокамерной ханакой; то же—с много- столпной ме- четью; то же—с мед- ресе-ханака 4-хайванный двор; дворик- некрополь с мечетью и худжрами при входе; центрическая пятидворовая схема („чор- мазар“)	Разновидности айванов Разновидности портально-ку- польных зданий Разновидности зиарет-ханы, фа- садных, портал- но-купольных; захоронение в ограде или без нее

* Многоколонные залы (греч.).

архитектуре Средней Азии. Она представляется стройной, хорошо разработанной системой, образуемой ограниченным числом элементов, из которых составлялись типизированные в соответствии с функциями композиции, дающей неограниченную возможность индивидуальных трактовок на уровне образования видов и разновидностей. Эта система обеспечивает стилевое единство архитектурной среды, в которой обитало общество в средние века, несмотря на безграничное разнообразие форм, в которых воплощались типовые схемы. Наша система-классификация является первой в истории изучения материальной культуры Средней Азии попыткой целостного обобщения в области архитектуры средневековья. Дальнейшая проработка ее отдельных частей (отделов, типов, классов), по мере накопления фактического материала, явится проверкой основных концепций и может послужить основанием к их корректировке и углублению.

Б. Д. КОЧНЕВ

ЗАМЕТКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЙ НУМИЗМАТИКЕ СРЕДНЕЙ АЗИИ.

Часть 4 (Караханиды)

Караханидские монеты с именем Бегтузуна

Саманидский вельможа и военачальник хаджиб Бегтузун хорошо известен историкам, описывающим последние годы существования государства Саманидов. После смерти наместника Хорасана Себук-тегина эмир Мансур б. Нух в 387/997 г. назначил хорасанским сипахсаларом Бегтузуна. Сын Себук-тегина Махмуд был занят борьбой за престол, но потом сумел одолеть своего брата Исма'ила и овладел Газной, после чего вытеснил Бегтузуна из Нишапура, столицы Хорасана. Против Махмуда выступил Мансур б. Нух вместе с другим военачальником Фаиком, в Серахсе к ним присоединился Бегтузун. Эмир надеялся покончить дело миром, и оба вельможи не без оснований боялись, что он может выдать их Махмуду. Дабы пресечь такую возможность, Бегтузун и Фаик, сговорившись, 12 сафара 389/1 февраля 999 г. схватили Мансура, а через неделю ослепили, на престол же возвели его брата 'Абд ал-Малика. С Махмудом заговорщики заключили мир, по условиям которого Бегтузун получил Нишапур, но вскоре нарушили договор и были разгромлены Махмудом, после чего удалились в Бухару. В октябре того же 999 г. Караханид Наср б. 'Али без сопротивления занял Бухару, захватил 'Абд ал-Малика и его родственников и отправил всех в Узгенд. Бегтузун сам явился в лагерь илека, но тоже был схвачен и заключен в оковы¹.

¹ Байхаки Абу-л-Фазл. История Мас'уда (1030—1041). Перевод с персидского, введение, комментарий и приложения А. К. Арендса. Изд. 2-е. М., 1969, с. 777—779; Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч. Т. I. М., 1963, с. 326—329.

О дальнейшей судьбе Бегтузуна письменные источники, насколько известно, ничего не сообщают. Тем важнее становятся свидетельства некоторых неизданных караханидских серебряных монет, на которых проставлено имя Бегтузуна (рисунок). Приведем их описание.

1. Кеш, (3)99/1008—1009 г.² Л. ст., поле: Бегтузун. Об. ст., поле: Насир ал-Хакк Хан, ал-Муайид ал-'Адл Илек Наср.

Л. ст. В поле:

بکتو
لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
زن

Выпускные сведения квадратом:

بسم الله ضر/بهدا الدرهم/بكش
سنة تسع/وتسعين...

Все в линейном ободке.

Об. ст. В поле:

الله
محمد رسول الله
القادر بالله ناصر الحق خان
الموید العدل ایلک
نصر

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками. Коран. IX, 33.

Караханидская монета Бегтузуна (Кеш, 402 г. х.).

2. Кеш, 400/1009—1010 г. Л. ст., поле: Бегтузун. Об. ст., поле: Хан, Наср.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له
بکتوزن

Об. ст. В поле: Хан

محمد
رسول الله
القادر بالله
نصر

² Данный дирхем, как и следующий, происходит из Чимкентского клада, найденного в 1970 г. на территории Казахстана, близ Чимкента. Он хранится в Музее истории народов Узбекистана (далее: МИНУз; КП 693).

Кругом — выпускные сведения:

بِسْمِ اللّٰهِ ضَرْبٌ بِهٰذَا الدِّرْهَمِ

بِمَدِيْنَةِ كَشْ سَنَةِ اَرْبَعِ مِائَةٍ

Все в сложном ободке (два точечных, а в третьем, наружном, четыре пары колечек разделены группами из точек по три точки в каждой).

3. Кеш, 400/1009—1010 г.³

Л. ст. Как № 2, но имени Бегтузуна нет, а место выпуска:

بِكَشْ

4. Кеш, 402/1011—1012 г.⁴ Л. ст., поле: صَفْرَى (или нет?).

Об. ст., поле: Насир ал-Хакк Хан, ал-Муаййид ал-'Адл Илек Наср; круговая легенда: ал-Амир ал-Джалил Синан ад-Даула Сахиб ал-Джайш Абу-л-Фаварис Бегтузун.

Л. ст. В поле, в линейном ободке:

لَا اِلٰهَ اِلَّا

لَا

وَحْدَهُ شَرِيْكَ لَهُ

اللّٰهُ

صَفْرَى (?)

Вверху восьмиконечная звезда. Кругом выпускные сведения:

بِسْمِ اللّٰهِ ضَرْبٌ بِهٰذَا الدِّرْهَمِ بِكَشْ

سَنَةِ اِثْنِيْنِ وَاَرْبَعِمِئَةٍ

Все в сложном ободке (внутренний линейный, внешний двухлинейно-насечный, между ними 4 крупных колечка, разделенных 4 парами меньших колечек).

Из описанных монет с дирхемами Чимкентского клада нам довелось ознакомиться раньше, чем с остальными, но не было уверенности, что упомянутый на них Бегтузун — бывший сама-

Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками. Коран. IX, 33.

Об. ст. В поле: как № 1. Кругом: مِمَّا اَمْرًا بِهٖ الْاَمِيْرُ الْجَلِيْلُ سِنَانُ الدَّوْلَةِ ... زَوْن

Об. ст. В поле как № 1. Кругом, между внутренним двухлинейным и внешним линейно-насечными ободками:

مِمَّا اَمْرًا بِهٖ الْاَمِيْرُ الْجَلِيْلُ سِنَانُ صَاحِبِ الْجَيْشِ اَبُو الْفَوَارِسِ بِكْتُوْزَنْ

³ Дирхем из собрания МИНУз (инв. № 44/18).

⁴ Дирхем хранится в отделе нумизматики Государственного Эрмитажа (инв. № 6187).

нидский хаджиб, а не его караханидский тезка. Дирхем из собрания Эрмитажа снимает всякие сомнения: имя Бегтузуна сопровождается лакабом Синан ад-Даула и куньей Абу-л-Фаварис, а именно эти кунья и лакаб принадлежали, согласно Беруни, саманидскому хаджибу, причем почетное прозвание было дано ему халифом⁵. Та же кунья, Абу-л-Фаварис, сопутствует имени Бегтузуна на золотом динаре Мансура б. Нуха, выпущенном в Нишапуре в 387/997 г.⁶

Таким образом, на дирхемах Кеша 399/1008—1009, 400/1009—1010 и 402/1011—1012 гг. упомянут тот самый Бегтузун, который прежде служил Саманидам и даже достиг в одно время высшего поста в государстве, став наместником Хорасана.

На кешских монетах № 1—4 в качестве верховного сюзерена назван Насир ал-Хакк Хан, т. е. Ахмад б. 'Али, непосредственным сюзереном Бегтузуна выступает ал-Муаййид ал-'Адл Илек Наср, т. е. Наср б. 'Али, завоеватель и фактический владетель Мавераннахра. При захвате Бухары он заключил в оковы Бегтузуна, позднее же, как явствует из монетных данных, передал ему в управление Кеш, а вместе с тем и какую-то долю прав и доходов с него. Поскольку Бегтузун не принадлежал к членам правящего дома, наиболее вероятно, что он получил Кеш в качестве пожалования за службу. За какую?

В круговой надписи дирхема 402 г. х. он фигурирует как Сахиб ал-Джайш (т. е. «военачальник», «главнокомандующий»), что эквивалентно персидскому «сипахсалар»⁷. Но это отнюдь не означает, что и при Караханидах Бегтузун сохранил за собой пост главнокомандующего. Словосочетание Сахиб ал-Джайш обозначает здесь не должность, а титул, столь же неотъемлемый от имени Бегтузуна, как лакаб и кунья, между которыми он и помещен. Кстати, и слово «сипахсалар» тоже могло быть частью титулатуры и употребляться наравне с титулом «эмир», что явствует из надписей самаркандского надгробия 558/1163 г., где Мухаммад назван «эмиром, испахсаларом», сыном «эмира, испахсалара» Аби Мансура⁸.

Таким образом, надписи публикуемых кешских монет ничего не говорят о том, какого рода службу выполнял Бегтузун у Караханидов. Можно лишь предполагать, что он, как опытный вое-

⁵ Бируни Абурейхан. Памятники минувших поколений. Избранные произведения. Т. I. Ташкент, 1957, с. 149.

⁶ Lane-Poole St. Catalogue of the Collection of Arabic Coins Preserved in the Khedivial Library at Cairo. London, 1897, с. 332.

⁷ См.: Бартольд В. В. Туркестан, с. 288, прим. 1.

⁸ Исхаков М. Намогильный кайрак с двумя надписями. — В сб.: Афрасиаб. Вып. IV. Ташкент, 1975, с. 128—129. Отметим попутно, что начало пятой строки второй эпитафии того же надгробия прочитано неверно; здесь стоит не кунья покойного Махмуда («Аби Зайл», по мнению М. Исхакова), а второй его эпитет *الاميل*; это хорошо видно и на фотографии (с. 130, рис. 2).

начальник, мог оказать новой династии услуги прежде всего на военно-административном поприще. И услуги его были достаточно значительны, коль скоро он был вознагражден пожалованием целой области, которой управлял на протяжении по крайней мере четырех лет. К сожалению, данные о монетной чеканке Кеша в начале XI в. пока слишком отрывочны, чтобы определить продолжительность правления Бегтузуна в Кеше. Тем не менее еще в 396/1005—06 г. он не владел этой областью, поскольку на кешском дирхеме этого года в качестве вассала Насир ал-Хакк Хана (Ахмада б. 'Али) и ал-Муаййид ал-'Адл Илека Насра назван некий Абу 'Али⁹, которого и следует считать тогдашним наместником Кеша. Кешский дирхем 397/1006—07 г. упомянут М. Н. Федоровым как битый от имени Насра б. 'Али, но описание не приведено¹⁰. В другом месте тем же автором указано, что этот дирхем, происходящий из Букинского клада, чеканен в «округе Кеш», однако имена и титулы правителей не названы¹¹. В Эрмитаже хранится серебряная монета (инв. № 8740), тоже выбитая в «округе Кеш». От даты уцелели сотни («триста») и десятки («девятьноста»), а от единиц — конец слова в виде буквы «'айн», т. е. дату можно восстановить как 394, 397 или 399 г. х. Скорее всего, монета однотипна с дирхемом из Букинского клада и выпущена в 397 г. х. На ней упомянуты только Насир ал-Хакк Хан и ал-Муаййид ал-'Адл Илек Наср. Следовательно, наиболее вероятно, что и в этом году Бегтузун не владел Кешем, хотя вполне уверенным быть в этом нельзя: в караханидской нумизматике нередки случаи, когда нижняя ступень феодальной иерархии в надписях серебряных монет никак не отражена.

Из четырех дирхемов, выпущенных от имени Бегтузуна, на трех монетный двор назван просто «Кеш», на одном (400 г. х.) — «мадинат Кеш». В последнем случае имеется в виду столица области, носившая то же самое название и располагавшаяся к началу XI в. на месте Шахрисабза и на территории между Шахрисабзом и Китабом, как это установлено работами Кешской археолого-топографической экспедиции¹². Когда же место выпуска монет именуется Кешем, видимо, подразумевается вся область, которая включала верхнее и среднее течение Кашкадарьи, а также долину Гузардарьи¹³. В караханидской нумизматике известны

⁹ Марков А. К. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. Спб., 1896, с. 203, № 56.

¹⁰ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в. (караханидские монеты как исторический источник). — В сб.: НЭ. Т. X. М., 1972, с. 172.

¹¹ Федоров М. Н., Буряков Ю. Ф. Эпиграфические и нумизматические находки и публикации в Узбекистане в 1965 г. — В сб.: ЭВ. Т. XIX. Л., 1969, с. 106.

¹² Массон М. Е. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ (КАТЭ) по изучению восточной половины Кашкадарьинской области УзССР. 1966 г. — Археология Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ. № 533, Ташкент, 1977, с. 22—23, 28—29.

¹³ Там же, с. 142, рис. 1.

случаи, когда власть в области и ее столице принадлежала разным правителям. Так, если владельцем илакской столицы Тункета на протяжении 404—418 г. х. оставался Чагры-тегин Хусайн, то права на всю область Илака на разных отрезках того же времени передавались разным лицам — Мухаммаду б. 'Али, Ибрахиму б. Насру, Мухаммаду б. Насру¹⁴, но не Хусайну. Бегтузун же соединял в своем лице власть и над столичным городом Кешем, и над всей областью.

Как мы видели, эту власть он получил не позднее 399 и не ранее 397 г. х. Не исключено, что до того какое-то время Бегтузун владел другой областью, Шашем. На это намекают надписи шашского дирхема 392/1001—1002 г.: на л. ст. его выбито «Кутб ад-Даула», на об. ст. — «ал-Хан ал-'Адил Абу-л-Фаварис»¹⁵. Лакаб Кутб ад-Даула принадлежит Ахмаду б. 'Али, титул ал-Хан ал-'Адил относится к нему же, кунья же Абу-л-Фаварис скорее к его вассалу, в котором М. Н. Федоров предлагал видеть Йусуфа б. 'Абдаллаха, упомянутого на шашских монетах 394—395 г. х.¹⁶ Мы тоже склонялись к точке зрения М. Н. Федорова¹⁷. Однако в свете новых данных можно допустить, что выбитая на шашском дирхеме 392 г. х. кунья Абу-л-Фаварис, вообще в караханидском чекане очень редкая и отмеченная пока только в Шаше и Кеше, принадлежит Бегтузуну, хотя настаивать на этом было бы преждевременно.

Как бы там ни было, судя по монетам, Бегтузун, некогда крупный саманидский вельможа, в начале XI в. перешел на службу к Караханидам. М. Н. Федоров на примере дикханов Илака пытался доказать, что на службу к Караханидам переходили представители крупной землевладельческой знати¹⁸. Однако Е. А. Давидович¹⁹ и, независимо от нее, Б. Д. Кочнев²⁰ продемонстрировали, что точка зрения М. Н. Федорова на имеющемся материале недоказуема. Теоретически можно допустить, что какая-то часть дикханства стала служить завоевателям, но свидетельств тому пока нет. До сих пор то же самое можно было сказать и в отношении саманидской служилой знати, без помощи которой Караханиды едва ли сумели бы быстро наладить управ-

¹⁴ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по монетным данным). — В сб.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 28 и сл.

¹⁵ Марков А. К. Инвентарный каталог, с. 199, № 6.

¹⁶ Федоров М. Н. Политическая история Караханидов в конце X — начале XI в., с. 143.

¹⁷ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по монетным данным). — В сб.: Древняя и средневековая культура Чача, с. 130.

¹⁸ Федоров М. Н. К вопросу об исторических судьбах дикханства при Караханидах (по данным караханидской нумизматики). — СА. 1975, № 1, с. 114—116.

¹⁹ Давидович Е. А. О монетах дикханов Илака конца X — начала XI в. (и методе их интерпретации М. Н. Федоровым). — В сб.: Древность и средневековье народов Средней Азии (история и культура). М., 1978, с. 80 сл.

²⁰ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по монетным данным). — В сб.: Древняя и средневековая культура Чача, с. 118, 122.

ление завоеванным Мавераннахром. Но если прежде мы не имели конкретных фактов, подтверждающих эту мысль, то теперь такой документально установленный факт есть: один из крупнейших представителей саманидской служилой знати хаджиб Бегтузун после караханидского завоевания пошел служить новой династии и в качестве пожалования за службу получил «в кормление» область Кеша, которой управлял не менее четырех лет (399—402/1008—12). Не исключено, что до того ему временно была пожалована другая область — Шаш (392/1001—02).

Два клада монет Караханидов Восточного Туркестана второй половины XII — начала XIII в.

В 1125 г. киданьская империя Ляо была разгромлена и кидани направилась на запад. Часть их двинулась через Восточный Туркестан, но была разбита восточнокараханидским каганом Арслан-ханом Ахмадом в битве, которая произошла около 527/1132—33 г. Позднее другую часть киданей, обосновавшуюся в районе Эмиля, призвал на помощь баласагунский владетель, вероятно, сын и преемник Ахмада Ибрахим. Однако кидани заняли Баласагун, устранив караханидского государя, а затем подчинили Восточный Туркестан и после Катванской битвы 536/1141 г. весь Западнокараханидский каганат. Везде, кроме Семиречья, Караханиды были оставлены у власти; столицей Восточнокараханидского каганата, ограниченного теперь территорией караханидских владений в Восточном Туркестане, стал Кашгар²¹.

Сведения о кашгарских владетелях после киданьского (кара-хытайского) завоевания скудны и ограничиваются краткими известиями Джамала ал-Карши и Джувайни. Известно, что в Кашгаре один за другим правили Мухаммад б. Ибрахим и Йусуф б. Мухаммад, оба носили титул Арслан-хан. Йусуф имел кунью Абу-л-Музаффар и скончался в Кашгаре в раджабе 601/январе—феврале 1205 г. Его сын Арслан-хан Абу-л-Фатх Мухаммад б. Йусуф находился в плену у карахытайского гурхана до 607/1210—11 г., когда его освободил предводитель найманов Кучлук и отправил в Кашгар. Но Мухаммад еще не успел войти в столицу, как был убит местными эмирами²². Так закончил свои дни последний правитель Восточнокараханидского каганата.

Вполне понятно, при такой скудости письменных известий важны данные любых других источников, особенно нумизматических. Между тем, монеты позднекараханидских владетелей Кашгара до сих пор не выявлены²³, а значит и не исследованы. Благодаря

²¹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч. Т. II. Ч. 1. М., 1963, с. 48—51; Pritsak O. Die Karachaniden. — «Der Islam». Bd. 30. B., 1952, с. 42—43.

²² Pritsak O. Die Karachaniden, с. 43—44.

²³ Не исключено, что какие-то позднекараханидские монеты, выпущенные в Восточном Туркестане, все же были опубликованы, но не определенные во времени и пространстве так и остались «вещью в себе».

любезному содействию хранителя восточных монет Отдела нумизматики Государственного Эрмитажа И. Г. Добровольского нам довелось ознакомиться с двумя кладами таких монет.

Первый клад найден еще до Великой Октябрьской социалистической революции в местности Хан-Уй близ г. Кашгара и передан в Эрмитаж неким В. Ф. Степановым. Ни о нем, ни об обстоятельствах обнаружения клада никаких подробностей выяснить не удалось. В настоящее время клад содержит 39 медных монет (инв. № 8545—8583). Приводим их описание.

1. Мустанджид и Арслан-хан Мухаммад (10 экз.).

Л. ст. В поле, в линейном ободке:

لا اله الا
الله محمد
رسل (так!) الله

Об. ст. В поле, в линейном ободке:

بالله
المستنجد
ارسلان خا (так?)
محمد

2. Мустади и Мухаммад Арслан-хан (15 экз.).

Л. ст. В поле, в тройном ободке (точечный между двумя линейными); вариант — в однолинейном ободке:

لا اله الا
الله وحده
لاسرريك (так!) له

Об. ст. В поле, в тройном, как на л. ст., ободке: (так!) بالله

المستضى
محمد ارسلان (так!)
ن خان

Вариант: последнее слово (له) вынесено в четвертую строку.

3. Мустади и Арслан-хан Мухаммад (9 экз.).

Л. ст. Как № 2.

Об. ст. В поле, в тройном ободке, как у № 2:

بالله (так!)
المستضى (так!)
ارسلان (так!) خان
محمد

4. Мустади (?) и Мухаммад Арслан-хан (1 экз.).

Л. ст. В поле, в двойном линейном ободке, разделенном на отсеки, в каждом из которых по точке, как № 1, но ошибки в слове رسول нет.

Об. ст. В поле, как № 2, но слово المستضى читается без уверенности.

5. Насир и Йусуф Арслан-хан (1 экз.).

Л. ст. В поле, в тройном ободке (точечный между двумя линейными), как № 4.

Об. ст. В поле, в тройном ободке, как на л. ст.:

الناصر
لدين الله
يوسف ارسل
ن خان

6. Кадыр Тафгач-хакан (1 экз.).

Л. ст. В поле, в линейном ободке, как № 4.

Об. ст. В поле, в линейном ободке:

قدر
طفغاج
خاقان

Еще два экземпляра определению не поддаются.

О втором близком по составу кладе вообще нет никаких сведений, известно только, что он поступил в Эрмитаж из Собрания бывшего Азиатского музея. Он содержит 27 медных монет (инв. № 8518—8544). Из них 4 экз. относятся к типу 1 с именем халифа Мустанджида, причем слова رسول (л. ст.) и خان (об. ст.) начертаны правильно, а первое слово на об. ст., напротив, неверно: با الله; в одном случае ободок л. ст. не линейный, а точечный. Еще 6 экз. принадлежат, вероятно, тому же типу, но имя халифа уверенно не читается. Тип 2 с именем Мустади представлен 14 экз. Одна монета относится к типу, не представленному в кладе из Хан-Уя.

Л. ст. В поле, в звездчатом картуше:

Об. ст. Фрагменты искаженной легенды.

.....
سليمان قدر
طفغاج
خان

Два экземпляра — совсем плохой сохранности, следы надписей не поддаются чтению, но остатки звездчатого картуша позволяют предполагать, что они относятся к тому же типу.

Несмотря на отсутствие выпускных сведений, описанные монеты обоих Арслан-ханов следует относить к чекану Караханидов Кашгара, и вот по каким соображениям.

1. Примерное время выпуска монет обоих кладов определяется благодаря упоминанию на них халифов Мустанджида (555—566/1160—70), Мустади (566—575/1170—80) и Насира (575—622/1180—1225). Поскольку монета с именем последнего

представлена единственным экземпляром, время сложения и сокрытия обоих кладов следует ограничить второй половиной XII в. Как показало изучение караханидских медных посеребренных дирхемов и фельсов этого времени, они очень редко выходили за пределы того удела, где были чеканены, и клады состоят почти исключительно из «своих», местных монет. Коль скоро клад из Хан-Уй найден в пределах Восточного Туркестана, то он, следовательно, и должен состоять преимущественно из монет, выпущенных там же. С другой стороны, ни один из типов монет обоих кладов, кроме выбитых от имени Кадыр Тафгач-хана, ни в одном среднеазиатском кладе не представлен.

2. На сегодняшний день выявлены имена и титулы многих, хотя, конечно, и не всех, среднеазиатских Караханидов второй половины XII в., в том числе правителей даже мелких уделов. Но среди них нет современника Мустанджида и Мустади, звавшегося Арслан-ханом Мухаммадом, как не известен Арслан-хан Йусуф, живший при халифе Насире. Зато именно в это время в Кашгаре правили один за другим два Арслан-хана — Мухаммад и Йусуф.

3. Очень показательны метрологические данные. При диаметре 22—25 мм монеты Мухаммада Арслан-хана имеют толщину 2—2,5 мм. Гистограмма веса этих монет не имеет одной вершины, ремедиум очень значителен, а средний вес может быть определен лишь приблизительно — около 6 г. Медные посеребренные дирхемы того же времени из Средней Азии намного тоньше (1—1,5 мм), а вес меньше. Так, средний вес уздендских монет Ибрахима б. Хусайна 559—568/1163—73 гг. равен 3,1—3,3 г, монет 570—574/1174—79 г.—3,4—3,5 г²⁴. Близок вес «крупных» медных посеребренных дирхемов самаркандского правителя Масуда б. Хасана (около 556—566/1160—117 гг.)²⁵. Вес позднекараханидских фельсов еще меньше.

4. Всякие сомнения в вопросе о месте выпуска монет Йусуфа Арслан-хана снимает его монета из коллекции В. Н. Настича (г. Алма-Ата)²⁶. Она близка по типу описанной выше: по содержанию надписей поля обеих сторон вполне идентичны, отличаются размещением легенд поля л. ст. (4 строки вместо трех), обрамлением (однолинейные ободки вместо тройных), а также наличием остатков круговых надписей: на об. ст. проставлена часть титулатуры государя (ал-Хакан ал-'Алим ал-'Адил... Ша-раф ад-Дин), на л. ст. сохранилось название монетного двора — Кашгар.

Таким образом, монеты Мухаммада и Йусуфа из обоих кладов выпущены, несомненно, на территории Восточного Туркестана.

²⁴ Давидович Е. А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979, с. 179, табл. 48, с. 205; табл. 50, с. 208; табл. 52.

²⁵ По материалам неопубликованного Кермининского клада.

²⁶ Пользуясь случаем, хочу выразить признательность В. Н. Настичу за сведения об этой монете.

на, скорее всего в столице тамошнего караханидского государства — Кашгаре. К сожалению, ни на одной из них не уцелело (или не проставлено) обозначение номинала. Поскольку динары в XII в. выпускались исключительно из золота, это могут быть либо дирхемы, либо фельсы. Хотя следов серебрения на поверхности незаметно, все же, кажется, в них следует видеть дирхемы.

Во всяком случае, в Средней Азии во второй половине XII в. фельсы, хотя и чеканились, но, во-первых, не во всех уделах (пока известны только для Самарканда и Бухары), во-вторых, не слишком обильно, а клады из одних только фельсов не известны вообще. Кроме того, эти фельсы по размерам и весу значительно меньше дирхемов. Наконец, в отличие от дирхемов все среднеазиатские фельсы XII в. (как впрочем и более ранние) имеют очень характерные насечки, которых нет на описанных монетах. Все же до тех пор, пока номинал монет Мухаммада и Йусуфа не будет окончательно определен, едва ли стоит входить в рассмотрение вопросов денежного обращения Восточного Туркестана, ибо пока не вполне ясно, к какой сфере обращения следует их относить.

Можно лишь подчеркнуть, что вторая половина XII в., как выясняется, отнюдь не была для Восточного Туркестана безмонетным периодом, а разнообразие типов и обилие штемпелей свидетельствует об интенсивном производстве средств обращения. Трудно сказать пока, связано ли с интенсивностью чеканки наличие ошибок в легендах, характерных, кстати, и для среднеазиатских монет того же времени, или оно объясняется просто снижением требовательности к грамотности надписей.

Из-за отсутствия выпускных сведений описанные монеты не позволяют выяснить точные даты правления упомянутых на них государей. Тем не менее показательно, что на монетах Мухаммада упомянуты халифы Мустанджид (555—566/1160—70) и Мустади (566—575/1170—80) и не упомянут Насир (575—622/1180—1225), в то время как на монетах Йусуфа фигурирует только последний²⁷. Следовательно, Йусуф сменил Мухаммада на кашгарском престоле около 575/1180 г.

Помимо восточнотуркестанских монет, во втором из описанных кладов оказалась одна монета иного происхождения. Выпущенная от имени (Кадыр) Тафгач-хана Сулаймана, она принадлежит к типу, хорошо известному в литературе (вариант, однако новый: Сулайман назван не хаканом, а ханом) и рас-

---

²⁷ Неизвестного происхождения монеты Мухаммада и Йусуфа имеются также в собрании Музея истории народов Узбекистана (колл. 44 №№ 81—95). В их числе 2 монеты Арслан-хана Йусуфа с именем Насира, а также 3 монеты Мухаммада типа, не представленного в описанных выше кладах: на л. ст. в поле, обрамленном линейным ободком, первая часть символа веры в 3 строки, на об. ст. в том же обрамлении вторая часть символа веры, имя халифа Мустади (?), титул и имя государя (Арслан-хан Мухаммад).

смотренному Е. А. Давидович²⁸. Как подметил исследователь, надписи монет Сулаймана и их оформление выполнены небрежно, чекан же выглядит интенсивным и продолжительным, судя по значительному количеству вариантов и большому числу штемпелей. Все это позволило предположить, что «монеты эти не столичного происхождения и относятся к кратковременному в 1097 г. правлению Сулаймана всем Мавераннахром. Кажется правдоподобным допустить, что монеты эти чеканены на каком-то провинциальном монетном дворе в пору, когда Сулайман б. Дауд был удельным владетелем». Выбитый на них высокий титул Сулаймана Кадыр Тафгач-хакан не противоречит, по мнению Е. А. Давидович, такому предположению, поскольку и удельные правители могли титуловаться очень пышно, если занимали подобно Сулайману определенное место в династийной иерархии. Позднее мы предложили в неясных двух словах перед именем Сулаймана на его монетах видеть искаженное имя халифа ал-Мустазхир би-Ллаха, а поскольку последний правил в 487—512/1094—1118 гг. Сулайман же — в 490/1097 г., хронологические рамки выпуска его монет сужаются до трех-четырех лет, и вероятность чеканки их в бытность его верховным государем становится несколько большей²⁹.

Обнаружение монеты с упоминанием Сулаймана в кладе второй половины XII в. заставляет вновь вернуться к вопросу о времени ее выпуска. Дело в том, что это — не единственный случай: еще одна подобная монета оказалась в составе клада, который найден в Ленинабаде и состоял из медных посеребренных дирхемов Ибрахима б. Хусайна, чеканенных в Узденде в 570—574/1174—79 гг. Е. А. Давидович не могла решить, обращались ли монеты Сулаймана столь долго или же его монета не имеет отношения к кладу, была найдена рядом в одно время и просто присоединена к нему³⁰. Теперь нет надобности сомневаться в «кладовом» ее происхождении, и можно считать, что монеты с именем Сулаймана продолжали ходить в последней четверти XII в. Но в таком случае не совсем понятно, каким образом некий провинциальный монетный двор, да еще за короткий срок, мог начеканить их в таком числе, что они обращались около столетия (если не больше).

Не слишком убедительным представляется и предложенное Е. А. Давидович объяснение наличия у Сулаймана б. Дауда, тогда еще удельного правителя, высокого титула Кадыр Тафгач-

²⁸ Давидович Е. А. Нумизматические заметки. I (Караханиды, Чингиз-хан, Шейбаниды). — «Известия отделения общественных наук АН ТаджССР», 1968, № 3, с. 74—77.

²⁹ Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Ч. 3 (Караханиды, Мас'уд-бек, Чагатаиды, Тимуриды, Джаниды). — В сб.: ИМКУ. Вып. 16. Ташкент, 1981, с. 71—73.

³⁰ Давидович Е. А. Заметки по нумизматике Средней Азии. Ч. I (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды). — В сб.: Материальная культура Таджикистана. Вып. 2. Душанбе, 1971, с. 180—181.

хан. Во всяком случае, ни для XI, ни для первой половины XII в. не известны случаи, когда бы владельцы уделов носили ханский титул, хотя бы они и занимали в династийной иерархии самое высокое место. С другой стороны, чекан монет с именем Сулаймана чрезвычайно обилен (десятки штемпелей, очень большое число монет во многих музейных и частных собраниях), а это, действительно, не позволяет относить его к кратковременному, в несколько месяцев царствованию Сулаймана на самаркандском престоле. Можно, однако, предположить иное: монеты с его именем продолжали чеканить и после его смерти, так что основную их массу составляет не собственный чекан Сулаймана, а подражания ему. Иными словами, перед нами — монетная серия, начатая в период правления Сулаймана в Самарканде и выпускавшаяся, вероятно, не один десяток лет. Такая гипотеза хорошо объясняет не только обилие и долговременность обращения монет с именем Сулаймана, но также небрежность надписей и оформления, наличие экземпляров с совершенно искаженными легендами.

Серийные выпуски в монетном деле Средней Азии известны. К их числу относятся чеканенные при Улугбеке бухарские монеты с датой 832/1428—29 г., которые на самом деле выпускались более двух десятилетий³¹. Для караханидского периода подобные случаи до сих пор не были выявлены, однако анализ Кермининского клада привел нас к заключению, что самаркандские «малые» медные посеребренные дирхемы Клыч Тафгач-хана Мас'уда с упоминанием Мустанджида и без даты выпускались без изменения типа на протяжении нескольких лет³². Монеты с именем Сулаймана б. Дауда, по-видимому, являют второй пример серийного выпуска в караханидском монетном деле.

Денежное обращение Средней Азии второй половины XI—первой половины XII в. изучено еще недостаточно, поэтому трудно выяснить причину появления данной серии. Отметим лишь, что правившие после Шамс ал-Мулка Насра (460—472/1068—1072) прочие предшественники Сулаймана на самаркандском престоле вообще не представлены в монетном чекане, если не считать Хызра, от которого дошел единственный дирхем³³. Возможно, к концу XI в. образовался дефицит в средствах обращения, а чеканка монет с именем Сулаймана должна была в той или иной степени уменьшить его, либо ликвидировать, долговременный же выпуск однотипных монет объясняется желанием обеспечить торговлю деньгами, не подверженными курсовым пе-

³¹ Давидович Е. А. О среднеазиатских средневековых монетах в связи с датировкой археологических объектов. — В сб.: История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968, с. 246.

³² Кермининский клад обработан нами и подготавливается к публикации.

³³ Федоров М. Н. Новые данные к истории караханидского государства последней четверти XI в. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978, с. 173—176.

ременам. Но это, конечно, только догадки, тем более что и точка зрения о серийном выпуске монет с именем Сулаймана всего лишь гипотеза.

К сожалению, не известно место находки второго из описанных кладов. Судя по составу, он, как и первый, должен происходить, скорее всего, из Восточного Туркестана. Если это так, то окажется, что монеты с именем Сулаймана б. Дауда шагнули за пределы Западнокараханидского каганата, где он правил. В этом нет ничего невозможного: одна из таких монет найдена в Семиречье на городище Талгар³⁴, т. е. на территории Восточнокараханидского каганата. Возможно, тому же государю принадлежит титул Кадыр Тафгач-хакан, выбитый на монете типа б клада из Хан-Уя, но отсутствие на ней мусульманского имени правителя не позволяет дать уверенную атрибуцию данной монеты. Таким образом, вопрос о проникновении на территорию Восточного Туркестана монет, чеканенных от имени Сулаймана б. Дауда, лучше оставить пока открытым.

Новые монеты Караханида Махмуда б. ал-Хусайна

До сих пор была известна единственная монета Махмуда б. ал-Хусайна, изданная А. К. Марковым³⁵. На л. ст. ее ниже первой части символа веры стоит имя халифа Муктафи, на об. ст. после второй части символа веры выбита титулатура и имя государя (ал-Хакан ал-Музаффар Тоган-хан Махмуд б. ал-Хусайн), а сверху — слово, которое А. К. Марков читал, как طجاج т. е. искаженное Тангач (Тафгач). Е. А. Давидович попыталась дать историческую интерпретацию этой монеты³⁶. Выпускные сведения на ней стерты, но имя халифа Муктафи (530—555/1136—60) ориентирует относительно времени ее чеканки. По мнению Е. А. Давидович, к Самарканду данную монету отнести нельзя, ибо в это время там правили Тафгач-хан Ибрахим б. Мухаммад (536—551/1141—1156) и Чагры-хан 'Али б. ал-Хасан (551—558/1156—1163). Е. А. Давидович предположила, что Махмуд приходился сыном владельцу Ферганы ал-Хусайну и наследовал ему в Узденде, поскольку между смертью ал-Хусайна (около середины XII в.) и началом монетной чеканки Ибрахима б. ал-Хусайна в Узденде (559/1163—64) остается лакуна более чем в 10 лет. Возможно, слово «Тафгач» означает признание Махмудом главенства самаркандского государя Ибрахима, который носил титул Тафгач-хан.

³⁴ Бурнашева Р. З. Монета Сулаймана б. Дауда с городища Талгар.— В сб.: Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата, 1972, с. 182—186.

³⁵ Марков А. К. Инвентарный каталог, с. 278, № 518.

³⁶ Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — В кн.: Нумизматический сборник. Ч. 2. М., 1957, с. 109.

Сразу же отметим, что ознакомление с данной монетой (Эрмитаж, инв. № 14005) показало ошибочность предложенного А. К. Марковым чтения этого слова. Первая буква в нем — из группы **ح** причем начертана она так, что начало ее опущено ниже строки. Она соединена со второй буквой — алифом. Затем следует **ف** или **ق** соединенная со вторым алифом. Слово завершается зубцом, от которого вправо под строкой отходит длинный «хвост» — йай. Все вместе дает **حافانى** (хакани), что следует понимать как определение монеты: «[монета] хаканская»³⁷.

Кроме этой монеты, нам удалось обнаружить в собрании Эрмитажа еще три монеты Махмуда б. ал-Хусайна, которые заставляют пересмотреть вопрос о месте его царствования.

1. Динар³⁸. Город?, год? Об. ст., поле: ал-Хакан ал-А'зам Джалал (?) ал-Дунйа ва-д-Дин Абу-л-Музаффар (?) Махмуд б. ал-Хусайн.

Л. ст. В поле:

لا اله الا
الله محمد
رسول الله
المقفى (так!) لامر
الله

Кругом, между двумя линейными ободками, начало легенды с выпускными сведениями:

بسم الله ضر...

2. Дирхем³⁹. Самарканд, год? Об. ст., поле: ал-Хакан ал-А'зам Кадыр Тоган-хакан Махмуд б. ал-Хусайн.

Л. ст. В поле: ... سا

لا اله الا الله
وحده لا شريك له
المقفى لامر
الله

Об. ст. В поле....

اقان الاعظم
... ل الدنيا و الدين
ابو المظفر (?) محمود
بن الحسين

Кругом, в обрамлении, как на л. ст. Коран. IX, 33 (фрагмент).

Об. ст. В поле:

الله
الخاقان الاعظم
قدر طغان
خاقان محمود بن
الحسين

³⁷ О значении подобных определений на среднеазиатских монетах см.: Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — В кн.: Нумизматический сборник. Ч. 2, с. 94—96.

³⁸ ГЭ, инв. № 812.

³⁹ ГЭ, инв. № 12803 (из коллекции Е. А. Пахомова).

Кругом, между внутренним двойным и внешним одинарным линейными ободками, выпускные сведения:

... ضرب بهذ الدرهم بسمرقند

3. Дирхем (?)⁴⁰. Город?, год? Об. ст., поле: ал-Хакан ал-Адил ал-А'зам Кадыр Тоган-хакан.

Л. ст. В поле, в двойном квадрате, вписанном в круг:

لا اله الا الله
وحده لا شريك له
المقتضى لامر (так;)

В сегментах стерто или неразборчиво.

Кругом, в обрамлении как на л. ст. Коран. IX, 33.

Об. ст. В поле, в обрамлении, как на л. ст.:

خاقان
محمد رسول الله
الخاقان العادل
الاعظم قدر
طغان

В сегментах. Коран. IX, 33.

На последней из описанных монет мусульманское имя государя не проставлено, но наличие имени халифа Муктафи и титула Кадыр Тоган-хакан, зафиксированного пока только у Махмуда б. ал-Хусайна, позволяет уверенно относить ее к чекану Махмуда. Монетные надписи именуют его «хаканом правосудным, величайшим». По А. К. Маркову, он был также «победоносным» (المظفر), но такое чтение неверно: вторая часть строки, после слова ابخاقان, сохранилась плохо, однако отчетливо видно начало следующего за ним слова — ..... لا, т. е. здесь, видимо, стояло الا محظم; после лигатуры «лам — алиф» места столько, что можно допустить в конце строки наличие еще одного короткого слова (قدر?). Кунья Махмуда на золотом динаре читается без уверенности, скорее всего это Абу-л-Музаффар — очень обычная для Караханидов вообще и поздних в частности кунья. От первого слова лакаба на той же монете сохранился конечный «лам», вероятно завершавший слово «Джалал». В таком случае почетным прозвищем Махмуда было Джалал ад-Дунья ва-д-Дин—лакаб, чрезвычайно распространенный у членов ферганской семьи Караханидов⁴¹, к которой принадлежал и Махмуд.

Уже ознакомление с золотым динаром Махмуда позволило нам предположить, что он был не уздендским, а самарканд-

⁴⁰ ГЭ, инв. № 12804.

⁴¹ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура), с. 185—186.

ским правителем, поскольку лишь владельцы Мавераннахрского удела второй половины XII — начала XIII в. чеканили золото⁴². Публикуемый медный (посеребренный) дирхем Махмуда, битый в Самарканде, документально подтверждает факт его правления в этом городе. Сложнее вопрос с определением времени его царствования в Центральном Мавераннахре.

Упоминание на всех четырех монетах халифа Муктафи само по себе дает в этом плане не слишком много, поскольку он правил достаточно долго — с 530/1136 по 555/1160 г. Но методом исключения вероятные хронологические рамки правления Махмуда б. ал-Хусайна можно значительно сузить. Примерно с 526/1132 и до 551/1156 г. самаркандский престол занимали один за другим сыновья Арслан-хана Мухаммада Махмуд и Ибрахим⁴³. Следующий владелец Самарканда Чагры-хан 'Али б. ал-Хасан вступил на престол в 551/1156 г., еще в 553/1158 г. он был жив, в 556/1160—61 г. правителем Центрального Мавераннахра стал Мас'уд б. ал-Хасан⁴⁴. Наиболее вероятно, что между двумя последними датами и следует помещать время правления Махмуда б. ал-Хусайна. В таком случае Махмуд «вклинивается» между двумя своими дядьями: его отец ал-Хусайн б. ал-Хасан приходился родным братом Мас'уду и 'Али⁴⁵. Эта странность требует объяснения, которое можно, пожалуй, найти в «Синдбад-наме» ал-Катиба ас-Самарканди.

Проанализировав текст этого сочинения, его издатель А. Атеш пришел к заключению, что до восшествия Мас'уда на самаркандский престол в стране около двух лет царил анархия, которая закончилась с воцарением Мас'уда, после того как он в битве 556/1160—61 г. одолел врагов⁴⁶. Возможно, Махмуд б. ал-Хусайн и был возведен на престол в этот период анархии в качестве подставного, номинального хакана. Все сказанное — не более чем догадка, которая подтвердится (или не подтвердится) новыми монетными данными.

Пока же мы вправе утверждать, что Махмуд б. ал-Хусайн около середины XII в. был некоторое время правителем важнейшего из среднеазиатских уделов — Мавераннахрского, а следовательно, и верховным государем всего Западнокараханидского каганата, идея которого продолжала жить до самого конца династии. От имени Махмуда выпускались золотые динары и медные посеребренные дирхемы; две его монеты с несохранившимся обозначением номинала относятся, скорее всего, к числу

⁴² Кочнев Б. Д. Новые нумизматические данные к истории Караханидов второй половины XII — начала XIII в. В печати.

⁴³ Pritsak O. Die Karachaniden, с. 52—53.

⁴⁴ Там же, с. 54—55.

⁴⁵ Давидович Е. А. Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура), с. 186, табл. 3.

⁴⁶ Там же, с. 180.

дирхемов, поскольку не имеют насечек, столь характерных для караханидских фельсов XI—XII вв. С Махмуда, вероятно, вообще начинается регулярная чеканка караханидских золотых монет в Мавераннахре.

У. А. АЛИМОВ, Д. К. МИРЗААХМЕДОВ

К ИСТОРИИ МАВЗОЛЕЯ БОБОИ-ПОРАДУЗ В БУХАРЕ

Мавзолей Бобои-Порадуз¹ расположен в юго-восточной части Бухары за пределами городских стен, в двухстах метрах от бывших ворот Саллях-хона. Здесь еще в начале XX в. находился мазар с комплексом архитектурных и благоустроительных сооружений (мавзолей, мечеть, служебные помещения для паломников, хауз, колодец). Из некогда большого числа сооружений этого комплекса сохранилась лишь центральная часть мавзолея, в котором было расположено центральное погребение, возможно, главы цеховой организации либо ее основателя пира Бобои-Порадуза, в честь которого и назван мазар Бобои-Порадуз.

Бобои-Порадуз считался покровителем всех ремесленников, имевших дело с иглой: сапожников, портных, золотошвей, плетельщиц тесьмы и т. д.² С его именем связано множество легенд. Одна из них гласит о том, будто некто, собравшийся совершить паломничество в далекую Мекку, попросил Бобои-Порадуза изготовить ему в дорогу прочную обувь. Мастер изготовил ее... из корки арбуза и сумел убедить заказчика в прочности своего изделия. А после нескольких лет странствий паломник вернулся в обуви, не потерявшей своего прежнего вида. С тех пор слава о Бобои-Порадузе как искусном мастере разнеслась по всей округе, и он единодушно был признан пиром. По другому преданию, «если прахом от мазара Бобои-Порадуз присыпать рану, то он мгновенно принесет исцеление»³. Еще в начале XX в. поклонение мазару Бобои-Порадуз было настолько велико, что едущие верхом мимо мазара сходили с лошадей, а пешие снимали обувь.

Почитание и легенды нередко сохранялись в веках лучше, чем памятники старины, с которыми их связывала молва. Из некогда большого числа сооружений мазарного комплекса до нас дошла лишь центральная часть мавзолея. Купол мавзолея и боковые стенки находились в полуразрушенном состоянии. При строитель-

¹ См.: Алимов У., Мирзаахмедов Д., Мела Т. Мавзолей Бобои-Порадуз в Бухаре. — ОНУ, 1975, № 4, с. 69—71.

² В период средневековья каждое ремесло имело своего патрона (пира), которому приписывалось основание ремесла. Бобои-Порадуз в переводе с фарси означает мелкую починку обуви, одежды и др.

³ Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд. Келиф в 1813 г. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. XC. Серия историч. н. Ки. 14. Ташкент, 1957, с. 200.

ных работах по благоустройству прилегающей территории были распланированы многометровые наслоения мазара вокруг мавзолея. Уровень дневной поверхности был понижен на 2—3 м и, хотя ныне стоящий мавзолей сохранен, он оказался на останце высотой около 3 м. Его площадь составляет примерно 200 м². Среди обломков кирпичей под разрушенными стенами мавзолея обнаружено большое количество неполивной резной облицовочной терракоты, которая в какой-то мере проливает свет на период возникновения и историю этого памятника.

В настоящее время от всего сооружения уцелели лишь стены, не превышающие по высоте 1—1,5 м. Снаружи (за исключением порталной части) не сохранилось ровной кладки внешних стен. Обнажившиеся боковые неровные кладки стен сложены из кирпича размером 21×21×3,5; 23×23×4; 25×25×4 см на глиняном растворе⁴. По всей площади основания мавзолея проходит цоколь из двух рядов прямоугольных известняковых каменных блоков различных размеров (90×90×50; 85×85×30 см и более меньших). По фасаду они несут на себе кирпичную кладку, остатки пилястр и встроенные рядом с ними полуколонки из шлифованного парного кирпича с перемычкой «бантиком» в вертикальных швах. Благодаря этому фигурная порталная часть в плане напоминает входы в древние портално-центрические мавзолеи Средней Азии, известные в литературе со второй половины X в. и получившие наибольшее распространение в XII—XIII вв.

Однокомнатный мавзолей, прямоугольный в плане (рис. 1), состоял из двух частей: центральной, с саганой, входом с одной стороны и михрабной нишей, смотрящей на запад — с противоположной стороны, и меньшей боковой, образованной небольшими уступами стен центральной части. На всех четырех стенах располагаются прямоугольные ниши, начинающиеся от верха каменного цоколя.

Сагана — надгробие характерной формы. Оно располагается на низкой, несколько выступающей прямоугольной платформе, и, занимая значительную площадь, смещается к восточной стене помещения. Пол выложен из целого и обломков разноформатного кирпича, среди которых найдено несколько фрагментов резной неполивной облицовочной терракоты.

Находки неполивной архитектурной терракоты, форма входа, присущая ранним мавзолеям, орнамент «бантиком», малоразмерные кирпичи, — все это свидетельствует о древности сооружения, но тем не менее выкладка стен разноформатным и разновременным кирпичом, расположение мавзолея по самому верху мазара

---

⁴ Создается впечатление, что ровных кладок наружных стен мавзолея (на сохранившейся ныне высоте) могло и не быть вовсе, ибо мавзолей встроен с некоторым заглублением в быстро растущие толщи мазара и его боковые стороны закрывались могилами. На встроенность мавзолея в действующий мазар указывает также ограниченность площади перед фасадом и его углы, либо срезанные, либо теряющиеся под многоэтажными саганами.

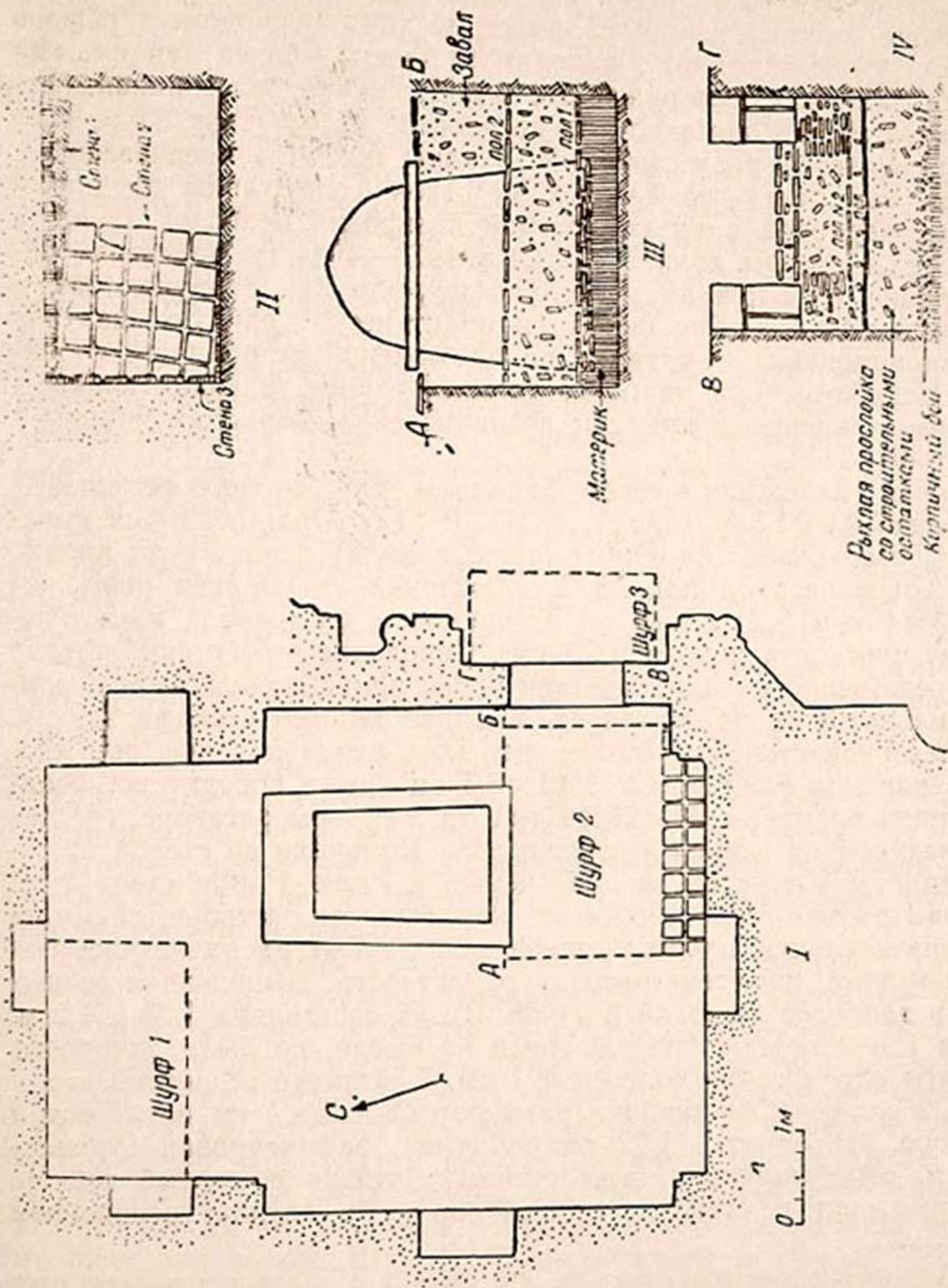

Рис. 1. Общий план мавзолея (I) и разрезы шурфов 1 (II), 2 (III), 3 (IV).

(более ранние памятники, например, Исмаил Самани, Магоки-Аттори, как правило, глубоко уходили под культурные слои), еще не успевшие потемнеть кирпичи, сравнительно свежие связующие растворы кирпичной кладки фасадной части заставляют датировать ныне стоящий мавзолей более поздним периодом, а резную архитектурную терракоту, находимую здесь, — более ранним. Подобные памятники, сооруженные в подражание более ранним архитектурным образцам, или их возведение на остатках более ранних не является редкостью для Бухары позднего средневековья.

Для выявления возможных остатков сооружений предшествующих периодов и их конкретной датировки археолог Т. Мела в 1973 г. и авторы данной статьи в 1973—1974 гг. произвели обследование и заложили несколько шурфов как снаружи, так и внутри памятника. Все они дали практически единую картину функционирования памятника на протяжении истории его развития. Остановимся на наиболее важных из них, дающих конкретное представление о времени возникновения, периодах упадка и перестроек.

Шурф I заложили в северо-западном углу бокового помещения площадью $2,5 \times 1,5$ м (рис. 1, I, II). В результате вскрытия выяснилось, что здание (каменные блоки цоколя) покоится на кладке стены, обозначенной под № 3, сложенной из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ и $21 \times 21 \times 3-4$ см на лёссовом растворе и выступающей из плоскости цоколя на 7 см⁵. Основание этой стены лежало непосредственно на кладках стен более раннего сооружения, ориентация которого не совпадала с вышестоящими стенами здания. Под северной стеной мавзолея, наискось уходя под нее, шла стена из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см (реже поверху встречался кирпич размером $24 \times 25 \times 4$ см) на лёссовом растворе, сплошь оштукатуренная ганчем (условно мы обозначили ее стеной 1).

Под прямым углом по отношению к стене 1 шла стена 2 из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе, занимавшая значительную площадь шурфа. Она также располагалась под углом к западной стене нынешнего мавзолея. Выявленная ее ширина в наиболее широкой и узкой частях составляла 1,35 и 1,2 м. Стены 1 и 2 конструктивной связи не имели, но были однородно покрыты слоем ганча толщиной 1 см. В отличие от первой стены стена 2 сложена из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе. На отметке 1,92 см от нуля⁶ зафиксирован уровень пола 2, относящийся к этим стенам и также покрытый ганчем. Он примыкал к стене 1, идущей ниже, и служил основанием

⁵ Дальнейшие раскопки показали, что стена 3 служила для выравнивания основания под укладку каменного цоколя, так как стены предшествующего периода сохранились на разную высоту.

⁶ За репер принята нулевая отметка, отбитая при архитектурном обмере памятника по линии Ташкентской специальной научно-реставрационной мастерской.

для стены 2. Таким образом, пол 2 соответствовал по времени стене 2 из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см.

В отличие от второй стена 1 при снятии этого пола продолжалась вниз до отметки 2,46 см, где был обнаружен новый уровень пола, обозначенный как 1, из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, также сплошь покрытый ганчем. Следовательно, стена 1 соответствовала по времени полу 1, лишь вторично используя во второй период функционирования мавзолея. Грунт между полами 2 и 1 состоял из однородного сравнительно неплотного слоя земли с небольшими включениями строительных остатков. Археологический материал представлен несколькими фрагментами керамики, не поддающейся конкретной датировке. Хотя шурф 1 и дал два уровня полов, предшествующих по времени строительству последнего мавзолея, все же из-за необходимости определения их датировки был заложен шурф 2 (III) между южной стеной здания и надгробием. Одновременно можно было проконтролировать уровни по шурфу 1 и их связь с саганой (размеры шурфа $2 \times 2,5 \times 2$ м). Шурф 2 показал, что цокольная часть южной стены здания покоилась на кладке стены 2, выходящей из плоскости цоколя на 42 см и сложенной из кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см на лёссовом растворе. Стена сохранилась на высоту 40 см и на уровне 1,8 м от «нуля» переходила в пол 2 из того же кирпича размером $25 \times 25 \times 4$ см, сплошь покрытый ганчем.

Пол 2 шел по всей площади шурфа и примыкал к сагане. Сагана до уровня пола 2 покрыта ганчем, который однороден и одновременен наземной его части. В результате общая высота саганы достигла 1,52 м. Сравнительно рыхлый культурный слой до пола 2 состоял из строительных остатков с редким включением фрагментов бытовой керамики. Среди них был фрагмент стенки с матово-голубым фоном и марганцевой полосой орнамента, датированный XVIII — первой половиной XIX в., и несколько фрагментов неполивной керамики.

Сагана под полом 2 продолжалась в разрушенном состоянии еще на 0,58 см. Этот слой разрушения лежал на кладке из одного ряда кирпичей размером $21 \times 21 \times 3,5$ см. Кладка выступала из плоскости верхней грани саганы второго периода и покоилась на полу 1 (на уровне 2,5 м от «нуля») из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, который шел по всей площади шурфа и был покрыт ганчем. При снятии пола подпольная выступающая часть саганы имела три ряда кладки из того же кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см на лёссовом растворе и была идентична верхнему ряду над полом. Швы между кирпичами достигали 4—5 см. Культурный слой над полом 1 дал незначительные фрагменты керамики, датированные XIV—XV и первой половиной XVIII в. Под полом встречены фрагменты чаши с глазурью синего цвета и схематическим орнаментом черной краской по белому ангобу (рис. 2, 1). По цвету поливы и раскраски им аналогичны блюдо

и чаша из Ирана, датируемые XIII в.⁷, а по характеру рисунка, но в более упрощенной форме — изделия из Сарайчика (XIII—XIV вв.)⁸. На памятниках Бухары подобная керамика встречается также среди материалов конца XIII—XIV вв.⁹

Ниже подпольной кладки саганы шурф приостановлен, так как на данной глубине шел слой чистого песка, перемешанного с

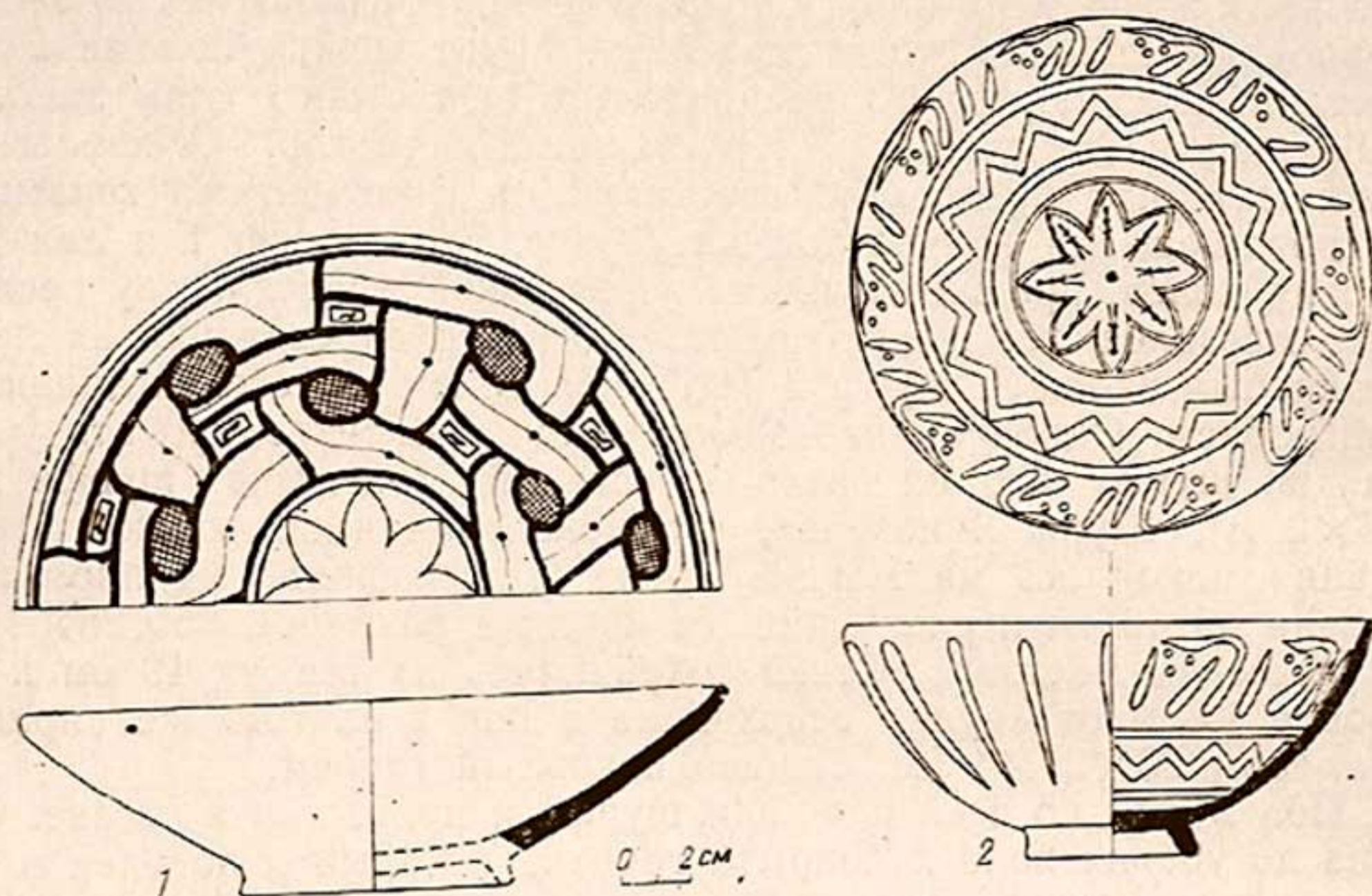

Рис. 2. Чаши с нижних слоев шурфов 2 и 4.

глиной. Таким образом, второй шурф, как и первый, дал два уровня полов, предшествующих нынешнему полу мавзолея, а также позволил провести предварительную датировку пола 1 концом XIII—XIV в., а второго — не ранее второй половины XVIII в.

Для проверки этих данных мы в фасадной части при входе заложили третий шурф (см. рис. 1, IV) размером 2×1 м, прямоугольный в плане и вытянутый по фасаду на всю ширину входного проема. В результате выявлено, что ныне существующий мавзолей имеет два уровня полов. Первый шел по нижней кромке цоколя и соответствовал времени его строительства. Вторым был на 0,12 см выше первоначального. Он выложен из разноформатного кирпича размером 21×21×3,5; 25×25×4; 43×43×5 см.

⁷ Масленицына С. Искусство Ирана. Л., 1975, рис. 23.

⁸ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, рис. 4.

⁹ На основе ошибочной датировки этой керамики IX — началом X в. Т. Мела относит сооружение саганы и первого периода мавзолея к X в., резную неполивную терракоту — к XII в., второй период функционирования памятника — к XIV—XV вв., а последний, нынешний, третий период — к XIX в. Таким образом, здесь получается несоответствие между временем возникновения (X в.), вторым периодом функционирования (XIV—XV в.) и датировкой резной терракоты (XII в.).

На 0,4 м ниже цоколя и первоначального пола нынешнего мавзолея (на уровне 1,6 м от «нуля») располагался дверной проход предшествующего второго периода с боковыми стенками и полом, коридорообразно выступавшим на 1 м от фасада нынешнего мавзолея и переходящим в двухступенчатый (по 0,2 м) подъем, почти достигая уровня нынешней дневной поверхности при входе к памятнику. Боковые стены прохода, пол и ступеньки сплошь покрыты ровной ганчевой обмазкой в два слоя (первый — черновой кладки, второй — белой). По соотношению уровней новый проход соответствовал полу 2, отмеченному в шурфах внутри мавзолея. Ширина прохода пола 2 несколько уже (1 м) вышестоявшего (1,22 м), хотя они совпадали по направлению и шли один над другим. Боковые стенки прохода 2 сохранились на высоту 0,3—0,35 м, ширина левой стороны достигала 0,27 м, правой — 0,34 м. Они неровно выложены из обломков и целых кирпичей размером $23 \times 23 \times 3,5$ и реже $25 \times 25 \times 4$ см на лессовом растворе. Принимая во внимание, что внутренняя часть боковых стенок прохода 2 хорошо оштукатурена, а внешняя, выложенная очень неровно из обломков кирпича без всякой, хотя бы поверхностной, обработки, указывает, что мавзолей, соответствующий полу 2, — наспех построенное сооружение без фундаментов, встроенное с заглублением в толщу мазарных наслоений на остатки более ранней усыпальницы. Керамический материал над полом 2 представлен фрагментами глазурованных изделий второй половины XIX в. с характерным желтым и зеленоватым фоном.

Под проходом в том же направлении шел 10-сантиметровый слой рыхлых строительных остатков и затем твердый земляной пол толщиной 5—6 см. Незначительные фрагменты керамики, найденные в рыхлых строительных отложениях как над земляным полом, так и под ним, относились к первой половине XVIII в. Соответствующего пола внутри мавзолея обнаружить не удалось, но, судя по керамике, его можно отнести к поре социально-экономического и политического кризиса, охватившего Среднюю Азию в этот период. На это указывает и сильно разрушенная сагана на этом уровне и то, что рядом с земляным полом мы не обнаружили никаких архитектурных остатков. Это свидетельствует о том, что в этот период мавзолей был без присмотра в сильно разрушенном состоянии. И хотя наличие земляного пола говорит о том, что памятник функционировал, все же отсутствие элементарной кирпичной выстилки и алебастрового покрытия, существовавшего на других уровнях, заставляет нас предполагать, что пол функционировал в пределах XVIII в.

Под земляным полом шли рыхлые строительные остатки с незначительными фрагментами керамики XIV—XVIII вв., а на уровне 2,4 м от нуля, соответствовавшем полу 1 внутри мавзолея, начался сплошной бой из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$; $25 \times 25 \times 4$ см.

Учитывая, что архитектурные остатки мавзолея предшествующих периодов выступали за пределы ныне сохранившегося останца, мы у его основания заложили шурф 4. Здесь на уровне первого пола в юго-западном углу мавзолея наружу выступали остатки фундамента, сложенные из кирпичей размером $25 \times 25 \times 4$ см на глиняном растворе и сохранившимся на высоту 10—15 см. Одним концом стена фундамента уходила под останец, а с другой стороны разрушена работавшей при распланировке мазара техникой. У нижнего края фундамента найдены примыкавшие к нему обломки археологически целой глазурованной чаши на кольцевом поддоне (рис. 2, 2).

По центру ее внутренней поверхности нанесена лепестковая розетка, а поверх нее — орнаментация в виде двух concentрических рельефных поясов соответственно с рельефной ломаной линией посередине и повторяющейся надписью по верху стенки. Наружная поверхность чаши также орнаментирована вертикально поднимающимися рельефными линиями. Подобная керамика имела широкие аналогии среди материалов золотоордынских городов¹⁰, Хорезма¹¹, Казахстана¹², Ирана¹³. Она датируется XIV в., что служит еще одним доказательством времени сооружения первоначального мавзолейного комплекса¹⁴. На 5—6 см ниже стены фундамента шел чистый материковый лёсс. Таким образом, здесь, как и в шурфе 2, под уровнем пола 1 зафиксирована керамика XIV в. Разница заключается лишь в том, что в шурфах 1—2 стена и пол 1 сложены в основном из кирпича размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, а в шурфах 4 и 3 (частично) на уровне пола 1 отмечен кирпич размером $25 \times 25 \times 4$ см. Необходимо отметить, что кирпич размером $21 \times 21 \times 3,5$ см, характерный для X в., не может быть конкретным датирующим аргументом для Бухары без подтверждения другими данными¹⁵.

Итак, в результате археологических исследований мавзолея Бобои-Порадуз была выявлена стратиграфия трех последовательно сменявших друг друга строительных горизонтов, которые сложились на протяжении нескольких столетий. Первый строительный период получен в шурфах 1 и 2 в виде пола и стены. В шурфе 3 и 4 на этом уровне обнаружен лишь кирпичный бой и ос-

¹⁰ Федоров-Давыдов Г. А. Искусство кочевников и Золотой Орды. М., 1976, рис. 110—113.

¹¹ Вактурская Н. Н. Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.). — Труды ХАЭЭ. Т. IV. М., 1959, рис. 35.

¹² Археологическая карта Казахстана, рис. 6, 8.

¹³ Islamische Keramik. Hetjens-Museum. Düsseldorf, 1973 (рис. 247).

¹⁴ Период обживания данной территории, и, весьма возможно, культ саганы могли возникнуть несколько ранее, хотя для этого мы не имеем конкретного археолого-архитектурного подтверждения, так как рядом с останцем среди остатков разбросанных кирпичей найдено несколько фрагментов керамики с голубой поливой (XII—XIII вв.).

¹⁵ В условиях длительного обживания жженый кирпич выбирали из разрушенных и полуразрушенных зданий и переиспользовали.

татки фундамента. Судя по фрагментам керамики, найденным под полом 1 в шурфе 2, и фундаменту в шурфе 4, остатки первоначального мавзолея можно датировать XIV в. Как показали материалы шурфа 2, основание саганы конструктивно связано с полом 1 и восходит к XIV в.

Второй строительный период, построенный на остатках первого с частичным использованием его стен, отстоит на 0,6—0,65 см выше первого. Он получен в шурфах 1, 2 и 3 (по высоте 0,4—0,45 см). По данным шурфов можно получить представление об архитектурной планировке мавзолея в этот период, так как выявлены северная¹⁶, западная (шурф 1) и южная (шурф 2) стены, а также входной проем с расположенными перед фасадом двумя ступеньками, по которым спускались в мавзолей второго периода функционирования (шурф 3). Наличие этого спуска и отсутствие на сохранившейся высоте стенок проема наружной, хотя бы частичной, облицовки говорит о том, что уже тогда мавзолей был построен с некоторым заглублением в толщу мазарных наслоений. Видимо, это снижало затраты на внешнее оформление боковых стен памятника.

Датировка второго периода мавзолея Бобои-Порадуз определена на основе керамических материалов и данных исторических источников. Образцы наиболее поздней керамики, обнаруженной под полами 2 в шурфах 2 и 3, относятся к первой половине XVIII в., т. е. мавзолей второго периода не мог быть построен ранее второй половины XVIII в.¹⁷ Причем и в третьей четверти XVIII в. экономическое и политическое положение в стране продолжает оставаться напряженным¹⁸ и лишь в последней четверти XVIII в. наступает общий подъем экономики и усиление ханства¹⁹, территориальный рост города, восстановление вакфов²⁰, ремонт разрушенных и строительство новых архитектурных памятников Бухары²¹. Конкретно датировать второй период нам помогают записки купца, побывавшего в Бухаре в 1813 г. Автор отмечает, что в округе и черте города имеется множество гробниц, среди которых и «Бобои-Порадуз (близ ворот арсенала), прах которого, если им присыпать рану, как говорят, приносит мгновенное исцеление. Эта гробница представляет собою плос-

¹⁶ Северная стена, относящаяся к I периоду, была использована по назначению и во второй период, а для третьего периода она послужила фундаментом для цоколя нынешнего мавзолея.

¹⁷ Как мы отмечали выше, для XVIII в. в шурфе 3 прослежен самостоятельный земляной вход (под полом 2) в мавзолей.

¹⁸ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976, с. 310—311.

¹⁹ Иванов П. П. Очерки по истории Средней Азии. М., 1958, с. 107.

²⁰ Сухарева О. А. Квартальная община позднефеодального города Бухары, с. 314—315.

²¹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары. Ташкент, 1936, с. 36—38.

кую каменную плиту, над которой не сооружено никакого здания»²².

Для нас очень важно то, что в 1813 г. над памятником не было никакого архитектурного сооружения, т. е. в период кризиса мавзолеей, видимо, был полностью разрушен, а кирпичи с этого сооружения могли использоваться для строительства саган, окружавших памятник. Следовательно, мавзолей второго строительного периода сооружен после 1813 г. — в близких пределах этой даты. Его строительство с некоторым заглублением в грунт и частичным использованием стен первого периода требовало незначительных затрат и скорее всего было произведено собственными силами почитателей. Видимо, поэтому мавзолей быстро пришел в негодность и, судя по поливной керамике, в конце XIX—начале XX вв. его построили заново. Как показали археологические вскрытия, мавзолей последнего III строительного периода построен на остатках стен II периода, но без соблюдения их ориентации, а тем самым и планировки²³.

Среди археологического материала, собранного вокруг мавзолея, имелись образцы резной неполивной облицовочной терракоты. Такая же по характеру архитектурная керамика собрана нами в шурфе на полах второго и третьего периодов мавзолея и между ними. Из массы резной терракоты особый интерес представляют образцы, дающие представление о композиции и мотивах орнаментации. Декор на них представлен в основном рисунками геометрического, растительного и эпиграфического характера. На первом рисунке (рис. 3, 1) фрагмент плитки с орнаментом в виде панджары. На втором — часто встречающийся мотив в виде шестиконечных звезд и располагающихся на его лучах шестигранников²⁴ (см. рис. 3, 2). Обе плитки (ширина 15 см, толщина 3—3,5 см) выполнены из светло-желтой глины с глубиной резьбы 0,5—1 см.

Внутренняя плоскостная поверхность геометрических фигур на плитках выполнена неровно. Как считает Н. С. Гражданкина, гнезда геометрических фигур заполнялись равноценным гипсом, что имитировало мозаику, либо самой мозаикой. Близкая по характеру техника (Қырма) применена в декорациях интерьеров хонако Файзабад в Бухаре²⁵. Этой же техникой и тем же вре-

²² Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г. — Труды САГУ. Новая серия. Кн. 14. Ташкент, 1957, с. 200.

²³ В шурфе I стена 3, подстилающая каменный цоколь, имеет прямое отношение к мавзолею последнего III периода. Она служила для выравнивания гребней стен предшествующих периодов, которые сохранились на разную высоту.

²⁴ Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974, с. 212 (Тимпан портала мавзолея Наджм-ад-дина Кубра — XIV в.); Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. Ташкент, 1961, рис. 212, 6 (Дверь зиаратханы Кусам ибн Аббаса — XIV в.).

²⁵ Засыпки Б. Н. Архитектура Средней Азии. М., 1948, с. 119.

менем (XIV—XV вв.) датируются резные мраморные плиты с гнездами для изразцовой мозаики из Самарканда²⁶.

На третьей плитке представлен мотив широких крестов. Изображение выполнено в плоскостной форме, глубина резьбы не превышает 0,5 см. Ширина плитки 13 см, толщина 3,5 см, цвет — розовый, (см. рис. 3, 3).

Две следующие плитки (см. рис. 3, 4, 5) с медальонами и растительной орнаментацией ислями близки по характеру и ком-

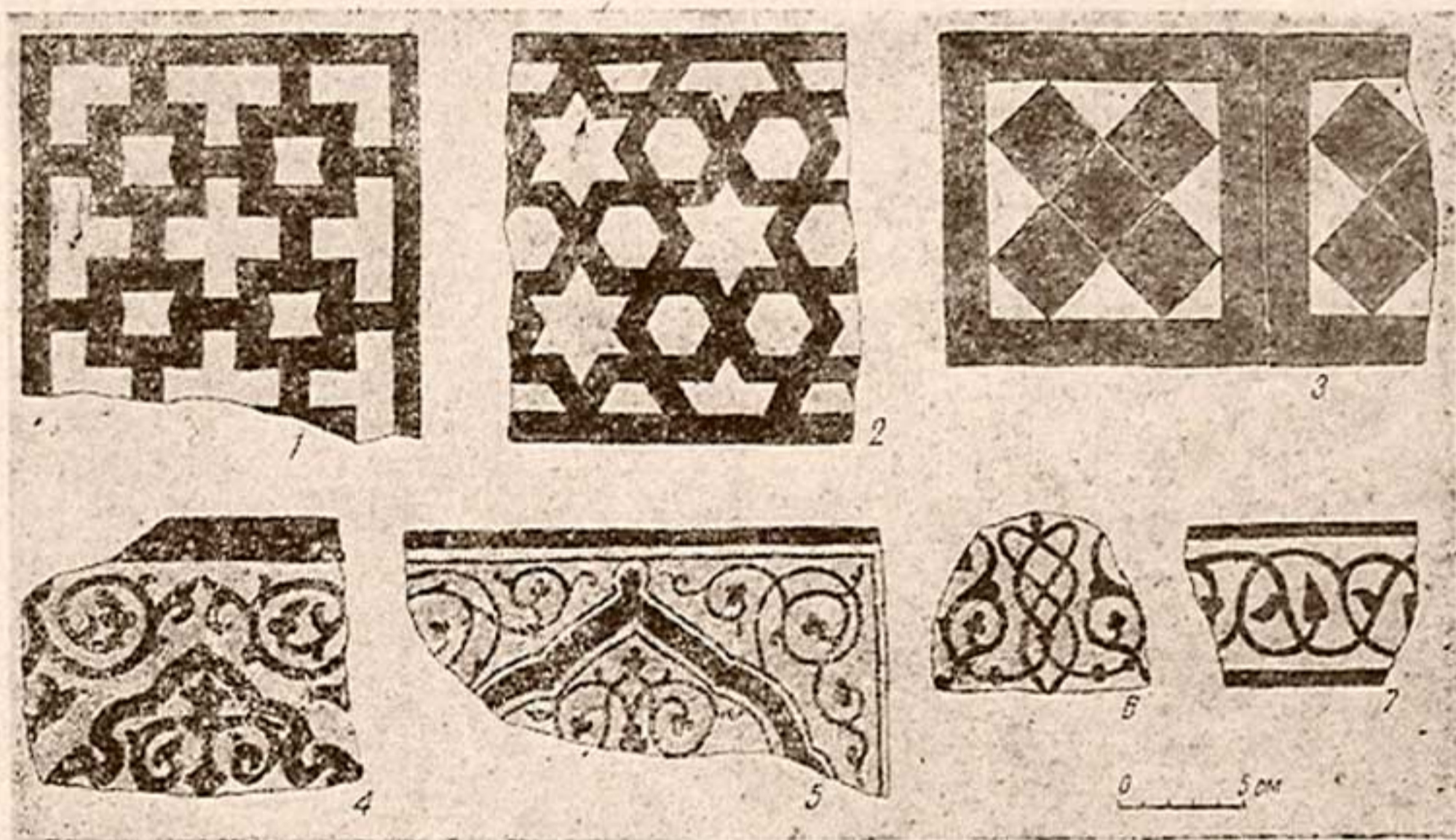

Рис. 3. Резная терракота с геометрическим и растительным орнаментом.

позиции орнамента, но различаются техникой выполнения. На первой резьба трехплановая с рельефно выступающим медальоном и поднимающейся еще выше каймой. Она выполнена техникой штампа, цвет теста — розовый. Вторая выполнена резьбой — она двухплановая с плавным переходом к рельефно выступающему медальону. Тесто — светло-розовое. Глубина резьбы на обеих плитках не превышает 0,5 — 0,8 см. Подобные плитки с медальонами и близкой по характеру орнаментацией широко встречаются в архитектурной облицовочной керамике Средней Азии²⁷ и Ирана²⁸.

²⁶ Массон М. Е. Архитектурно-планировочный облик Самарканда времени Навои. — Труды САГУ. Новая серия. Вып. XXXI. Ист. науки. Кн. 12. Ташкент, 1956, с. 62; Бурякова Э. Ю. К стратиграфии площади Регистан. — ИМКУ. Вып. 14. Ташкент, 1978, с. 155.

²⁷ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 122, 1 (Тисненная плитка с медальоном XIV в. из Наманганского музея).

²⁸ Гюзальян Л. Т. Фризные изразцы XIII в. с поэтическими фрагментами. — «Эпиграфика Востока», 1949, № 3, с. 78, рис. 5 (Автор не отрицает ее возможной датировки XIV в.).

Орнаментация двух следующих фрагментов (см. рис. 3, 6, 7) представлена в виде вьющегося растительного побега, причем ленточный узор второго фрагмента служил бордюром или разделительным пояском, обрамляющим более значительные декоративные композиции, наблюдаемые на фасадах мавзолеев этого периода²⁹. На первом фрагменте цвет теста розовый, глубина резьбы достигает 1 см, толщина кирпича — 2,5 см. На втором цвет теста свет-

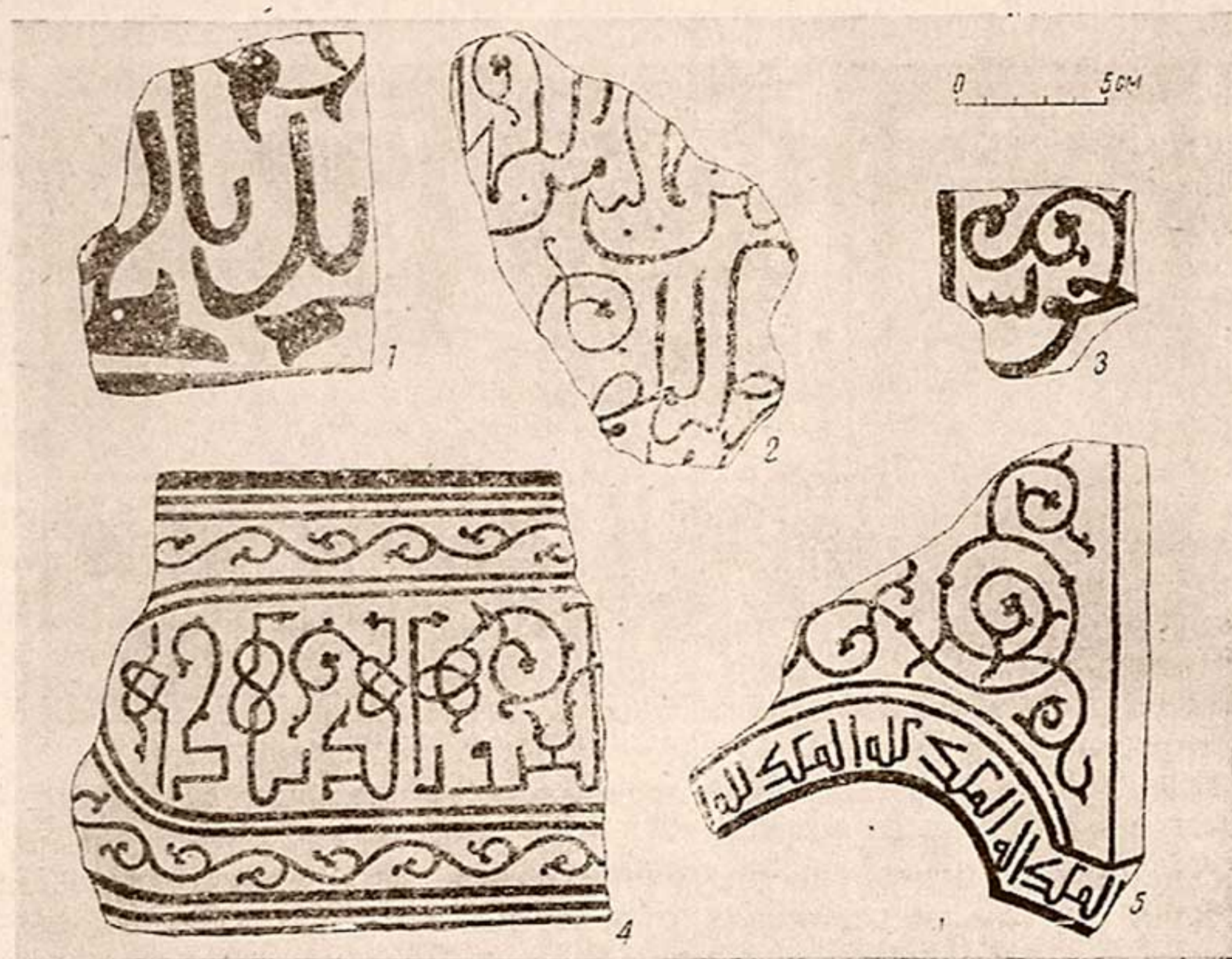

Рис. 4. Резная терракота с эпиграфическим орнаментом.

ло-желтый, глубина резьбы составляет 0,7 см, толщина кирпича — 4 см, резьба выполнена грубее.

Имеются также фрагменты резной облицовочной терракоты с эпиграфическими мотивами. Первый (рис. 4, 1) выполнен почерком «наسخ» с заполнением резервов растительными побегами, бутончиками и листиками. Характерным элементом является наличие на некоторых деталях фрагмента небольших (на глубину резьбы 0,8 см) конусовидных отверстий. Близкая по стилю надпись имеется на створке двери мавзолея Дарган-Ата (она дати-

²⁹ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса. М., 1950; Бретаницкий Л. С. Об одном малоизвестном памятнике Таджикского зодчества.— МИА Вып. 66. М.—Л., 1958, рис. 23.

рвется М. Е. Массоном серединой или третьей четвертью XIV в.)³⁰, в надписях мавзолеев Шахи-Зинда, датируемых третьей четвертью XIV в.³¹, и в архитектуре Азербайджана.

На втором фрагменте (рис. 4, 2) представлена плитка с изящным куфическим почерком, имеющим множество аналогов в архитектуре XIV в.³² Резервы между эпиграфикой заполнены спиралевидными растительными узорами с трилистниками и усиками. По мере заглубления к основанию резьба плавно расширяется. Глубина резьбы достигает 1 см.

На следующей плитке с эпиграфикой, стилистически также характерной для XIV в., резерв, как и на предыдущих образцах, заполнен спиралевидным растительным узором с трилистниками, завитками и усиками (рис. 4, 3). Глубина резьбы 1 см, толщина кирпича 3,5 см, цвет — светло-желтый.

На четвертом, более сохранившемся фрагменте (см. рис. 4, 4), надпись выполнена почерком «цветущее куфи». Стволы букв образуют узлы и плетенки. Подобная облицовочная керамика широко встречается на архитектурных памятниках XII—XIV вв.³³ Окаймляющий надпись ленточный бордюр аналогичен бордюру на плитке из Наманганского музея³⁴. Толщина 3,5 см, цвет розовый. Глубина резьбы до 1 см.

На последнем фрагменте (рис. 4, 5) в фигурное ленточное обрамление, поверх которого идет спиралевидный узор с трилистниками и отходящими побегами, почерком куфи вписана надпись. Она содержит повторение одного и того же слова «аль-мульк-лила», т. е. «власть» (подразумевается «власть принадлежит Аллаху»). По стилю она близка надписи в верхней части резного деревянного надгробия мавзолея Сейф-ед-дина Бохарзи (XIV)³⁵, на двери зиаратханы Кусам ибн Аббаса (XIV в.)³⁶ и в облицовке мавзолеев Шахи-Зинда³⁷. Резьба двухплановая. Цвет черепка светло-желтый, глубина резьбы до 1 см, толщина кирпича 3,9 см.

³⁰ Массон М. Е. Дарган-Атинская старина. — Труды АН ТаджССР. Т. СХХ. Душанбе, 1960, с. 121, рис. 28.

³¹ Шишкин В. А. Надписи в ансамбле Шахи-Зинда. — В кн.: Зодчество Узбекистана. Вып. II. Ташкент, 1970, рис. 9, 19.

³² Там же, рис. 3, 5; Воронина В. Л., Крюков К. С. Мавзолей Мухаммеда Бошаро. — В кн.: Древность и средневековые народы Средней Азии. М., 1978, рис. 45.

³³ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. М.—Л., 1950, рис. 30; Крачковская В. А. Эволюция куфического письма в Средней Азии. — «Эпиграфика Востока», 1949, № 3, рис. 31, фиг. В; Памятники архитектуры Туркменистана. Л., 1974, с. 215; Носкова Л. М. Мозаики и майолики из средневековых городов Поволжья. — В кн.: Средневековые памятники Поволжья. М., 1976, табл. VII, фиг. 6—9.

³⁴ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 122, 1.

³⁵ Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948, рис. 30.

³⁶ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, рис. 212, 6.

³⁷ Веймарн Б. В. Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана, рис. 41—42.

Хотя описанная резная терракота встречается и в XI — XII вв., однако по стилю эпиграфики и сочетанию с элементами растительного узора с трилистниками она является характерной для XIV в. Некоторое недоумение может вызвать отсутствие глазури на наших образцах. В этом отношении аналогию нашему памятнику может составить мавзолей «Гумбез Манаса», полностью облицованный неполивной терракотой и датируемый 20 — 30 г. XIV столетия³⁸. М. Е. Массон и Г. А. Пугаченкова отмечают, что Гумбез Манаса ставит перед историками архитектуры необходимость пересмотра утвердившейся в литературе концепции о повсеместном вытеснении неполивных изразцов в архитектуре Средней Азии с XIII в.³⁹ И хотя со второй половины XIV в. в Мавераннахре широко используются многоцветная майолика и наборная резная мозаика, однако вытеснение неполивных терракот не было ни окончательным, ни повсеместным⁴⁰. Более того, на мавзолее Мухаммеда Бошаро (1342 — 1343) мы наблюдаем сосуществование резной поливной майолики на портале и надгробии с резьбой по сырой глине михраба, датируемой серединой XIV в.⁴¹

Все образцы терракот были найдены нами в завалах, будучи не зафиксированными на фасаде, интерьере или других частях памятника. Тонкость резьбы, особенно чувствующаяся на эпиграфике, никак не может иметь отношения к portalу, так как здесь резная терракота должна выполняться крупным шрифтом. Поэтому нам кажется более вероятным предположение Н. Б. Немцевой, относящей резьбу к надгробию мавзолея, который мог иметь ступенчатую форму, медальончики могли располагаться по торцам, а надписи и геометрическая орнаментация — по боковым стенкам. Мы полагаем, что подобная геометрическая растительная и эпиграфическая орнаментация могла располагаться и на михрабной нише, как это наблюдается на мавзолее Мухаммада Бошаро⁴².

Определенную роль в выяснении истории мавзолея играет описание строительного раствора, остатки которого сохранились на боковых и оборотных частях терракоты. Он представлен обычным ганчем беловатого цвета и крупнозернистым грубым ганчем, хорошо сохранившимся как на оборотной, так и на боковых, часто обломанных частях резной терракоты. А как отмечает Н. С. Гражданкина, более грубый (тез ганч) встречается на позднефеодалных памятниках архитектуры. Остатки ганча на обломанных частях указывают на их вторичную установку при ремонтах. Такие факты обратной установки упавших изразцов часто фиксировались Н. Б. Немцевой на мавзолеях Шахи-Зинда. Мы полагаем,

³⁸ Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Гумбез Манаса, с. 37—38.

³⁹ Там же, с. 106.

⁴⁰ Там же, с. 112.

⁴¹ Воронина В. Л., Крюков К. С. Мавзолей Мухаммеда Бошаро. с. 65—66.

⁴² Там же, рис. 44, 45.

что мавзолей в период первой половины XVIII в. полностью разрушился. Со второй половины XVIII в., видимо, его начинают посещать почитатели, на что указывает утрамбованный земляной проход под полом 2 в шурфе 3. Возможно, в межстроительные периоды, скорее всего, между первым и вторым, при частичных ремонтах были вторично установлены остатки упавшей резной терракоты к надгробию или мехрабу, так как посетивший в 1813 г эту могилу путешественник отметил, что здесь, кроме надгробия, никакого сооружения нет⁴³.

Для более конкретного освещения вопроса времени появления мавзолея и его истории обратимся к другим письменным источникам. Первые более подробные сведения о нем имеются в путеводителе Мулло-Заде, написанном в первой половине XV в. для паломников, желающих совершить поклонение к местам захоронений почитаемых в Бухаре лиц.

«Описывая памятники, сосредоточенные в районе современных ворот Салляххона, Мулло-Заде уделяет основное внимание кладбищу конца VIII — начала IX вв., известному уже тогда под названием «кладбище Ходжа Порадуза...» Кладбище получило свое название от похороненного здесь знаменитого ханефитского имама Абу Бакра Мухаммада Ахмеда ал-Ис каф (арабск.), т. е. «Сапожника», получившего прозвище Порадуз, а позднее Бобои-Порадуз (персидск.): «Дед, ставящий заплаты». По словам Мулло-Заде, народ считает четырех знаменитых Бухарских Бакров, живших в X в., учениками Бобои-Порадуза»⁴⁴.

Таким образом, уже в XV в. этот памятник был популярным и почитаемым местом. Несомненно, что отнесение источником мазара Бобои-Порадуз к более раннему периоду может быть и преувеличением, так как возведение мавзолея в XIV в. по археологическим данным и стилистическому анализу резной архитектурной терракоты является несомненным. Кажущееся противоречие во времени появления памятника, возможно, объясняется более ранним, чем сам мавзолей, возникновением саганы. Впоследствии, когда Бобои-Порадуз стал признанным пиром, возведенным в ранг святых, а его могила — местом всеобщего поклонения, здесь, видимо, и мог быть воздвигнут мавзолей.

Еще большей конкретизации вопроса помогают данные других источников, которые отмечают, что Бухарский оазис между 1238 (восстание Тараби) и 1316 г. пять раз подвергался разорению⁴⁵. Посетивший Бухару в 30-е годы XIV в. путешественник Ибн-Бат-

⁴³ Соколов Ю. А. Бухара, Самарканд, Келиф в 1813 г. — Труды САГУ, с. 200.

⁴⁴ Гафурова Р. Л. «Китаб-и Мулло-Заде» как исторический источник. Автореферат канд. дисс. Л., 1961.

⁴⁵ Петрушевский И. П. Из истории Бухары в XIII в. — Ученые записки ЛГУ. Серия востоковедческих наук. Вып. I. Л., 1949, с. 103—118.

тута нашел базары, мечети и медресе города, еще лежащими в развалинах⁴⁶.

В опубликованных О. Д. Чехович вакфных грамотах XIV в. отмечается, что «в окрестностях Бухары в 1326 г. было очень много развалин разрушенных замков, мечетей и жилищ, запущенных выкорчеванных садов и виноградников... Все это, очевидно, следы страшных опустошений в результате монгольского нашествия и междоусобных войн между ханами. Ведь последнее разорение Бухары монголами было в 1316 г.»⁴⁷ Далее автор отмечает, что наряду с этим вакфный документ 1326 г. отразил и противоположный процесс — посадку садов, виноградников, сооружение домов, каналов и др.⁴⁸

Становится несомненным, что в том состоянии разрухи, в котором находилась Бухара в первой четверти XIV в., памятник не мог быть построен. Видимо, его возведение относится ко второй четверти XIV в., когда усилился процесс восстановления, что четко фиксируется богатой поливной керамикой этого времени. Отнесение памятника ко второй половине XIV в. противоречит выполнению его архитектурной облицовки из неполивной терракоты, которая к этому времени в архитектуре Средней Азии уже вытесняется майоликой и мозаикой. Примером может служить близкий по времени мавзолей Буян-Кулихана (1359, Бухара), архитектурная облицовка которого выполнена также в резной, но поливной майолике⁴⁹.

Касаясь окружения мавзоля и мазара (кладбища) Бобои-Порадуз, Мулло-Заде отмечает, что через дорогу находился мазар (и, видимо, мавзолей) шейха Сираджиддина Хилвати (патрона изготовителей сладостей). А к северу от него на берегу хауза — мазар (и, видимо, мавзолей) шейха Махмуда Санбусапаза (патрона изготовителей пирожков)⁵⁰. Как отмечает Р. Л. Гафурова, на кладбище, где главной святыней был мазар Бобои-Порадуз, сосредотачивались могилы лиц, фамилии которых были связаны с разными ремеслами, и нам представляется несомненным, что если и не исключительно, то во всяком случае главным образом здесь были захоронены представители ремесленных слоев Бухары и ее окрестностей⁵¹.

В начале XX в. здесь действительно находились три мавзоля, причем один из них, расположенный к северо-востоку от Порадуза, носил название Бобои-Намати, что в переводе означает «дед, изготовлявший кошмы». Рядом с этим мавзолеем находились

⁴⁶ Ибрагимов Н. «Путешествие» Ибн Баттуты (1333) как источник по истории Средней Азии. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. М., 1977, с. 141.

⁴⁷ Чехович О. Д. Бухарские документы XIV в. Ташкент, 1965, с. 14.

⁴⁸ Там же, с. 14—15.

⁴⁹ Шишкин В. А. Архитектурные памятники Бухары, с. 45.

⁵⁰ См.: Гафурова Р. Л. «Китаб-и Мулло-Заде» как исторический источник.

⁵¹ Там же.

мечеть, минарет и колодец. Возможно, это упоминаемый в источнике мазар Махмуда Санбусапаза, но разность в названии пока удерживает от идентификации. Несомненно лишь то, что наличие этого мавзолея не отрицает предположения о связи этого мазара с разными ремеслами⁵². Дальнейшего уточнения требует вопрос о захоронениях обычных представителей ремесла. Тем не менее к началу XX в. здесь хоронили и простых жителей близлежащих кварталов⁵³.

Строительство мавзолея над могилой своего патрона-пира, возведенного в ранг святого, могло быть произведено только обществом ремесленников, имевших к нему отношение и притом уже с утвердившейся сильной ролью цеховой организации, как института с четкими нормами правил труда и поведения, юридически закрепленных в специальных документах («рисола»).

Влияние и роль цеховой организации в жизни ремесленников сохранились вплоть до конца XIX — начала XX вв. и отмечены авторами этнографических работ. Все ремесленники, считавшие Бобои-Порадуза своим патроном, устраивали на мазаре общие цеховые собрания (арвохи пир) раз в три-четыре года, либо в период весеннего равноденствия, либо во время праздника нового года. Для таких собраний производился сбор денег с ремесленников и устраивались угощения. Как отмечает Е. М. Пещерева, «ежегодно во время празднования нового года по вторникам на мазаре Бобои-Порадуз бывали особые женские гуляния... Собирались все женщины, имевшие отношение к ремеслам, покровителем которых являлся Бобои-Порадуз...»⁵⁴ Таким образом, мы здесь встречаемся с немногочисленными фактами, проливающими свет на участие женщин в жизни цеховой организации, что свидетельствует об их определенной роли в производственных отношениях соответствующих ремесел⁵⁵.

На территории Средней Азии имеются другие места с захоронениями Бобои-Порадуза⁵⁶. Этот факт популярности личности Бобои-Порадуза, сапожника по профессии, объясняется значительной экономической ролью ремесел, связанных с иглой. Наличие

---

⁵² Косвенным подтверждением этому могут служить этнографические материалы из г. Ура-Тюбе, где «каждая группа населения имела свое кладбище». См.: Турсунов Н. О. Сложение и пути развития городского и сельского населения Северного Таджикистана XIX — начала XX вв. Душанбе, 1976, с. 137.

⁵³ Вполне вероятно традиция преимущественного захоронения здесь представителей ремесла вплоть до XVIII в. После XVIII в. намечается заметный отход от преемственности в культуре, искусстве и т. д.

⁵⁴ Пещерева Е. М. Бухарские золотошвей. — «Сборник музея антропологии и этнографии». Вып. XVI. М.—Л., 1955, с. 281.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ «В Кара-Кургане, расположенном в 18 верстах на север от Чуста, имеется известный мазар, в котором похоронен мусульманский святой Бобои-Порадуз... по профессии сапожник, потому он и служит патроном всех сапожников этой местности». — См.: Кастанье И. А. Историко-этнографическая поездка в Наманганский уезд Ферганской области. «Известия Туркестанского отдела ИРГО». Т. X. Вып. I, 1914, с. 146.

же других мавзолеев и возникновение культов в других областях обычно объяснялось перенесением сюда клочка волос или пальца патрона того или иного ремесла.

На примере мавзолея Бобои-Порадуз в Бухаре мы сталкиваемся не только с оригинальным, к сожалению, не дошедшим до нас памятником средневекового зодчества, но и с одной из немногочисленных усыпальниц, предназначенных для захоронений представителей не правящей династии, знати или духовенства, а ремесленного сословия. Возникновение подобных мавзолеев, их территориальное сосредоточение и датировка, видимо, являются не случайными. К XIV в. относится возникновение культов над могилами покровителя гончарного ремесла Саид Амир Кулала (близ Гиджувана) и Баховаддина Накшбенда (по профессии ткача) близ Бухары. Исторические источники показывают общий рост брожения в народных массах, процесс усиления их влияния на политические события, возникновение т. н. сарбадарских республик.

Строительство мавзолеев, возникновение культов и возведение представителей ремесла в ранг святых явилось лишь специфической восточной формой идеологического закрепления в религиозной оболочке ремесленным сословием своего места и роли в общественных отношениях этого периода.

Мы полагаем, что строительство мавзолея было произведено на средства и с помощью тех ремесленников, которые поклонялись Бобои-Порадузу и считали его своим пиром, т. е. мы здесь можем твердо утверждать о существовании цеховых организаций, ведь до сих пор их наличие по письменным источникам фиксируется только с конца XIV — начала XV вв.⁵⁷ И хотя мы не сомневаемся в их существовании с предмонгольского периода, но отсутствие как в письменных, так и в археологических источниках прямых на то доказательств⁵⁸ позволяет нам, на нашем материале, передвинуть эту дату на первую половину XIV в.

А. А. АБДУРАЗАКОВ

РЕСТАВРАЦИОННЫЕ РАБОТЫ НА АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКАХ УЗБЕКИСТАНА

Древние и средневековые памятники республики, выявленные в ходе археологических раскопок, преимущественно возведены из сырцовых материалов — пахсы, пахсовых блоков и кирпичей. Многие из таких памятников вследствие слабой стойкости сырцовых

⁵⁷ Беленицкий А. М. Организация ремесла в Самарканде XV—XVI вв. — КСИИМК. Вып. VI. М., 1940, с. 45; Он же. Из истории участия ремесленников в городских празднествах в Средней Азии в XIV—XV вв. — ТОВЭ. Т. II. Л., с. 189—201.

⁵⁸ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. Л., 1973, с. 301.

материалов постепенно разрушаются. В связи с этим ученые ряда стран мира вот уже более двадцати лет заняты поиском методов сохранения подобных сооружений. Однако до сих пор эта проблема не получила успешного разрешения. Ныне известен способ сохранения сырцовых объектов, разработанный итальянскими специалистами в содружестве с иракскими учеными. Он основан на использовании в качестве закрепляющего и консервирующего средства растворов этилового силиката в спирте. Данный состав испытан при консервации сырцовых сооружений г. Йезд в Иране¹. Однако авторы считают свою работу незавершенной и требующей многолетнего наблюдения.

Один из методов закрепления древних памятников разработан и у нас в республике. В отличие от итальяно-иракского состава здесь используются растворы мономеров изоцианатной группы в ксилоле в присутствии катализаторов². Кроме того, существуют еще методы, применяемые в других смежных отраслях, например, в строительном производстве. Так, при закреплении грунтов, уплотнении фундаментов и берегов каналов, при различных изоляционных работах издавна применяется жидкое стекло³.

Перед нами стояла задача испытать закрепляющие свойства каждого из отмеченных средств в полевых условиях на различных объектах, расположенных в разных историко-культурных регионах. В качестве основных пунктов для проведения полевых экспериментальных работ выбраны городища Афрасиаб в Самарканде и Актепа в Ташкенте. Объектом химической консервации на городище Афрасиаб стала древнейшая оборонительная стена города VI—III вв. до н. э. с остатками башен и бойниц⁴.

Первые опытные работы нашего отряда начаты в 1977 г. С помощью закрепляющего состава из мономеров изоцианата и ксилола с добавкой катализатора был пропитан небольшой участок оборонительной стены (около 10 кв. м). Он прекрасно выстоял наиболее дождливый сезон 1977—1978 гг. Учитывая положительные результаты опытных обработок, мы решили расширить площадь экспериментального участка, выполнив некоторые ремонтно-восстановительные работы, исходя из состояния отдельных деталей стены. Сохранность стены в целом была удовлетворительной, за исключением значительно разрушенных пилястр. Стена по всему гребню имела продольную трещину различной ширины. Перед химической консервацией пилястры были восстановлены путем кладки кирпичей аналогично древним образцам, т. е. размерами сторон 36×36×18 см.

¹ Nouvelles de l'ICOM. Vol. 15, 1962, № 3—4.

² Абдуразаков А. А., Камбаров М. К., Ильхамов Ш. И. Новый способ закрепления пористых археологических объектов. — ОНУ, 1974, № 4.

³ Григорьев П. Н. Растворимое стекло. М.—Л., 1938.

⁴ Туребеков М. Основные этапы развития внешней оборонительной стены древнего Самарканда по данным раскопа 27 на западном фасе Афрасиаба. — В сб.: Тезисы докладов Всесоюзного научного совещания «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979, с. 70—72.

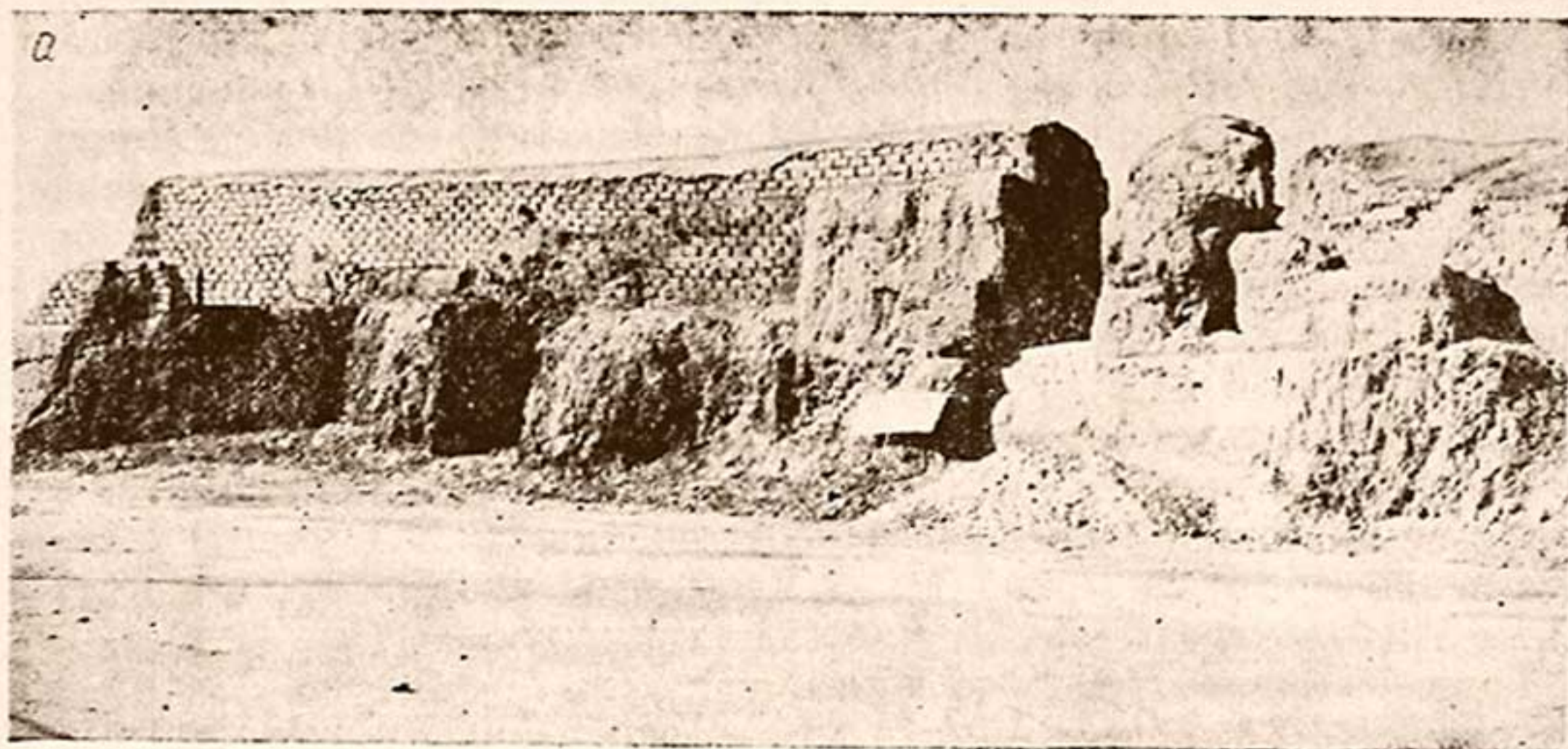
Продольная трещина на гребне заливалась жидкой глиняной массой и утрамбовывалась, дерновый слой полностью удалялся. На гребне и под стеной провели сток для дождевых вод. Химическую консервацию осуществляли указанным способом. В целом в 1978 г. было закреплено около 400 кв. м поверхности оборонительной стены. Обработка стен осуществлялась с помощью садовых опрыскивателей. За зимний период состояние закрепленного участка было удовлетворительное. Однако в 1979 г. с началом весенних обильных дождей стены постепенно стали разрушаться по местам появления трещин и попадания влаги, особенно у гребня, куда ранее заливалась жидкая масса глины, которая, оседая, образовывала углубления. Через эти углубления влага попадала во внутрь стены и размягчала кирпичи. Поэтому реставраторы стали проводить, в основном, работы по восстановлению разрушенных мест путем повторной кладки сырцовыми кирпичами идентичных размеров.

Большие укрепительные работы велись на гребне стены по всей длине продольных трещин. Для предотвращения обвалов стен и придания более прочной связи между разрушенными частями были сделаны специальные углубления — канавки, куда вставлялись металлические I-образные конструкции. После помещения I-образных металлических стяжек из труб канавки были заложены сырцовыми кирпичами и заделаны. Химическая консервация осуществлялась путем пропитки поверхности оборонительной стены смесью тех же самых растворов. Всего обработано около 630 кв. м стены. В этот расчет наряду с прежними участками вошли и новые (рисунок, а). Особенность работ 1979 г. заключалась в том, что гребень стены после утрамбовывания и организации стока был покрыт рулонной толью и залит густой глиняной массой. Состояние стен после закрепления (глубина пропитки, прочность и фактура поверхности) вполне удовлетворительное.

Консервационные работы выполнялись и на Юнусабадском Актепа в Ташкенте. Были закреплены поверхности стен вновь вскрытого юго-восточного участка цитадели, трех хозяйственных помещений (хранилищ), а также обнаруженного ранее помещения в западной части донжона (башни). Часть последнего помещения вскрыта еще в 1940 г., а остальная — в 1972 — 1974 гг.⁵ Сохранность стен разная, особенно разрушены участки, открытые в 1940 г. В связи с тем, что стена была сильно разрушена из-за произрастания растений и смыва дождей, химическую обработку пришлось вести с ее внутренней стороны. Общая площадь закрепления составила около 25 кв. м. Учитывая хорошую освещенность и попадание солнечных лучей, консервацию выполнили мономе-

⁵ Тереножкин А. И. Раскопки холма Актепа близ Ташкента в 1940 г. — «Известия УзФАН СССР», 1941, № 3; Филанович М. И. Новые данные изучения Актепа у абразивного завода в Ташкенте. — В сб.: История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.

ром изоцианата в ксилоле. Состояние стены после обработки было удовлетворительным.

Оборонительная стена Афраснаба VI—III вв. до н. э. (а) и хозяйственные помещения Актепа V—VIII вв. н. э. (б) после реставрации и химической консервации.

Для получения сравнительных данных и оценки эффективности различных методов консервации были выбраны крупные помещения с достаточно большими размерами стен при идентичных ус-

ловиях воздействия солнечных лучей, т. е. хозяйственные помещения (хранилища), расположенные на юго-восточном участке цитадели (см. рисунок, б).

Хранилище состоит из двух удлиненных помещений, соединяющихся между собой коридором. Стены внутреннего помещения в целом хорошей сохранности. Их пропитывали раствором мономера изоцианата в ксилоле. В связи с попаданием солнечных лучей результаты закрепления были вполне нормальными. Наружное помещение хранилища также пропитали тем же раствором, но одну из стен разделили на три части, размер каждой составлял соответственно $5 \times 1,1 = 8,5$; $5,5 \times 1,7 = 9,4$ и $5,1 \times 1,7 = 8,5$ кв. м.

Первую часть стены пропитали раствором мономера изоцианата в ксилоле, вторую — этилсиликата в гидролизном спирте в присутствии соляной кислоты в соотношении 65:34:1 частей соответственно и третью — жидким стеклом. Последним был пропитан также гребень стены общей площадью 15 кв.м.

Таким образом, в ходе консервационных работ на Актепа в Ташкенте были испытаны три метода консервации, известные в мировой практике, и с их помощью закреплены стены помещений V—VIII вв. н.э. общей поверхностью около 350 кв.м. Этим был заложен опыт сравнительного изучения различных методов консервации памятников, расположенных в разных историко-культурных и почвенно-геологических регионах республики.

И. Г. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, Б. Д. КОЧНЕВ

МОНЕТЫ С ИМЕНЕМ САМАНИДА ЙАХИИ б. АСАДА

В 204/819—820 г. аббасидский наместник Хорасана Гассан б. Аббад за услуги, оказанные халифату сыновьями Асада б. Самана в подавлении восстания Рафи' б. Лайса, передал им в управление различные области Мавераннахра и Хорасана: Нуху — Самарканд, Ахмаду — Фергану, Йахйе — Шаш и Усрушану, Ильясу — Херат. Это пожалование вскоре подтвердил новый хорасанский наместник, родоначальник династии Тахиридов Тахир б. Хусайн, а впоследствии его сын Талха¹. В Мавераннахре первые Саманиды были наместниками второго ранга и подчинялись Тахиридам. Сведения письменных источников о сыновьях Асада очень скудны и давно уже рассмотрены и проанализированы исследователями. В этих условиях чрезвычайную важность приобретают иные категории источников, прежде всего нумизматические, но до недавнего времени они были представлены очень небольшим числом монет.

¹ Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе. (Из ранней истории Саманидского дома). — В сб.: КСИИМК. Вып. XII. М.—Л., 1946, с. 106—107.

Первая монета Йахйи б. Асада была издана десять лет назад². С тех пор в некоторых музейных и частных собраниях и среди находок с территории Узбекистана нам удалось выявить почти три десятка фельсов с именем этого правителя. Некоторые из них уже изданы³. Цель настоящей публикации — описание и предварительное рассмотрение всех доступных нам монет, в надписях которых упоминается Йахйа.

1—3. Бинкет, без обозначения года⁴. Об. ст., поле: Йахйа.
Л. ст. В поле: Об. ст. В поле:

لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

محمد
رسول
الله

يحيى

Внизу — три точки, расположенные в линию (вариант: треугольничком вершиной вверх). Кругом, между внутренним точечным и внешним линейным ободками, выпускные сведения: *بسم الله ضرب هذا الفليس ببكت*

Вверху — трехточечный треугольничек вершиной вверх. Кругом, в обрамлении, как на л. ст., сильно искаженная кораническая легенда (Коран. IX, 33)⁵: *.. الحلق ليظهور...*

4—9. Мадинат аш-Шаш, без обозначения года⁶. Об. ст., поле: Йахйа.

Л. ст. В поле: لا اله الا
الله وحده
لا شريك له

Об. ст. В поле: محمد
رسول
الله
يحيى

² Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Йахйи ибн Асада. — ЭВ. Вып. XXI. Л., 1972, с. 30—31.

³ Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Монетные находки с Кендыктепа. — В сб.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 133—134; Они же. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX—X вв. — В сб.: ИМКУ. Вып. 13. Ташкент, 1977, с. 141—142.

⁴ Фельсы № 1—2 найдены на городище Кендыктепа в Ташкентской области. Д. 20—21; 18—19; в. 1,8; 1,7. На обеих сторонах фельса № 1 у края следы попытки пробить его. (См.: Ерназарова Т. С., Кочнев Б. Д. Монетные находки с Кендыктепа. — В сб.: Древности Туябугуза, с. 133, № 102). Фельс № 3 найден на территории средневекового Бинкета (См.: Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Йахйи ибн Асада, с. 30).

⁵ Э. В. Ртвеладзе и Л. Л. Ртвеладзе (см.: Ртвеладзе Э. В., Ртвеладзе Л. Л. Первый фельс Йахйи ибн Асада) эту легенду не читали и привели мнение М. Е. Массона, видевшего в ней некое благочестивое выражение. На фельсе № 1 она уцелела частично, но сопоставление его с прорисовкой фельса № 3 показывает, что это одна и та же надпись, прочесть которую по прорисовке полностью не удается.

⁶ Четыре фельса этого типа хранятся в Государственном Эрмитаже (ГЭ, инв. № 6097, 8784, 11784, 17956. Д. 21, 22, 23, 22; в. 1; 7; 2; 3; 2,0; 2,7). Монета инв. № 6097 происходит из бывшей коллекции В. В. Вельяминова-Зернова, инв. № 11784 — из бывшего собрания Е. А. Пахомова. Еще один фельс ока-

Кругом, в обрамлении как у № 1. Коран. IX, 33:

ارسله بالهدى ودين الحق لظهوره

10—15. Шаш, 233/847—48 г.⁷ Л. ст., круговая легенда; Тахир б. Абдаллах; об. ст., поле: Йахйа.

Л. ст. В поле, как № 1—3, с трехточечным треугольником внизу. Кругом в обрамлении, как у № 1—3:

ضرب هذا الفليس بالشاش مما امر به طاهر بن عبد الله سنة ثلثة وثلثين ومانين

Вариант 1. Дата усечена так: ثلثة و

Вариант 2. Дата усечена иначе: ثلت

16. [Шаш?], [2] 33/847—48 г.⁸ Л. ст. В поле, как № 1—3.

Вверху трехточечный треугольничек вершиной вниз, внизу — вершиной вверх. Кругом, в обрамлении, как у № 1—3, фрагмент легенды с выпускными сведениями:

...سنة ثلثة وثلثين و...

Кругом в обрамлении, как на л. ст., выпускные сведения:

بسم الله ضرب هذا الفليس بمدينة الشاش

Об. ст. В поле, как № 1—3. Кругом, в обрамлении, как на л. ст., кораническая легенда (Коран, IX, 33), но более полный вариант, чем у предыдущих типов:

ارسله بالهدى ودين الحق ليظهوره على الدين كله و لو كره المشركون

Об. ст. В поле: Йахйа.

Об. ст. В поле, как № 1—3. Кругом, в обрамлении, как у № 1—3, фрагмент коранической легенды (Коран. IX, 33).

зался в музее истории Армении (инв. № 8290); д.—20, в.—3,0. Наконец, последний фельс обнаружен на городище Кендыктепа. Д.—20—21, в. 1,9. Он опубликован Б. Д. Кочневым (См. сб.: Древности Туябугуза, с. 134, № 107) до ознакомления с эрмитажными экземплярами, и из-за плохой сохранности наименование монетного двора разобрать тогда не удалось, теперь совершенно ясно, что это Мадинат аш-Шаш.

⁷ Четыре фельса этого типа хранятся в Эрмитаже (ГЭ, инв. № 3055, 3056, 3060, 8730), д. 21, 21, 21, 21, в. 2,1; 2,6 2,1; 1,6 (кружок чуть обломан). Фрагмент аналогичного фельса найден в начале 1970-х годов при работах археолога К. Абдуллаева на городище Канка (средневековый Харашкет) в Ташкентской области. Один фельс найден на городище Кендыктепа, д. 20—21, в. 1,9. Он опубликован Б. Д. Кочневым (См.: Древности Туябугуза. Ташкент, 1978, с. 133, № 104), но с неверной датой 230/844—45 г. Слова в дате выбиты очень мелко, трудны в чтении, и только сопоставление этой монеты с эрмитажными и канкинским экземплярами позволило исправить чтение: начертано не *ثلثة وثلثين* а *ثلثة و*

⁸ ГЭ, инв. № 3062, д.—21, в.—1,9.

17—18. Шаш, 200 г. х.⁹ Л. ст., круговая легенда: Тахир б. 'Абдаллах; об. ст., поле: Йахйа.

Л. ст. Как №10—15, но от даты . Об. ст. Как № 10—15.

уцелело только و مأتين

19—23. Шаш, без обозначения года¹⁰. Л. ст., круговая легенда: Тахир б. 'Абдаллах; об. ст., поле: Йахйа.

Л. ст. Как № 10—15, но дата Об. ст. Как № 10—15.
вообще не проставлена.

Вариант: от обозначения даты
поместилось только слово
سنة (год).

24—25. Шаш. год?¹¹ Л. ст. круговая легенда: Тахир б. 'Абдаллах; об. ст., поле: Йахйа.

Л. ст., как № 10—15, но сох- Об. ст. Как № 10—15.
ранность не позволяет опреде-
лить, утрачена дата или не
проставлена.

26—28. Шаш, 24/855 г.¹² Л. ст., поле: Абу 'Абдаллах; круговая легенда: Тахир и Йахйа.; об. ст., поле: ал-Мутаваккил 'ала-Ллах.

Л. ст. В поле:	Об. ст. В поле:
لا اله الا	الله
الله وحده	محمد
لا شريك له	رسول
ابو عبدالله	الله
	المتوكل على الله

⁹ ГЭ, инв. № 3059, 15925, д. 21—22, в. 2,3; 2,5.

¹⁰ ГЭ, инв. № 3054, 3057, 3058, д. +21,20—22; 21; в. 1,8; 1,8; 1,9. Один фельс этого же типа с Кендыктепа (д. 20, в. 1,5; кружок окислен, сильно истончился, с краю пробит) издан Б. Д. Кочневым (Древности Туябугуза, с. 134, № 105). Еще одна аналогичная монета, найденная при раскопках соборной мечети Афрасиаба (д. 22, в. 1,6), издана Б. Д. Кочневым (Ерн азарова Т. С., Кочнев Б. Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX—X вв., с. 141, № 2).

¹¹ ГЭ, инв. № 3061 (д. 21, в. 2,4). Второй фельс найден на Кендыктепа (д. 20—22, в. 2,4) и опубликован Б. Д. Кочневым (Древности Туябугуза, с. 134, № 106).

¹² ГЭ, инв. № 3052 (д. 25, в. 3,5). Второй экземпляр (д. 26, в. 3,4) найден на городище Афрасиаб (раскоп 23, помещение 18) и издан, как и третий, Б. Д. Кочневым (Ерн азарова Т. С., Кочнев Б. Д. Материалы к истории торговли и денежного обращения Самарканда в IX—X вв., с. 142, № 3). Третий фельс хранится в коллекции ташкентского нумизмата В. В. Кучерова.

Кругом, в обрамлении как № 1—3, выпускные сведения:

Кругом, как № 10—15.

ضرب هذا الفلّس بالشّاش في
ولاية طاهر ستة احدى واربعين
و مأتين يحيى

Прежде всего обратимся к датировке описанных фельсов. Установлены лишь две точные даты: 233/847—48 и 241/855 гг. Экземпляры № 17—25 с непроставленной либо утраченной датой и упоминанием Тахирида Тахира б. 'Абдаллаха (230—248/845—862) и Йахьи б. Асада (204—241/819—855) не могли быть чеканены раньше прихода к власти Тахира и после смерти Йахьи. Следовательно, они укладываются в отрезок времени между 230/845 и 241/855 гг., а поскольку шашские фельсы 240—241 гг. х. относятся к другому типу, выпуск монет № 17—25 падает на 230-е годы. На первый взгляд сложнее вопрос с фельсами № 1—9, на которых нет дат и упомянут только Йахья. Формально мы имеем право датировать их лишь в широких пределах почти сорокалетнего его правления, однако некоторые косвенные соображения позволяют значительно сузить хронологические рамки их выпуска.

Еще А. Ю. Якубовский выдвинул, а Е. А. Давидович развила гипотезу, согласно которой при жизни Нуха б. Асада право чеканки медных монет принадлежало только ему, как старшему из братьев. Поэтому даже в Бинкете, центре владений Йахьи б. Асада, монеты выпускались с именем Нуха, а не Йахьи¹³. В отношении Шаша эта гипотеза вполне подтверждается новыми монетными данными: ни на одном бинкетском фельсе Нуха Йахья не упоминается¹⁴, а среди монет последнего нет экземпляров, определенно относящихся к периоду правления Нуха (204—227/819—842 гг.). Значит, наиболее правдоподобно, что все фельсы Йахьи чеканены уже после смерти Нуха.

По характеру легенды с выпускными сведениями монеты можно разделить на две группы. Признаки первой группы (№ 1—9) таковы: 1) наличие благочестивой вводной формулы «Во имя Аллаха»; 2) упоминание столицы области (Бинкет, Мадина аш-Шаш) как места выпуска; 3) отсутствие имен Тахиридов. Признаками второй группы (№ 10—28) являются: 1) отсутствие благочестивого начала; 2) упоминание в качестве названия монетного двора имени всей области — аш-Шаш; 3) включение имени Тахира. Фельсы Нуха, сохранившие обозначение места выпуска, чеканены в Бинкете, не упоминают Тахиридов, а круго-

¹³ Якубовский А. Ю. Об одном раннесаманидском фельсе, с. 110; Давидович Е. А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада. — ЭВ. Вып. IX. М.—Л., 1954, с. 38—39.

¹⁴ Давидович Е. А. Вторая монета Саманида Нуха ибн Асада, с. 38; Древности Туябугуза, с. 131—132, № 96, 98, 100.

вая легенда лицевой стороны начинается благочестивой формулой. Следовательно, по характеру надписи с выпускными сведениями монеты первой группы примыкают не ко второй группе, а к монетам Нуха, и стало быть, занимают промежуточное положение между фельсами Нуха и монетами Йахьи 230-х годов хиджры. А отсюда мы можем заключить (не настаивая, естественно, на абсолютной достоверности вывода): фельсы Йахьи №1 — 9 выбиты не ранее 227/841 — 42 и не позднее 233/847 — 48 гг.

Из монетных дворов на описанных фельсах фигурируют три: Бинкет, Мадинат аш-Шаш и аш-Шаш. На саманидских монетах третье название встречается чаще прочих двух. Из надписей большинства этих монет явствует лишь, что они чеканены в пределах Шаша, без уточнения, в каком именно городе. Только на шашских дирхемах Исма'ила б. Ахмада 282/895—96 и 283/896 — 97 гг. в поле лицевой стороны под символом веры стоит слово «Бинкет»¹⁵, определенно указывающее на место выпуска. Таким образом, мы можем заключить, что фельсы с именами Йахьи б. Асада и Тахира б'Абдаллаха выпущены не вообще в Шаше, а в его столице — Бинкете.

Название Мадинат аш-Шаш в качестве наименования монетного двора на самих монетах встречается крайне редко. Известны два дирхема 190/806 г., местом выпуска которых назван Мадинат аш-Шаш. Один еще на исходе XVIII столетия издан И. Халленбергом¹⁶, второй обнаружен в составе Кохтельского клада¹⁷. Внимательное их рассмотрение демонстрирует явное хронологическое и историческое несоответствие надписей на лицевой и оборотной сторонах, и в свете последних исследований А. А. Быкова оба дирхема следует отнести к хазарской чеканке, для которой очень характерны подобные несуразности¹⁸. Тем не менее можно предполагать существование прототипа этих монет, действительно выпущенного в Мадинат аш-Шаш, но пока, к сожалению, не выявленного.

Из прямого смыслового значения слова «мадинат» («город», «столица») явствует, что монетный двор Мадинат аш-Шаш располагался в столице области. А поскольку в IX — X вв. административным центром Шаша являлся Бинкет, то в этом городе и были выпущены фельсы Мадинат аш-Шаш. Правда, археологи локализируют «Мадину Шаша» на месте городища Мингурюк в Ташкенте, а не на месте располагавшихся в нескольких километрах от него развалин Бинкета, однако, речь в данном случае идет о

¹⁵ Тизенгаузен В. О саманидских монетах. — ТВОРАО. Ч. 1. Спб., 1855, с. 34.

¹⁶ Hallenberg I. Collectio numorum cuficorum. Stockholm, 1800, с. 16, табл. III, N X.

¹⁷ Anderson W. (mit Beiträgen von R. Vasmer). Der Chalifenmünzfund von Kochtel. Dorpat, 1926, с. 44—45, N 135.

¹⁸ Быков А. А. Из истории денежного обращения Хазарии в VIII—IX вв. — Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. III. М., 1974, с. 26.

столице области поры арабского завоевания¹⁹. И действительно, по археологическим данным, после этого завоевания, с середины VIII в. жизнь на городище прекращается и вновь возрождается (в значительно меньших масштабах) уже в XI—XII вв.²⁰ Таким образом, если даже принять локализацию предарабской «Медины Шаша» на месте Мингурюка, столицей области в IX в. был Бинкет, где и размещался монетный двор, фигурирующий на фельсах Йахьи б. Асада под тремя разными названиями: Бинкет, Мадинат аш-Шаш, аш-Шаш.

Едва ли следует в двухкратном изменении наименования монетного двора Йахьи видеть отражение каких-то перемен в его политическом положении, толкуя это обстоятельство примерно таким образом: сначала он был только правителем Бинкета, а затем распространил свою власть на весь Шаш. Правда, для раннекараханидского периода известны случаи, когда владелец столицы не являлся одновременно правителем области. Так, Чагры-тегин Хусайн на протяжении по крайней мере 15 лет (404—418/1013—1028) владел столицей Илака Тункетом, власть же над всей областью побывала за это время в руках четырех других представителей правящего дома²¹. Однако для раннесаманидского периода подобных примеров мы не знаем. Напротив, на чеканенных в III в. х. фельсах потомков Асада б. Ахмада, правителей Ферганы, в качестве места выпуска постоянно фигурирует Ахсикет, столица области²². Но политические перемены все же были — они отразились в другом: в появлении на монетах Йахьи второй группы имени Тахира б. Абдаллаха, не упомянутого на фельсах первой группы и фельсах Нуха. Однако и эту важную деталь нельзя истолковать прямолинейно, положим, в том смысле, что Нух б. Асад и на первых порах Йахья были в Шаше вполне самостоятельны и лишь со временем Йахья б. Асад попал в зависимость от Тахиридов. Первые Саманиды вообще не имели права чеканить дирхемы, которые до Исмаила б. Ахмада выпускались в Шаше только с именами Аббасидов и Тахиридов.

Следовательно, с самого начала Саманиды в Шаше (и не только там) подчинялись Тахиридам, но первое время эта зависимость не находила отражения в надписях фельсов Бинкета и Мадинат аш-Шаш. А коль скоро после прихода к власти Тахира б. Абдаллаха имя его стали включать в легенды шашских фельсов,

¹⁹ Буряков Ю. Ф. Историческая топография древних городов Ташкентского оазиса. (Историко-археологический очерк Чача и Илака). Ташкент, 1975, с. 64.

²⁰ Зильпер Д. Г. Мингурюк — древнейшее городское образование. — В сб.: Древний Ташкент. Ташкент, 1973, с. 51—52.

²¹ Кочнев Б. Д. Шаш (Чач) и Илак при Караханидах (по нумизматическим данным). — В сб.: Древняя и средневековая культура Чача. Ташкент, 1979, с. 153.

²² Давидович Е. А. Новые данные по истории Саманидов (клад медных монет IX—X вв. из Самарканда). — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977, с. 122, табл. 6.

право монетной чеканки в сфере меди стало для Йахьи более ограниченным, степень же зависимости Шаша от нишапурского двора, видимо, увеличилась.

Обращает на себя внимание разница в размещении на монетах имен Нуха и Йахьи. На фельсах первого оно всегда проставлено в круговой легенде оборотной стороны, имя же Йахьи, за исключением фельсов 241/855 — 56 г., выбито в поле оборотной стороны, под второй частью символа веры, причем даже в тех случаях, когда Тахир б. Абдаллах не упомянут. Следовательно, перемещение имени Йахьи в поле нельзя ставить в связь с появлением на шашских фельсах имени Тахира и с изменением политического веса владетеля Шаша. Действительно, если допустить, что место в поле — более «почетное» и что Йахья поднялся на более высокую ступень иерархической лестницы в сравнении с Нухом, то, выходит, Тахир занимал подчиненное положение по отношению к своему вассалу, а это нелепо. Если предположить обратное (место в поле — менее «почетное»; а Нух был «выше» Йахьи), получается еще большая нелепость: в таком случае халиф Мутаваккил, упомянутый на фельсах 241 г. х. в поле оборотной стороны, был подчинен Тахиру и Йахье. Стало быть, правила взаиморасположения имен вассала и сюзерена на раннесаманидских монетах еще не были выработаны, а место имени в монетных легендах мало что говорит о политической значимости его носителя. В случае же с Йахьей перемещение его имени в поле оборотной стороны объясняется не политическими переменами и даже не изменением вкусов, а появлением в круговой легенде, где при Нухе проставлялось его имя, коранической надписи, отсутствующей на всех известных монетах Нуха.

На фельсах второй группы она пространная, на экземплярах первой группы более короткая, причем на бинкетских монетах Йахьи искажена настолько, что публикаторы первого его фельса вообще не сумели ее разобрать. Отдельные ошибки в коранической легенде вообще характерны для большинства описанных монет, но лишь на фельсах №1 — 3 она выглядит безграмотной. Быть может, это объясняется тем, что резчики штемпелей не обладали необходимыми навыками в ее воспроизведении и приобрели опыт не сразу. Если так, бинкетские фельсы Йахьи во времени предшествуют выпущенным в Мадинат аш-Шаш. Да и логически такое предположение представляется более правдоподобным. Странно было бы, если б после монет Нуха, битых только в Бинкете, Йахья переименовал монетный двор в Мадинат аш-Шаш, а затем вновь вернулся к бинкетскому варианту, чтобы затем опять от него отказаться. Иными словами, последовательность, вероятно, была такой: Нух — Бинкет; Йахья — Бинкет; Мадинат аш-Шаш; аш-Шаш.

Таким образом можно сформулировать следующие выводы.

— Право чеканки монет со своим именем, а следовательно, и реальную власть над Шашем Йахья б. Асад приобрел только

после кончины своего старшего брата Нуха (227/841 — 42), хотя эта область была пожалована ему еще в 204/819 — 20 г.

— Первые годы Йахйя занимал в Шаше такое же положение, как и Нух, но затем его зависимость от Тахиридов, вероятно, усилилась с 233/847—48 г. (первый датированный шашский фельс с упоминанием не только Йахйи, но и Тахира б. 'Абдаллаха) или 230/845 г. (начало правления Тахира). На правах тахиридского вассала Йахйя владел Шашем до своей кончины (241/855).

— Фельсы Йахйи, не упоминающие Тахира и битые в Бинкете и Мадинат аш-Шаш без обозначения даты, чеканены между 227 и 233 (или 230) гг. х., причем монеты Бинкета предшествуют во времени выпущенным в Мадинат аш-Шаш. Шашские фельсы с непроставленной или утраченной датой, типологически подобные фельсам 233 г., выбиты не ранее 230 и не позднее 239 г. х.

— Все три обозначения места выпуска монет с именем Йахйи (Бинкет — Мадинат аш-Шаш, аш-Шаш) относятся к одному монетному двору, располагавшемуся в столице Шаша Бинкете.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Р. Касымов, М. Х. Годин. О комплексном исследовании палеолитической стоянки Кульбулак	3
Т. Оманжолов. Новая пещерная стоянка мустьерского времени в Узбекистане	11
У. Рахманов. Об орнаментации керамики с поселения Джаркутан	15
Х. Дуке. Чиракчинское поселение	19
А. А. Аскарров. Раскопки Пшактепа на юге Узбекистана	30
А. Валиев. Античный этап развития антропогенных ландшафтов юга Узбекистана	41
Р. Х. Сулейманов, Н. Ю. Нефедов. Предварительные результаты раскопок дворца Еркургана	47
М. Туребеков. Цитадель Еркургана	51
М. Х. Исамиддинов. Стратиграфия древнейших слоев Еркургана.	60
И. Д. Иванецкий. Образ богини Анахиты в коропластике Согда	78
А. Мухамеджанов, Д. Мирзаахмедов, Ш. Адылов. Керамика нижних слоев Бухары. (Опыт предварительной периодизации)	81
А. Грицина. Каунчинское погребение первых веков н. э. в Ташкенте.	97
А. Р. Батиров. Костные останки животных из Рамиштепа	100
Э. В. Ртвеладзе. К характеристике раннесредневековых памятников Чаганнана	102
Г. И. Богомолов, О. А. Папахристу. О дастарханах	107
О. В. Кириллова. Каменная гиря с городища Афрасиаб	116
Б. Р. Абишева. Средневековая керамика из поздних наслоений цитадели Афрасиаба	118
Л. Г. Брусенко, З. С. Галиева. Материалы раскопок квартала X—начала XI вв. на городище Канка	124
Л. Ю. Маньковская. Типологическая классификация памятников средневековой архитектуры Средней Азии	136
Б. Д. Кочнев. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 4 (Караханиды)	152
У. А. Алимов, Д. К. Мирзаахмедов. К истории мавзолея Бобой-Порадуз в Бухаре	169
А. А. Абдуразаков. Реставрационные работы на археологических памятниках Узбекистана	186
И. Г. Добровольский, Б. Д. Кочнев. Монеты с именем Саманида Яахьи б. Асада	190

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Вып 17

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языкознания и литературоведения АН УзССР*

Редактор *А. С. Михерева*
Художник *Е. И. Владимиров*
Технический редактор *В. М. Тарахович*
Корректор *Л. В. Дамасва*

ИБ № 1644

Сдано в набор 10.09.82. Подписано к печати 13.10.82. P07872. Формат 60×90^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 12,5. Уч.-изд. л. 14,1. Тираж 1000. Заказ 185. Цена 2 р. 30 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.

Цена 2 р. 30 к.

USSN 0135—1675